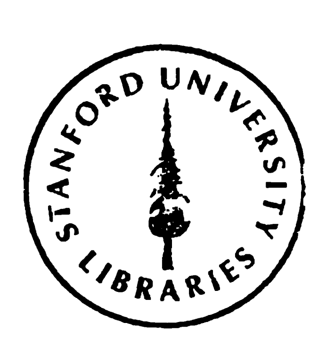

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

1854
СЕВАСТОПОЛЬ
1855

СЕВАСТОПОЛЬ

и

ЕГО СЛАВНОЕ ПРОШЛОЕ.

Ночная вылазка.

Valueva, A. P

СЕВАСТОПОЛЬ

и

его славное прошлое.

СОЧИНЕНІЕ

А. П. ВАЛУЕВОЙ (Мунтъ).

Съ 34 рисунками Н. С. Самокиша.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. ДЕВРІЕНА.

Дозволено цензурою. Спб., 20 октября 1899 г.

Тип. Спб. акц. общ. печ. дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ. Троицкая, 18.

Дозволено цензурою. Спб., 20 октября 1899 г.

Тип. Спб. акц. общ. печ. дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ. Троицкая, 18.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Иди въ градъ сей, откуда впервые разлилось православіе на родину нашу, пади тамъ ницъ—мѣсто бо сіе свято есть!»

Иннокентій.—Изъ рѣчи къ войскамъ, 1855 г. 29 іюня.

Трудно выразить то скорбно-благоговѣйное чувство, которое охватываетъ каждаго истинно-русскаго человѣка при въѣздѣ въ Севастополь. Кажется, будто приближаешься къ могилѣ кого-то близкаго, любимаго, кого оплакиваешь и кѣмъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, гордишься...

Помню тотъ ясный лѣтній вечеръ, когда судьба впервые закинула меня въ этотъ многострадальный городъ. Это было въ 1883 году, слѣдовательно 28 лѣтъ спустя послѣ знаменитой осады Севастополя. Несмотря на эти долгіе годы, городъ стоялъ еще на три четверти въ развалинахъ, какъ будто враги только лишь вчера прекратили свою безпощадную по немъ бомбардировку. Среди остатковъ строеній, изъ которыхъ многія носили еще слѣды прежней красоты и изящества,—не даромъ же считался Севастополь столицею черноморскаго побережья, однимъ изъ лучшихъ русскихъ городовъ,—ютились заурядные провинціальные домики современныхъ владѣльцевъ, по большей части разоренныхъ осадою. Величественныя развалины Морской библіотеки, Петропавловская церковь съ ея классическою колоннадою, обветшавшая, но все-таки прелестная Граф-

ская пристань,—всѣ эти остатки блестящаго прошлаго навѣвали на душу невыразимо-грустное чувство.

А «равнодушная природа» продолжала «сіять вѣчною красою». Дивно-прекрасное, лазурное море, глубоко врѣзывающееся въ севастопольскіе берега, имѣло такой же торжествующій видъ, какъ и въ тѣ времена, когда на волнахъ его гордо раскачивался нашъ славный, горько оплаканный, нынѣ возродившійся черноморскій флотъ; южное солнце заливало своими лучами бѣдный, полуразрушенный городъ такъ же щедро и любовно, какъ и во дни Корнилова, Нахимова и Лазарева.

Старый матросъ, современникъ Крымской кампаніи, перевезъ меня на яликѣ на Сѣверную сторону, къ Братскому кладбищу.

Обращаясь съ напутственнымъ словомъ къ войскамъ, идущимъ на защиту Севастополя, 29 іюня 1855 года знаменитый русскій проповѣдникъ Иннокентій сказалъ:

«Не поученіе говорить вамъ мы прибыли сюда; нѣтъ, мы явились учиться у васъ, славные защитники града, учиться, какъ исполнять заповѣди Христа Спасителя: оставь отца, матерь твою и домъ твой, возьми крестъ и гряди по мнѣ! Впредь, поучая паству свою, мнѣ не надо искать далеко примѣровъ добродѣтели; я скажу ей: иди въ градъ сей и поучись у перваго встрѣчнаго изъ братій твоихъ, защитниковъ вѣры и мѣстъ, откуда впервые разлилось православіе на родину нашу... пади тамъ ницъ—мѣсто бо сіе свято есть».

Такъ вотъ кѣмъ населено Браткое кладбище, и такихъ героевъ тамъ лежитъ до 100,000. Подъ каждымъ изъ высокихъ могильныхъ крестовъ, съ краткою, но многознаменательною надписью «Братская могила», покоятся десятки, сотни борцовъ, павшихъ за вѣру, царя и отечество. А съ ними вмѣстѣ сколько тутъ погребено свѣтлыхъ надеждъ, сколько любви и счастья! Кажется, если-бъ собрать всѣ горькія слезы женъ, сестеръ, матерей, лившіяся тогда по лицу земли русской, затопили бы онѣ эту широкую равнину съ ея безчисленными могильными крестами.

Какое же могучее чувство заставляло лучшихъ русскихъ людей того времени бросать домъ и семью и итти на тяжкіе труды, лишенія, страданія и въ концѣ концовъ почти на вѣрную смерть? «Изъ-за креста, изъ-за названія, изъ-за угрозы не могутъ люди принять эти ужасныя условія», говоритъ Левъ Толстой въ своихъ севастопольскихъ разсказахъ. «Должна быть другая высокая побудительная причина. И эта причина есть чувство, рѣдко проявляющееся, стыдливое въ русскомъ, но лежащее въ глубинѣ души каждаго,—любовь къ родинѣ».

Во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ обязательно проходится исторія классическаго міра. Каждому ученику извѣстны имена и подвиги Леонида спартанскаго, Ганнибала, Муція Сцеволы, Горація Коклеса и другихъ героевъ древности. Подобные примѣры благороднаго патріотизма возвышаютъ духъ юношества, развиваютъ въ немъ любовь къ родинѣ и готовность самоотверженно служить ей.

Но не за 2,000 лѣтъ до нашего времени, а всего лишь полвѣка тому назадъ, и не въ чуждыхъ намъ Греціи и Римѣ, а въ предѣлахъ нашей собственной родины происходила эпопея, ничѣмъ не уступающая персидскимъ и пуническимъ войнамъ. Эта русская эпопея—осада Севастополя, а героемъ ея является весь русскій народъ. И русское юношество, увлекаясь героическимъ періодомъ древности, отдавая должное его славнымъ дѣятелямъ, обязано знать и цѣнить имена своихъ родныхъ героевъ: Корнилова, Нахимова, Тотлебена, Истомина, и событія того труднаго, но славнаго времени, которое еще свѣжо въ воспоминаніи его отцовъ. Какъ не знать ему о первыхъ временахъ осады Севастополя, «когда въ немъ не было укрѣпленій, не было войскъ, не было физической возможности удержать его, и всетаки не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ не отдастся не пріятелю», о временахъ, «когда этотъ герой, достойный древней Греціи — Корниловъ, объѣзжая войска, говорилъ: «умремъ, ребята, а не отдадимъ Севастополя», и наши русскіе, не

способные къ фразерству, отвѣчали: «умремъ! ура!..» Какъ не цѣнить героевъ, «которые въ тѣ тяжелыя времена не падали, а возвышались духомъ и съ наслажденіемъ готовились къ смерти не за городъ, а за родину!..» [1])

Итакъ съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія и горячей любви къ отечеству откроемъ эту знаменательную страницу русской исторіи и познакомимся какъ съ событіями незабвенной обороны Севастополя, такъ и съ тѣми мѣстами, гдѣ они происходили.

---

[1]) Гр. Толстой.—«Севастополь 1854—1855 года»

Мысъ Фіолентъ.

I.

Стародавнія времена.

Времена классической древности.—Ифигенія Таврическая.—Греческія колоніи.—Херсонесъ и его исторія.

На юго-западной оконечности Крыма, на скалистыхъ, известковыхъ берегахъ чудной бухты, по величинѣ и удобствамъ считающейся первою въ Европѣ и третьею въ мірѣ, раскинулся большой, красивый городъ, которому суждено было играть такую знаменательную роль въ исторіи нашей родины. Городъ этотъ—Севастополь.

Исторія мѣстности, занимаемой Севастополемъ и его окрестностями: Херсонесомъ, Георгіевскимъ монастыремъ, Инкерманомъ и Балаклавою, теряется въ туманѣ глубокой старины. Благодатные берега Крыма, съ ихъ мягкимъ, ласкающимъ климатомъ, съ неисчерпаемыми богатствами ихъ роскошной природы, являются единствен-

нымъ уголкомъ всего нашего обширнаго отечества, игравшимъ роль въ классическомъ мірѣ.

Приближаясь къ Севастополю моремъ, отъ Ялты, приходится плыть мимо мыса Фіолента, при которомъ расположенъ Георгіевскій монастырь. Ясно обрисовывается на темной лазури южнаго неба группа остроконечныхъ, дикихъ скалъ, образующихъ какъ-бы величественный жертвенникъ какого-то невѣдомаго божества. Дѣйствительно—на этомъ мысѣ, носившемъ въ древности названіе Партеніума, возвышался, по преданію, окруженный священною рощею храмъ дѣвственной богини Артемиды (Діаны), которой, наравнѣ съ изящными, высоко-культурными греками, покланялись и древніе обитатели Крымскаго полуострова, дикіе Тавры (скиѳы). Кому не извѣстенъ поэтичный миѳъ о Ифигеніи, жрицѣ этой богини, вдохновившій столькихъ писателей разныхъ временъ и народовъ, начиная съ знаменитаго греческаго трагика Эврипида и кончая царемъ нѣмецкой литературы—Гёте?

Когда греки отправлялись подъ Трою и готовы были уже пуститься въ путь изъ Беотійской гавани Авлиды, предводитель ихъ Агамемнонъ, царь Микенскій, оскорбилъ Артемиду, убивъ на охотѣ посвященную ей лань. За это богиня наслала безвѣтріе, и флотъ грековъ не могъ двинуться въ путь. Прорицатель Калхасъ объявилъ, что богиня можетъ быть умилостивлена только принесеніемъ ей въ жертву старшей дочери царя, чистой и непорочной красавицы Ифигеніи,—и Агамемнонъ рѣшился пожертвовать любимою дочерью для блага отечества. Она была вытребована въ лагерь вмѣстѣ съ матерью своею Клитемнестрою подъ предлогомъ обрученія съ Ахилломъ. Когда она прибыла туда, и все уже было готово для жертвоприношенія, Артемида сжалилась надъ нею, покрыла ее густымъ облакомъ и перенесла чрезъ горы и моря въ далекую Тавриду [1]), въ священную рощу, окружавшую храмъ, воздвигнутый богинѣ на

[1]) Древнее названіе Крыма.

скалистомъ берегу обитателями этой страны, дикими и суровыми таврами. Король тавровъ Тоасъ милостиво принялъ таинственно появившуюся въ его владѣніяхъ чужеземку и она стала жрицею Діаны. По существовавшему въ Тавридѣ обычаю, всѣ попадавшіе случайно или умышленно въ эту страну чужеземцы были приносимы въ жертву богинѣ. Варварскій обычай этотъ возмущалъ благородную гречанку; она вступила съ нимъ въ борьбу и, благодаря тому безграничному довѣрію и уваженію, которое съумѣла пріобрѣсти у царя и всего народа, вышла побѣдительницею изъ этой борьбы: человѣческая кровь перестала обагрять алтарь дѣвственной богини; нравы тавровъ смягчились; Ифигенія сдѣлалась благодѣтельницею всего края. Но царь Тоасъ, очарованный прекрасною душою и тѣломъ дѣвушкою, возымѣлъ къ ней чувство, сильнѣе обыкновеннаго уваженія, и предложилъ ей стать его женою. Ужасомъ и горемъ исполнило это предложеніе сердце Ифигеніи: не могла она свыкнуться съ пріютившею ее дикою, хотя и гостепріимною для нея страною, не могла забыть лазурнаго моря, бѣломраморныхъ храмовъ, шумныхъ и оживленныхъ площадей своей родины, всей душою рвалась она къ роднымъ мѣстамъ, къ близкимъ людямъ и жила только надеждою рано или поздно возвратиться къ нимъ. Ставъ женою Тоаса, царицею тавровъ, она должна была-бы сказать навѣкъ прости завѣтному желанію, любимой мечтѣ всей своей жизни, — и она отклонила предложеніе царя подъ тѣмъ предлогомъ, что неудобно ей, жрицѣ Артемиды, измѣнить своему высокому призванію, хотя-бы и для царскаго вѣнца. Оскорбленный и разгнѣванный царь отшатнулся тогда отъ нея и перенесъ свой гнѣвъ на всѣ добрыя начинанія Ифигеніи. Человѣческія жертвоприношенія, отмѣненныя въ угоду ей, были снова возстановлены, и совершать ихъ должна была сама она, главная жрица богини.

Въ это-то скорбное для Ифигеніи время, приводятъ къ ней двухъ молодыхъ чужестранцевъ, захваченныхъ на заповѣдномъ берегу и обреченныхъ на смерть,—и что-же?—Въ нихъ узнаетъ Ифи-

генія единственнаго своего брата Ореста и неизмѣннаго друга его Пилада. Неумолимый рокъ занесъ этихъ юношей къ дикимъ таврамъ. Страшное преступленіе тяготѣло надъ Орестомъ, принадлежавшимъ къ злополучному роду Тантала, въ которомъ въ теченіе пяти поколѣній (Танталъ, Пелопсъ, Ѳіестъ и Атрей, Агамемнонъ и Орестъ) возникали другъ изъ друга самыя ужасныя злодѣянія. Одно убійство роковымъ образомъ вызывало другое, и кровь омывалась кровью. Агамемнонъ былъ убитъ своею женою Клитемнестрою, мстившей ему за предполагаемое принесеніе въ жертву дочери ихъ Ифигеніи; за смерть Агамемнона отмстилъ Орестъ, убивъ собственную мать. Въ наказаніе за это боги отдали его во власть мрачнымъ исчадіямъ преисподней—Фуріямъ, которыя день и ночь терзали больную душу несчастнаго юноши, доводя его до изступленія. Сжалившись надъ нимъ, Аполлонъ обѣщалъ ему прощеніе, если онъ «съ далекихъ береговъ Тавриды привезетъ ему сестру».—Діана или Артемида считалась сестрою Аполлона; грекамъ было извѣстно, что въ Тавридѣ, при мысѣ Партеніумѣ воздвигнутъ ей храмъ; и вотъ Орестъ рѣшается на безумно отважное предпріятіе:—отправиться въ Тавриду и похитить священное изваяніе богини. Его сопровождаетъ другъ его Пиладъ, идущій съ нимъ на вѣрную гибель.

Безгранична была радость, но велико и смущеніе Ифигеніи, когда, изъ разсказа Пилада, она узнала, что̀ за чужеземцы находились передъ нею. Могла-ли она занести ножъ надъ любимымъ братомъ? Но, съ другой стороны, могла-ли, для спасенія этого брата, содѣйствовать ему въ похищеніи ввѣреннаго ей священнаго изваянія? Могла-ли она, честная и правдивая, недостойнымъ образомъ обмануть облагодѣтельствовавшаго ее царя? Любовь къ брату и страстное желаніе вернуться на родину настолько сильно охватываютъ ее, что она поддается увѣщаніямъ Пилада и соглашается на обманъ и бѣгство; но въ послѣднюю минуту предъ приведеніемъ въ исполненіе этого замысла, благородная натура ея одерживаетъ верхъ надъ всѣми остальными чувствами и побужденіями; она открывается

во всемъ царю, взывая къ его великодушію, и растроганный, побѣжденный ея духовною силою тавръ даруетъ свободу обоимъ друзьямъ, отпуская съ ними въ Грецію и саму Ифигенію. Тогда только понимаетъ Орестъ, какую именно «сестру» повелѣлъ ему вывезти изъ Тавриды Аполлонъ. Исцѣлившійся отъ тяжелаго душевнаго недуга, счастливый возвращается онъ съ Ифигеніею на родину, гдѣ послѣдняя остается до конца жизни вѣрною жрицею Діаны.

Такъ передаетъ Гёте этотъ трогательный миѳъ въ своей «Ифигеніи въ Тавридѣ». Обаятельный образъ чистой, правдивой, любящей гречанки какъ-бы витаетъ надъ скалистыми юго-западными берегами Крыма, надъ этимъ православнымъ монастыремъ, возникшимъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ древности проливалась человѣческая кровь на алтаряхъ языческой богини.

«На той скалѣ Діаны храмъ
«Хранила дѣвственная жрица,
«А здѣсь, надъ моремъ, по ночамъ
«Плыла богини колесница...» [1])

Мы видимъ такимъ образомъ, что историческія воспоминанія Крыма восходятъ до временъ Троянской войны. Но еще ранѣе, задолго до начала мореплаванія у грековъ по Черному морю, или такъ называемому Понту Эвксинскому, ходили финикіяне, привлеченные молвою о золотыхъ розсыпяхъ и другихъ богатствахъ далекихъ, баснословныхъ восточныхъ странъ. Вслѣдъ за ними и греческіе мореплаватели начали заводить торговыя сношенія съ разноплеменными народами, заселявшими побережье Чернаго моря, и основывали на этомъ побережьѣ цвѣтущія колоніи. Такъ возникла на сѣверо-восточной оконечности Крыма Пантикапея (современная Керчь), гдѣ въ I вѣкѣ до Р. Х. царствовалъ знаменитый Митри-

[1]) Гр. Алексѣй Толстой.—Крымскіе очерки.

датъ. Почти одновременно съ Пантикапеею возникла и другая греческая колонія на противоположной, юго-западной оконечности Крыма, въ двухъ верстахъ отъ современнаго Севастополя. Колонія эта носила названіе Херсонеса Таврическаго; въ русской-же исторіи она извѣстна подъ именемъ Корсуни, откуда, по выраженію Иннокентія, впервые разлилось православіе на родину нашу: въ стѣнахъ этого города принялъ крещеніе равноапостольный князь Владиміръ, а за нимъ крестилась и вся Русь.

Древній Херсонесъ занималъ небольшой мысъ верстахъ въ 2—3-хъ къ юго-западу отъ нынѣшняго Севастополя. Онъ былъ окруженъ стѣнами, имѣлъ акрополь и множество храмовъ. Чтобы оградить себя отъ воинственнаго племени скиѳовъ, обитавшаго въ древности степи южной Россіи, и другихъ нежелательныхъ гостей, жители Херсонеса воздвигли каменную стѣну, около 8 верстъ длиною отъ «Гавани Символовъ» (Палакіона)—нынѣшней Балаклавы, до Ктенунта — Севастопольскаго залива. Херсониты занимались земледѣліемъ, винодѣліемъ и солевареніемъ на соляномъ озерѣ близъ Ктенунта; они вели торговлю какъ съ греческими городами и колоніями, такъ и съ сосѣдними варварскими племенами — скиѳами и таврами. Кромѣ того, древній Херсонесъ служилъ образовательнымъ центромъ; древніе цари посылали сюда на воспитаніе своихъ дѣтей.

Христіанство утвердилось въ Херсонесѣ при Константинѣ Великомъ. Существуетъ преданіе, что около половины I вѣка по Р. Х. городъ этотъ посѣтилъ св. Андрей Первозванный и божественною проповѣдью своею обратилъ въ христіанство многихъ грековъ-язычниковъ. Лѣтъ 30—40 спустя, сосланный въ заточеніе императоромъ римскимъ Траяномъ св. Климентъ, основавшій впослѣдствіи Инкерманскую киновію (общежитіе), нашелъ здѣсь уже болѣе 2.000 христіанъ и нѣсколько церквей. Есть основаніе думать, что въ Корсуни, этомъ центрѣ образованія того времени, найдены были начатки св. Писанія въ переводѣ на славянскій языкъ знаменитыми солунскими братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ.

Много бѣдствій и невзгодъ выпало на долю Херсонесской республики. Въ I вѣкѣ до Р. Х. она подпала подъ власть Римлянъ и утратила свою независимость. Съ конца IV вѣка по Р. Х., когда Херсонесъ перешелъ къ Восточной Римской (Византійской) имперіи, начался постепенный и безповоротный упадокъ, какъ самого города, такъ и всей бывшей Херсонесской республики. Нѣсколько столѣтій подрядъ ее истребляли и разрушали полчища гунновъ, аваровъ, татаръ и другихъ дикихъ народовъ. Городъ въ это время такъ обѣднѣлъ, что не могъ собственными средствами обновить разрушенныя стѣны и былъ вынужденъ просить помощи у императора Византійскаго Өеофила, который, воспользовавшись этимъ, назначилъ, по своему усмотрѣнію, намѣстникомъ Херсонеса одного изъ византійскихъ вельможъ и такимъ образомъ приравнялъ древній вольный городъ къ обыкновеннымъ городамъ, подвластнымъ Византіи.

Около того-же времени Херсонесъ дѣлается извѣстнымъ и русскимъ, совершавшимъ набѣги на Византію. Въ 988 г. русскіе появились подъ стѣнами Херсонеса, предводительствуемые кн. Владиміромъ, принявшимъ тамъ скоро св. крещеніе. Вотъ, что говоритъ объ этомъ событіи преданіе.

Высадившись около Корсуни, Владиміръ сталъ отъ этого города на разстояніи перелета стрѣлы. Корсунцы мужественно встрѣтили непріятелей, и на требованіе сдачи отвѣтили рѣшительнымъ отказомъ. Тогда Владиміръ придвинулся къ самымъ стѣнамъ, и, по обычаю Руси, велѣлъ вокругъ нихъ насыпать валъ; но граждане сдѣлали подкопъ и по ночамъ уносили въ городъ землю, насыпанную руссами. Владиміръ рѣшилъ взять городъ во что-бы то ни стало и грозилъ употребить для этого хоть три года. Измѣна помогла ему въ этомъ дѣлѣ. Какой-то грекъ Анастасъ пустилъ въ русскій станъ стрѣлу съ надписью: «за вами къ востоку находятся колодези, откуда херсонесцы получаютъ воду; перекопайте водопроводы». Корсунь лежала на каменистомъ плоскомъ берегу моря и получала прѣсную воду при помощи подземныхъ водопроводовъ.

въ устройствѣ которыхъ греки были очень искусны. Русскій князь исполнилъ совѣтъ, велѣлъ перекопать водопроводъ, и городъ, томимый жаждою, сдался. Преданіе прибавляетъ, что князь заранѣе далъ обѣтъ креститься, если возьметъ городъ. Въ исторіи христіанства это не первый примѣръ того, что языческій вождь даетъ обѣтъ крещенія въ случаѣ побѣды. Очевидно въ числѣ окружавшихъ князя были люди, склонявшіе его къ принятію крещенія и обѣщавшіе ему за то Божью помощь въ его предпріятіяхъ. Теперь оставалось только исполнить свой обѣтъ. Но Владиміръ не хотѣлъ ѣхать для этого лично въ Царьградъ, какъ это дѣлали прежде него нѣкоторые языческіе князья Восточной Европы, какъ сдѣлала и родная бабка его Ольга: гордость побѣдителя не допускала его до этого. И вотъ онъ предлагаетъ византійскимъ императорамъ Василію и Константину миръ, а однимъ изъ условій мира ставитъ руку сестры ихъ царевны Анны. Сохраняя свое достоинство, византійское правительство отвѣчало русскому князю, что не отдаетъ греческихъ царевенъ за языческихъ князей. Тогда Владиміръ далъ знать, что готовъ принять крещеніе; пусть Анна прибудетъ для того въ Корсунь съ царьградскими священниками. Братья уговорили сестру ради выгоднаго для ихъ отечества мира и умноженія Христова стада исполнить требованіе могущественнаго русскаго князя. Анна прибыла въ Корсунь со свитою и духовенствомъ. Корсунскій епископъ вмѣстѣ съ прибывшими священниками подготовилъ русскаго князя и его бояръ къ принятію св. крещенія, которое и было совершено въ церкви св. Василія, стоявшей на корсунской торговой площади. Подлѣ этой церкви находились палаты, въ которыхъ тогда жилъ русскій князь и остановилась прибывшая византійская царевна. Новокрещенному князю дано было христіанское имя Василія,—вѣроятно, въ честь святого, въ церкви котораго совершено было крещеніе, а можетъ-быть и въ честь старшаго изъ двухъ братьевъ-императоровъ, нареченнаго его воспреемникомъ. Вмѣстѣ съ княземъ крестились его бояре и вся языческая часть его

дружины. Преданіе прибавляетъ еще, что какъ-разъ передъ этимъ у Владиміра разболѣлись глаза; когда-же первосвятитель Михаилъ съ 6-ю священниками, огласивъ князя, совершилъ святое таинство и возложилъ на крещаемаго руку, Владиміръ прозрѣлъ. За крещеніемъ послѣдовало брачное торжество. Послѣ того Владиміръ остался еще нѣкоторое время въ Корсуни, и успѣлъ соорудить здѣсь новую церковь, на томъ холмѣ, который образовала земля, уносимая осажденными изъ русскаго вала. Въ это-же время, благодаря родственному союзу, греки заключили выгодный миръ съ русскимъ княземъ: они получили обратно Корсунскую область. Покидая Корсунь, князь взялъ съ собою нѣсколькихъ священниковъ съ частію мощей св. Климента, а также ученика его Фива. Онъ увезъ съ собою многіе сосуды и иконы для будущихъ кіевскихъ храмовъ, кромѣ того, двѣ мѣдныя статуи и четыре мѣдныхъ коня для украшенія своей столицы.

Такъ совершилось это, едва-ли не величайшее, событіе въ исторіи Россіи. Широкою волною полился свѣтъ Христовъ изъ Херсонеса въ наше отечество; самъ-же Херсонесъ мало-по-малу утрачиваетъ свое прежнее значеніе и, наконецъ, совсѣмъ сходитъ съ исторической сцены. Возвращенный Владиміромъ грекамъ, онъ истощаетъ свои силы въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ пришлыми печенѣгами и половцами; владѣнія его постепенно сокращаются. Въ XIII вѣкѣ на Таврическомъ полуостровѣ появляются генуэзцы, которые основываютъ здѣсь свои торговые города и факторіи и захватываютъ въ свои руки всю торговлю этого края. Въ то-же время наводняютъ Крымъ татары и стараются, что возможно отбить у итальянцевъ. Подъ этимъ двойнымъ татарско-генуэзскимъ давленіемъ проходъ около двухъ столѣтій. Отъ прежняго Херсонеса остается одна тѣнь. Во второй половинѣ XIV столѣтія великій князь литовскій Ольгердъ два раза опустошилъ и, можно сказать, окончательно разрушилъ древній Херсонесъ. Послѣ его нашествій въ городѣ не осталось ни одного цѣлаго дома, такъ что послѣдній

епископъ херсонесскій, не имѣя, гдѣ пріютиться, принужденъ былъ переселиться въ Инкерманъ. Въ 1453 году турки взяли Константинополь; къ нимъ отошелъ и Крымъ, какъ владѣніе Византійской имперіи. Херсонесъ въ это время былъ такъ бѣденъ и малолюденъ, что завоеватели не сочли нужнымъ употреблять противъ него вооруженную силу и ограничились медленнымъ расхищеніемъ архитектурныхъ памятниковъ. Они выламывали мраморныя колонны большихъ размѣровъ и отправляли все въ Константинополь на украшеніе дворцовъ и мечетей. Впрочемъ, еще многіе годы сохранялъ Херсонесъ видные слѣды прежняго величія: среди развалинъ, тамъ и сямъ виднѣлись остатки стѣнъ, башенъ и роскошныхъ палатъ. Но городъ былъ уже пустъ, покинутъ жителями и предоставленъ стихіямъ. Море и вѣтеръ довершили дѣло разрушенія, расшатали жалкіе остатки, засыпали ихъ пескомъ и сравняли древнюю Корсунь съ лицомъ земли...

II.

Севастополь до Крымской кампаніи.

> Хоть не весела пѣсня, что я вамъ пою,
> Да не хуже той пѣсни побѣды,
> Что пѣвали отцы въ Бородинскомъ бою,
> Что пѣвали въ Очаковѣ дѣды.
>
> *Апухтинъ.*
>
> „Солдатская пѣсня о Севастополѣ".

Въ XIII столѣтіи, во времена появленія въ Крыму татаръ, верстахъ въ 2—3 отъ современнаго Севастополя находился татарскій поселокъ Актіаръ [1]).

Присоединитель Крыма къ Россіи Потемкинъ надлежащимъ образомъ оцѣнилъ громадное торговое и военное значеніе замѣчательной бухты, и деревенька Актіаръ была переименована въ Севастополь [2]). Въ то-же самое время контръ-адмиралъ Мекензи основалъ здѣсь портъ, и 14-го сентября 1784 года въ Севастополь прибыли изъ Херсона два первыхъ корабля: «Слава Екатерины» и «Херсонъ». Портъ сталъ развиваться настолько быстро, что къ концу того же самаго 1784 года въ немъ стояло уже 5 кораблей, нѣсколько фрегатовъ и шкунъ и 4 батареи съ командой въ 6,400 человѣкъ.

---

[1]) Актіаръ—по-татарски Бѣлый городъ.

[2]) Севастополь—по-гречески Славный городъ.

Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ Севастополь началъ готовиться къ пріему императрицы Екатерины II, предпринимавшей свое знаменитое путешествіе въ Крымъ и Новороссію. Была закончена и отдѣлана пристань изъ тесанаго камня, по приказанію Потемкина названная Екатерининскою. Но названіе это за нею не упрочилось; пристань называется и до настоящаго времени Графскою, вслѣдствіе привычки графа Войновича, бывшаго въ то время командиромъ Севастопольскаго порта, садиться здѣсь въ шлюпку для осмотра флота.

22-го мая 1787 года Екатерина II приблизилась къ Севастополю. Съ Мекензіевыхъ высотъ [1]) императрица любовалась Севастопольскою бухтой, на которой торжественно выстроились и салютовали десятки военныхъ судовъ. Изъ Инкермана [2]) она на катерѣ проѣхала между рядами судовъ до Севастополя и остановилась въ домикѣ Мекензи противъ колоннады Графской пристани. Ко времени пріѣзда государыни въ Севастополѣ, кромѣ адмиралтейства и нѣсколькихъ казенныхъ построекъ, было уже довольно много и частныхъ домовъ, ютившихся на горѣ, среди тополей и фруктовыхъ деревьевъ.

Послѣ смерти Екатерины II императоръ Павелъ хотѣлъ было разжаловать Севастополь и велѣлъ называть его по-старому Актіаромъ, но названіе это не привилось.

При Александрѣ I Севастополь съ его портомъ и флотомъ перешли въ завѣдываніе заботливаго маркиза де-Траверсе. Въ 1808 году было утверждено ходатайство послѣдняго объ открытіи въ Севастополѣ коммерческаго порта, что̀ усилило и расширило значеніе города.

Въ 1828 году, вскорѣ по восшествіи на престолъ Николая I, началась Турецкая война. Нашъ черноморскій флотъ, находившійся тогда въ полномъ расцвѣтѣ, принималъ дѣятельное участіе въ этой кампаніи, во время которой особенно прославился Казарскій, командиръ брига [3]) «Меркурій».

---

[1]) Возвышенности въ окрестностяхъ Севастополя.

[2]) Возвышенность въ 12-ти верстахъ отъ Севастополя, омываемая Черною рѣчкою, съ знаменитымъ пещернымъ монастыремъ.

[3]) Бригъ—двухмачтовое судно съ 10—20 пушками.

14-го мая 1829 года, на разсвѣтѣ, у Константинопольскаго пролива бригъ былъ замѣченъ съ турецкой эскадры, и два турецкихъ корабля, одинъ 110, а другой 74-пушечный, пустились за нимъ въ погоню и,

обладая лучшими средствами, конечно, скоро догнали «Меркурія», который такимъ образомъ въ буквальномъ смыслѣ слова попалъ между двухъ огней. Штурманъ Прокофьевъ предложилъ тогда драться до послѣдней возможности, а затѣмъ сцѣпиться съ непріятельскими судами и взорваться съ ними на воздухъ. Казарскій

одобрилъ этотъ геройскій планъ. На видное мѣсто былъ положенъ пистолетъ, которымъ послѣдній, остающійся въ живыхъ, офицеръ долженъ былъ выстрѣлить въ пороховой складъ. На предложеніе турокъ сдаться «Меркурій» отвѣчалъ залпомъ. Турки какъ-бы угадали замыселъ русскихъ моряковъ, грозившій огромною опасностью и для нихъ самихъ,—они вдругъ прекратили пальбу и дали «Меркурію» спокойно уйти.

За этотъ подвигъ Казарскому воздвигнутъ въ Севастополѣ, на Мичманскомъ бульварѣ, памятникъ въ видѣ усѣченной пирамиды, на верху которой находится модель судна стариннаго образца, а по сторонамъ надписи: «Казарскому», «Потомству въ примѣръ». Бригъ «Меркурій» давно разрушенъ, но знамя его хранится, какъ военная святыня, на крейсерѣ «Память Меркурія».

Въ 1832 году начальникомъ черноморскаго флота былъ назначенъ адмиралъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ, личность замѣчательная по уму, образованію и энергіи. Лазареву Севастополь обязанъ многимъ: имъ были возведены севастопольскія батареи:—Константиновская, Михайловская, Александровская и Павловская. Двѣ послѣднія взорваны англичанами въ Севастопольскую кампанію; Николаевская занимала часть нынѣшняго Приморскаго бульвара; Константиновская существуетъ и теперь. Лазаревымъ-же построено адмиралтейство и знаменитыя казармы черноморскаго флота, противъ которыхъ ему впослѣдствіи воздвигнутъ памятникъ колоссальныхъ размѣровъ. Но всего замѣчательнѣе были устроенные имъ сухіе Алексѣевскіе доки, названные такъ въ честь адмирала Алексѣя Грейга, по идеямъ, а частью и по проектамъ котораго сдѣланы всѣ эти величественныя сооруженія. Доки—это огромныя вмѣстилища, высѣченныя въ скалѣ, въ которыя заводятся для ремонта большія суда. При Лазаревѣ-же устроенъ водопроводъ, питавшійся ключами Черной рѣчки. Живописные остатки его на длинныхъ аркахъ до сихъ поръ еще видны изъ оконъ вагоновъ, когда подъѣзжаешь къ Севастополю.

Обожаемый своими сослуживцами и всѣмъ черноморскимъ флотомъ, Михаилъ Петровичъ Лазаревъ умеръ въ 1851 году. Ко времени его смерти Севастополь достигъ полнаго своего развитія и блеска; это былъ, безспорно, одинъ изъ самыхъ красивыхъ, самыхъ изящныхъ русскихъ городовъ.

Морская библіотека и «Храмъ вѣтровъ» послѣ бомбардировки.

Врѣзываясь на протяженіи шести верстъ въ сушу, знаменитая Севастопольская бухта, или Большой севастопольскій рейдъ какъ ее называютъ, дѣлитъ весь городъ на двѣ части—Сѣверную, и Южную.

Южная сторона, въ свою очередь, дѣлится на двѣ части опять-таки бухтою, которая, выливаясь изъ большой бухты, идетъ отъ сѣвера къ югу на протяженіи двухъ верстъ и называется Южною бухтой. Въ этой-то бухтѣ и имѣетъ стоянку нашъ славный черноморскій флотъ.

Собственно городъ лежалъ на западной сторонѣ Южной бухты, сторона эта такъ и звалась Городскою.

Съ моря Севастополь представлялъ прелестную картину. Расположенныя амфитеатромъ зданія его бѣжали въ гору вперемежку съ многочисленными садами и бульварами, прелестно оттѣнявшими своею зеленью ослѣпительно-бѣлыя стѣны городскихъ домовъ. Вершина горы увѣнчивалась чуднымъ зданіемъ, какъ по внѣшнему, такъ и по внутреннему виду. Это былъ памятникъ уму человѣческому, знаменитая Морская библіотека, задуманная Грейгомъ, основанная Лазаревымъ и законченная его знаменитымъ ученикомъ и послѣдователемъ, Владиміромъ Алексѣевичемъ Корниловымъ.

Изящное трехъэтажное зданіе библіотеки находилось на высотѣ 135 футовъ надъ уровнемъ моря. Входъ на него шелъ черезъ мраморный подъѣздъ, украшенный двумя грандіозными сфинксами. Широкая мраморная лѣстница вела сначала въ небольшое отдѣленіе съ моделями разныхъ морскихъ судовъ и превосходными гравюрами морскихъ сраженій. Затѣмъ шла огромная зала въ два свѣта, съ галлереею вокругъ, лежавшею на чугунныхъ кронштейнахъ и окаймленною такою-же рѣшоткою. Громадные шкапы краснаго дерева были наполнены книгами; стѣны украшены превосходными ландкартами. Влѣво отъ входа въ залъ стояла большая модель корабля «Двѣнадцать апостоловъ», а противъ входа другая дверь вела въ кабинетъ для чтенія, гдѣ на столахъ лежали газеты и журналы: русскіе, французскіе, англійскіе и нѣмецкіе. Наверху была устроена обсерваторія, снабженная превосходными зрительными трубами.

Рядомъ съ библіотекою находилась башня съ аллегорическими изображеніями, прозванная англичанами «Храмомъ вѣтровъ» (The temple of the winds), снабжавшая воздухомъ зданія библіотеки и стоявшаго по сосѣдству съ нею Морского собранія.

Къ востоку отъ Южной бухты лежала такъ называемая «Корабельная сторона», всецѣло принадлежавшая порту. Здѣсь были

доки, новое адмиралтейство, морскіе провіантскіе магазины, морскія казармы и, наконецъ, морской госпиталь. Эти зданія были окружены слободками: Корабельною, Татарскою и Бамборскою, за которыми находится высочайшій пунктъ окрестностей Севастополя—Малаховъ курганъ. На Малаховомъ курганѣ была устроена на деньги, пожертвованныя купечествомъ, небольшая башня, называвшаяся также Малаховою.

Сѣверная часть Севастополя, собственно говоря, не была городомъ — это было укрѣпленное мѣсто, сзади котораго ютилось нѣсколько лачужекъ, нѣсколько зданій старыхъ провіантскихъ магазиновъ и сухарный заводъ.

Со стороны суши Севастополь не былъ укрѣпленъ; но по берегамъ Большой бухты и по берегамъ моря возвышались вооруженныя укрѣпленія; у самыхъ береговъ стоялъ черноморскій флотъ, тоже грозно вооруженный и имѣющій за собою сотни славныхъ побѣдъ. И, глядя на эти внушительныя силы, севастопольцы, ожидавшіе нападенія только съ моря, чувствовали себя въ полной безопасноти въ своемъ «гнѣздѣ черноморскаго флота».

Горькое разочарованіе ожидало ихъ въ самомъ недалекомъ будущемъ.

III.

Синопская побѣда.

Въ 1853 году въ воздухѣ запахло войной. Загорѣлся опять такъ называемый восточный вопросъ, — другими словами, вопросъ о вліяніи Россіи на дѣла Востока.

Со времени Петра Великаго Россія, войдя въ составъ первоклассныхъ государствъ Европы, начала пріобрѣтать все большее и большее вліяніе въ европейской политикѣ. Война 1812 года поставила ее на недосягаемую высоту и дала ей рѣшающее значеніе въ европейскихъ дѣлахъ.

На Востокѣ въ это время силою Россіи было возстановлено Греческое королевство, усилено вліяніе на Дунайскія славянскія княжества и Сербію, увеличены владѣнія Россіи на счетъ Персіи и Турціи, пріобрѣтено устье Дуная, и наконецъ, запертъ входъ въ Черное море для военныхъ судовъ остальныхъ европейскихъ націй.

Возрастающее могущество Россіи встревожило другія первоклассныя европейскія державы, въ особенности Францію и Англію, которыя рѣшили противодѣйствовать Россіи, но не прямо, а возстанавливая противъ нея Турцію, ея исконнаго врага. Главною причиною вражды между Россіею и Турціею былъ вопросъ о христіанскихъ подданныхъ послѣдней, находившихся подъ покровительствомъ Россіи, и о святыхъ мѣстахъ, находящихся во власти Турціи.

«Но не въ гробѣ Спасителя, проповѣдывавшаго миръ, надо искать причинъ къ войнѣ», говоритъ Тотлебенъ въ своемъ описаніи осады Севастополя. «Подъ вліяніемъ скрытыхъ побужденій вопросъ о святыхъ мѣстахъ, не имѣвшій самъ по себѣ характера столь важнаго, чтобъ возвыситься до серіознаго разрыва, послужилъ западнымъ государствамъ вполнѣ удобнымъ предлогомъ къ осуществленію давно задуманнаго плана». Планъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобъ ослабить могущество Россіи, подорвать ея значеніе, политическое и торговое.

15-го іюля 1853 года произошла такъ называемая оккупація Придунайскихъ славянскихъ княжествъ, т.-е., другими словами, по повелѣнію императора Николая I туда двинуты были русскія войска. «Не завоеваній ищемъ Мы», говорилось въ обнародованномъ по этому поводу манифестѣ: «въ нихъ Россія не нуждается. Мы ищемъ удовлетворенія справедливаго права, столь явно нарушеннаго. Мы и теперь готовы остановить движеніе нашихъ войскъ, если Оттоманская Порта обяжется свято наблюдать неприкосновенность православной церкви».

Но, поддерживаемая втайнѣ Англіею и Франціею, Порта не пошла ни на какія уступки, и 21-го октября того-же 1853 года Россія объявила ей войну.

Почти въ тотъ-же самый день начальникъ севастопольской эскадры, Павелъ Степановичъ Нахимовъ, съ отрядомъ судовъ выступилъ въ море. Осень была бурная; на первыхъ-же порахъ при-

шлось выдержать сильный штормъ, послѣ котораго два корабля необходимо было отправить обратно въ Севастополь. За этою непріятностью послѣдовала однакожъ вскорѣ и удача: 5-го ноября Корниловъ, шедшій на соединеніе съ Нахимовымъ, наткнулся на турецкій пароходъ «Бахри» и послѣ боя взялъ его въ плѣнъ.

Но самая блестящая побѣда была впереди. Получилось извѣстіе, что подъ Синопомъ стоитъ отрядъ изъ 12 турецкихъ судовъ. Несмотря на то, что у насъ было всего лишь 6 судовъ и что непріятельскій флотъ находился подъ охраною шести береговыхъ батарей, Нахимовъ рѣшился отправиться къ Синопу, и 18-го ноября 1853 года завязалась безпримѣрная въ военной исторіи морская битва. Наша эскадра подъ командой Нахимова дѣйствовала, какъ на ученьѣ: тихо, равномѣрно, спокойно, но величаво-грозно наступила она на многочисленнаго врага, срыла батареи, сожгла и взорвала на воздухъ суда. Поразительно было зрѣлище гибели непріятельскихъ судовъ: прибитыя къ берегу, они горѣли, и по мѣрѣ того, какъ раскалялись бывшія на нихъ орудія, они стрѣляли ядрами по рейду, не нанося, впрочемъ, вреда нашимъ судамъ. Наконецъ, когда огонь достигалъ до мѣста храненія пороха, суда взлетали на воздухъ и горящими обломками своими осыпали городъ. Синопъ горѣлъ; никто не приходилъ тушить, да и некому было: видя неизбѣжную гибель, все начальство города, жители и солдаты бѣжали въ горы.

День Синопской побѣды до сихъ поръ чествуется моряками въ Петербургѣ и Севастополѣ. Всѣ участники ея ежегодно собираются въ памятный день 18-го ноября на товарищескій обѣдъ. Число ихъ—увы!—съ каждымъ годомъ уменьшается.

Громъ Синопской побѣды раздался во всей Россіи, и Нахимовъ сталъ народнымъ героемъ.

«Истребленіемъ турецкой эскадры при Синопѣ вы украсили лѣтопись русскаго флота новою побѣдою, которая навсегда останется памятною въ морской исторіи. Статутъ военнаго ордена св.

великомученника и побѣдоносца Георгія указываетъ награду за вашъ подвигъ. Исполняя съ истинною радостью постановленіе Статута, жалуемъ васъ кавалеромъ св. Георгія второй степени большого креста, пребывая къ вамъ Императорскою милостью Нашею благосклонны».

Такъ привѣтствовалъ императоръ Николай I Нахимова, который въ донесеніи о Синопскомъ боѣ забылъ упомянуть о себѣ.

Извѣстіе о Синопской побѣдѣ было встрѣчено въ Севастополѣ съ безграничнымъ восторгомъ. Севастопольцы ликовали. Это были послѣднія свѣтлыя минуты стараго «гнѣзда черноморскаго флота». Будущее готовило ему однѣ слезы.

Синопская побѣда произвела сильное впечатлѣніе во всей Европѣ. Иностранцы, не скрывая, завидовали и удивлялись смѣлости, искусству, опытности и успѣху русскихъ моряковъ. Непріязненное отношеніе къ русскимъ въ Англіи и Франціи усилилось. Обѣ эти страны, а вслѣдъ за ними и Сардинія, выдвинули на помощь Турціи свой флотъ и войска, объявивъ Россіи, что, во избѣжаніе разрыва, севастопольскій флотъ не долженъ выходить изъ гавани и нападать на турокъ, которыхъ они съ этого времени принимаютъ подъ свою защиту.

Послѣдствіемъ этого заявленія было отозваніе нашихъ пословъ изъ Парижа и Лондона, а 15-го марта 1854 года союзники, т.-е. Франція, Италія и Англія, оффиціально объявили Россіи войну.

IV.

1-е и 2-е сентября 1854 г.— Высадка союзной арміи на берега Крыма.

Я спою вамъ о томъ, какъ отъ южныхъ полей
Поднималося облако пыли,
Какъ сходили враги безъ числа съ кораблей
И пришли къ намъ, и насъ побѣдили.

А и такъ побѣдили, что долго потомъ
Не совались къ намъ съ дерзкимъ вопросомъ
А и такъ побѣдили, что съ кислымъ лицомъ
И съ разбитымъ отчалили носомъ.

Апухтинъ.

„Солдатская пѣсня о Севастополѣ".

Ка̀къ отнеслись севастопольцы къ объявленію войны?—Та̀къ, ка̀къ они всегда относились къ событіямъ подобнаго рода:

совершенно спокойно, съ полною увѣренностью въ несокрушимость своего родного города. Не впервые было имъ чувствовать себя на военномъ положеніи, и въ большинствѣ случаевъ положеніе это разрѣшалось новою побѣдою родного черноморскаго флота, а слѣдовательно и новою радостью для нихъ самихъ. Гулъ Синопской побѣды не успѣлъ еще заглохнуть; герои ея были въ Севастополѣ на-лицо, и севастопольцы разсчитывали провести, по обыкновенію, спокойную и пріятную зиму, такъ какъ открытіе военныхъ дѣйствій ожидалось во всякомъ случаѣ не ранѣе весны.

Но вотъ 1-го сентября 1854 года, въ 10-мъ часу утра, изъ Севастополя увидѣли на горизонтѣ два корабля, за которыми виднѣлся густой дымъ, означавшій присутствіе тамъ большого числа паровыхъ судовъ. Вслѣдъ затѣмъ было получено извѣстіе, что мимо Тархангутскаго маяка [1]) прошло 70 непріятельскихъ судовъ. Около полудня стало уже извѣстно, что непріятельскій флотъ идетъ тремя колоннами; въ 6 часовъ судовъ насчитывали до ста; спустя часъ, увидѣли новые пароходы и парусныя суда. Наконецъ прискакалъ казакъ и объявилъ:

— Непріятельскихъ судовъ такъ много, что и пересчитать нельзя!

Убѣжденіе, что въ виду приближающейся осени нельзя ожидать серіознаго нападенія на городъ, рушилось такимъ образомъ само собою. Высадка на берега Крыма была несомнѣнна.

Съ быстротою молніи облетѣла весь городъ вѣсть, что непріятельскій флотъ уже недалеко. Улицы наполнились бѣгущимъ народомъ; всѣ направлялись къ берегу. Лица были испуганы, блѣдны, взволнованны. Многіе уже начали укладывать пожитки, намѣреваясь бѣжать. Большинство разсчитывало укрыться гдѣ-нибудь по сосѣдству, главнымъ образомъ, въ близлежащемъ Бахчисараѣ.

Съ каждымъ часомъ смятеніе въ городѣ усиливалось. Ложные и преувеличенные слухи разрастались; многимъ казалось, что Севастополь уже бомбардируютъ.

[1]) Крайняя западная оконечность Крыма.

Все вниманіе было теперь сосредоточено на севастопольскихъ властяхъ: главнокомандующемъ крымскою арміею князѣ Меншиковѣ, героѣ Синопа Нахимовѣ и вице-адмиралѣ Корниловѣ.

— Что они предпримутъ? Что будутъ дѣлать?—спрашивали другъ у друга растерявшіеся севастопольцы.

Многіе предполагали, что непріятельскій флотъ направится прямо въ Большую бухту; другіе, напротивъ того, говорили, что не станетъ онъ подвергать свои суда опасности пройти подъ градомъ бомбъ и ядеръ съ прибрежныхъ батарей; третьи, указывая на массу транспортныхъ судовъ, увѣряли, что непріятель сдѣлаетъ высадку и возьметъ Севастополь съ суши.

— Но гдѣ онъ высадится? Какъ помѣшать высадкѣ? Вопросы эти задавали себѣ не одни только обыватели Севастополя, но и всѣ военныя власти.

Оставимъ пока на нѣкоторое время застигнутыхъ врасплохъ, взволнованныхъ севастопольцевъ и посмотримъ, что творилось тѣмъ временемъ въ непріятельскомъ лагерѣ.

Въ 28 верстахъ южнѣе Евпаторіи, у развалинъ стараго генуэзскаго укрѣпленія, близъ деревень Контуганъ и Багайлы, простирается низменный берегъ. Версты на 2 и на 3 отъ моря тянутся эти низменности внутрь страны и оканчиваются какъ-бы вставленными въ нихъ двумя громадными зеркалами—двумя озерами: Кизиль-Якъ и Кичикъ-Бель.

2-го сентября, едва только южное солнце выглянуло изъ-за моря и освѣтило живописныя вершины крымскихъ горъ, союзный флотъ, прошедшій наканунѣ въ виду Севастополя, бросилъ якорь передъ старыми генуэзскими укрѣпленіями.

Масса военныхъ судовъ, принадлежащихъ главнѣйшимъ европейскимъ націямъ, вытянулась въ четыре линіи. Въ срединѣ всталъ французскій флотъ, налѣво отъ него англійскій, направо турецкій; позади нихъ помѣстились мелкія транспортныя суда, и, казалось, не было имъ конца. Палубы были полны войскъ; говоръ десятковъ тысячъ голосовъ заглушалъ ропотъ моря.

Но вотъ на кораблѣ «Городъ Парижъ» раздался всѣми ожидаемый сигналъ; загремѣла музыка, движеніе усилилось. Войска начали спускаться на гребныя суда; взмахъ веселъ, и вотъ... первые полки 1-й французской дивизіи весело понеслись къ берегу, на которомъ девяти десятымъ изъ нихъ суждено было найти преждевременную могилу.

Было ровно 9 часовъ утра 2-го сентября, когда французскія войска вступили на роскошные берега Крыма. Высадка продолжалась нѣсколько дней, и только 6-го сентября вступили послѣднія непріятельскія войска на русскую землю. Высадившихся было 62,223 человѣка.

Съ распущенными знаменами, со стройною музыкою, съ радостными криками, съ веселыми пѣснями шли эти люди. Думали-ли они о томъ, что идутъ разорять чужую землю, отнимать мужей у женъ, отцовъ у дѣтей? Предчувствовали-ли, что большинству ихъ самихъ придется сложить голову на чужой землѣ?

V.

Первые защитники Севастополя: Нахимовъ, Корниловъ, Истоминъ, графъ Тотлебенъ.

Не говори съ тоской:—ихъ нѣтъ!
А съ благодарностію:—были!
Жуковскій.

Познакомимся теперь съ людьми, на которыхъ севастопольцы смотрѣли, какъ на главныхъ защитниковъ своего родного города.

Главнокомандующимъ небольшою крымскою арміею былъ князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ, правнукъ знаменитаго любимца Петра Великаго. Ему было въ то время 67 лѣтъ. Служебная карьера князя была весьма разнообразна: онъ служилъ въ

На заглавномъ рисункѣ этой страницы изображены портреты: слѣва В. А. Корнилова, въ серединѣ гр. Тотлебена, справа П. С. Нахимова.

строю и по ученой части, занимался морскимъ дѣломъ и несъ одно время дипломатическія обязанности. Боевая жизнь дала-таки себя знать князю Меншикову. Въ 1809 году подъ Рущукомъ онъ былъ раненъ въ правую ногу, въ 1814 подъ Парижемъ—въ лѣвую, а затѣмъ при осадѣ Варны разомъ въ обѣ ноги. Эти двойныя раны заставляли иногда князя, отличавшагося остроуміемъ, говорить о себѣ:

— Ну, какой я конь, когда разбитъ на всѣ четыре ноги!

Однакожъ ближе знавшіе князя Меншикова люди не особенно довѣряли этому его отзыву о самомъ себѣ; напротивъ того, его считали человѣкомъ очень гордымъ, съ большимъ самомнѣніемъ, съ заносчивымъ и строптивымъ характеромъ. При всемъ своемъ умѣ, образованіи и даже добротѣ, князь Меншиковъ былъ мало любимъ въ Севастополѣ, главнымъ образомъ, благодаря своей несообщительности, вѣчной наморщенности и недовольству, въ силу котораго онъ «никого не дарилъ ни привѣтомъ, ни одобреніемъ».

Насколько мало знали и любили севастопольцы князя Меншикова, настолько боготворили они героя Синопа—Павла Степановича Нахимова. Во всемъ черноморскомъ флотѣ не было не только матроса, но даже ребенка, который не зналъ-бы, хотя по наслышкѣ, и не любилъ-бы, хотя заочно, Павла Степановича. Когда его высокая, нѣсколько сутуловатая фигура показывалась на севастопольскихъ улицахъ, встрѣчные матросы съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ вытягивались во фронтъ, любовно глядя на его задумчивое, порою даже суровое, но тѣмъ не менѣе безконечно доброе лицо, съ свѣтлыми голубыми глазами, бѣлокурыми волосами, въ форменной фуражкѣ, сдвинутой по-нахимовски на затылокъ.

— Ребята, вотъ нашъ отецъ идетъ!—говорили они другъ другу.

И не даромъ звали они такъ Нахимова: самъ онъ зналъ и любилъ простого матроса, какъ отецъ родной. Онъ входилъ не только въ ихъ служебные, но и въ частные, семейные интересы. Живя, несмотря на свой адмиральскій чинъ, болѣе, чѣмъ скромно, на маленькой квартиркѣ, холостякомъ, онъ раздавалъ большую часть своего

жалованья тѣмъ-же матросамъ, кому на свадьбу, кому на крестины, кому на похороны.

Павелъ Степановичъ былъ однимъ изъ первыхъ начальниковъ не только во флотѣ, но и во всей русской арміи, который не считалъ себя помѣщикомъ, а солдатъ—своими крѣпостными людьми.

— Матросъ, говорилъ онъ,—есть главный двигатель на военномъ суднѣ, а мы только пружины, дѣйствующія на него. Матросъ все сдѣлаетъ, если мы, начальники, не будемъ эгоистами, если не будемъ смотрѣть на службу, какъ на удовлетвореніе нашего честолюбія, а на подчиненныхъ, какъ на ступени для нашего возвышенія.

Постигнуть духъ народной гордости, воодушевить своихъ подчиненныхъ-простолюдиновъ—вотъ къ чему стремился Нахимовъ и чего достигалъ вполнѣ.

— Матросы понимаютъ и любятъ меня, говорилъ онъ:—я этою привязанностью дорожу больше, чѣмъ отзывами чванныхъ дворянчиковъ. У многихъ командировъ служба не клеится потому, что они невѣрно понимаютъ значеніе дворянина и презираютъ простого матроса, забывая, что у мужика есть умъ, душа и сердце не хуже, чѣмъ у всякаго другого.

Замѣтимъ, что это говорилось въ разгарѣ крѣпостного права, когда большинство помѣщиковъ какъ-бы дѣйствительно сомнѣвалось въ существованіи души и ума у мужика, а большинство офицеровъ считало невозможнымъ справиться съ солдатомъ безъ помощи тѣлесныхъ наказаній.

Нахимовъ былъ чуждъ всякаго мелкаго тщеславія. Разсказываютъ, что когда какой-то стихотворецъ преподнесъ ему восторженную оду на взятіе Синопа, въ которой онъ превозносилъ его до небесъ, Павелъ Степановичъ, прочитавъ ее, сказалъ:

— Э-э-эхъ! куда—бы лучше было, если-бъ онъ прислалъ мнѣ капусты для моихъ матросиковъ!..

Императоръ Николай I изъ особой милости къ защитникамъ Севастополя прислалъ художниковъ съ порученіемъ снять для каби-

нета Его Величества ихъ портреты. Нахимовъ рѣшительно отказался сниматься; никакія убѣжденія близкихъ людей, ни даже просьбы великихъ князей не могли его поколебать; всѣмъ одно твердилъ онъ въ отвѣтъ:

— Помилуйте, что за портреты?—За что? Что мы сдѣлали? Еще Богъ знаетъ, чѣмъ все кончится, а мы дадимъ рисовать свои рожи? Ни за что не позволю, да и тѣ уничтожу при случаѣ, которыя нарисованы: не стоитъ. А вотъ какъ покончимъ дѣло, прогонимъ злодѣевъ, тогда пріѣду въ Питеръ, сяду въ вольтеровскія кресла,—ну, и рисуй, какъ хочешь, даже ботфорты надѣну.

Павелъ Степановичъ терпѣть не могъ ботфортовъ и называлъ ихъ лучшимъ абордажнымъ орудіемъ.

Художнику Тимму, просившему разрѣшенія нарисовать его портретъ, Нахимовъ отвѣчалъ:—«Зачѣмъ?.. За то, что я исполняю свой долгъ-съ? За это нечего-съ. Это пусть съ Кошки (извѣстный удалецъ) да съ Асланбекова (первый севастопольскій красавецъ) рисуютъ портреты, а съ меня не нужно-съ».

Когда-же Тимму все-таки удалось набросать портретъ Нахимова тайкомъ, въ церкви, а Павлу Степановичу показали этотъ портретъ, онъ сказалъ: «Да это просто разбой-съ! Если-бъ я зналъ-съ, велѣлъ-бы его вывести-съ! Ну, а теперь Богъ съ нимъ, отдайте ему, если нравится, а мнѣ не нужно-съ».

Добрый, терпѣливый, простодушный, Нахимовъ былъ доступенъ для всѣхъ и каждаго. Все хорошее и полезное находило въ немъ горячаго заступника. Каждый морякъ подъ флагомъ Нахимова былъ увѣренъ, что заботливый, благородный начальникъ зорко слѣдитъ за всѣмъ, взвѣшиваетъ каждое обстоятельство и дорожитъ каждымъ изъ своихъ подчиненныхъ, какъ самимъ собою; оттого-то и были ему такъ беззавѣтно преданы всѣ, отъ капитана до послѣдняго матроса, оттого-то и готовы они были идти за нимъ въ огонь и воду...

Павелъ Степановичъ Нахимовъ родился въ 1802 г. въ с. Городкѣ, Вяземскаго уѣзда Смоленской губерніи. Отецъ его, Степанъ

Михайловичъ, отставной секундъ-маіоръ Екатерининскихъ временъ, былъ человѣкъ не богатый, но пользовавшійся уваженіемъ и довѣріемъ сосѣдей-помѣщиковъ; послѣ 1812 онъ былъ даже избранъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Мать Павла Степановича, Федосья Ивановна, женщина доброты необыкновенной, зачастую была избираема посредницей въ семейныхъ дѣлахъ своихъ знакомыхъ.

Изъ пяти сыновей трое младшихъ готовились дома къ поступленію въ морской кадетскій корпусъ. Секундъ-маіоръ отличалъ предпослѣдняго, Павлушу; глядя на его воинственныя наклонности, онъ говаривалъ: «Изъ Павлуши выйдетъ храбрый воинъ!»

Даровитый и прилежный Павелъ Степановичъ учился въ корпусѣ прекрасно. Онъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, а въ 1818 г., пятнадцатилѣтнимъ юношей, выпущенъ въ мичманы шестымъ по выпуску.

Въ 1815—17 г.г. во время пребыванія въ корпусѣ, Павелъ Степановичъ совершалъ практическія плаванія по Балтійскому морю на бригахъ «Симеонъ и Анна» и «Фениксъ». Впечатлительный, энергичный, трудолюбивый и серіозный, онъ скоро занялъ выдающееся положеніе среди товарищей. По ихъ словамъ, Нахимовъ работалъ почти цѣлыя сутки, спалъ чрезвычайно мало; къ морской службѣ онъ относился съ горячею любовью,—море было его родною стихіею.

Послѣ выпуска въ офицеры 1818—19 г.г. Нахимовъ стоялъ въ Петербургѣ. Въ 1820 г. плавалъ по Балтійскому морю на тендерѣ «Янусъ». Въ 1822 г., по выбору М. П. Лазарева, въ то время капитана 2-го ранга, онъ былъ перечисленъ на фрегатъ «Крейсеръ», назначенный доставить грузы въ Камчатку и колоніи Россійско-Американской компаніи. Кругосвѣтныя плаванія были тогда очень рѣдки; назначеніе молодого мичмана, безъ всякой протекціи, доказываетъ, что Павелъ Степановичъ успѣлъ обратить на себя вниманіе. Дѣйствительно, Лазаревъ сумѣлъ оцѣнить выдающіяся способности Нахимова, привязался къ нему, и съ той поры они почти не разставались.

На боевомъ поприщѣ Нахимовъ отличился впервые во время знаменитаго Наваринскаго боя, послѣ котораго, будучи еще очень молодымъ человѣкомъ, онъ былъ назначенъ командиромъ корабля «Наваринъ». Затѣмъ онъ командовалъ фрегатомъ «Паллада». Офицеры пріѣзжали учиться чистотѣ и порядку, заведенному на его фрегатѣ. То-же самое было, когда онъ служилъ на другихъ корабляхъ, которые доводилъ всегда до образцоваго состоянія. Авторитетъ Нахимова въ морскомъ мірѣ былъ такъ великъ, что каждый морякъ, не только подчиненный, но и любой изъ его сослуживцевъ, считалъ за особую честь малѣйшее одобреніе съ его стороны.

Нахимовъ совершилъ 32 морскія кампаніи, хорошо изучилъ всѣ моря, въ томъ числѣ и капризное Черное море и, по справедливости, считался лучшимъ командиромъ всего русскаго флота. Самою блестящею страницей боевой жизни Нахимова является уже извѣстная намъ Синопская побѣда, послѣ которой онъ сталъ, какъ мы сказали, народнымъ героемъ.

Достойнымъ сподвижникомъ Нахимова, такимъ же, какъ и онъ, популярнымъ и можетъ-быть еще болѣе талантливымъ, является вице-адмиралъ Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ.

Жизнь Корнилова и его служебная дѣятельность складывались далеко не такъ стройно, какъ у Нахимова. Подобно многимъ другимъ талантливымъ натурамъ, въ ранней молодости онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ своемъ призваніи, колебался между желаніемъ трудиться и весело пожить, между долгомъ и заманчивыми развлеченіями. Въ первые годы его службы во флотѣ о немъ говорили:

— Всему учившись, онъ ничего не знаетъ основательно и не имѣетъ опредѣленнаго направленія; одаренъ природою, способенъ на все и ни на что не годенъ.

И этотъ-то «негодный» мичманъ, тридцать лѣтъ спустя, съумѣлъ вдохнуть въ русскую армію тотъ энтузіазмъ, который сдѣлалъ изъ нея армію героевъ, отражавшую соединенныя силы

всей Европы! Это — случай не исключительный: сколько талантливыхъ натуръ, подобно Корнилову, были въ молодости не признаны окружающею средою! Ему надо было столкнуться съ человѣкомъ выдающимся, способнымъ подмѣтить въ немъ искру Божію, и такимъ человѣкомъ явился тотъ-же адмиралъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ, этотъ столпъ русскаго флота.

Прослуживъ недолгое время въ гвардейскомъ экипажѣ, Корниловъ перешелъ на службу въ 20 флотскій экипажъ и въ 1827 году, по просьбѣ своего отца, бывшаго тогда сенаторомъ, былъ назначенъ на корабль «Азовъ», отправлявшійся въ Средиземное море.

Командиромъ «Азова» былъ Лазаревъ. Онъ подмѣтилъ недюжинныя способности молодого Корнилова, но съ тѣмъ вмѣстѣ и то, какъ растрачиваетъ онъ ихъ по-пустому, какъ разбрасывается по сторонамъ безъ опредѣленной цѣли, какъ зачитывается легкими, а иногда и вредными французскими авторами. Отнестись къ этому безучастно Лазаревъ не могъ; напротивъ того, онъ рѣшился сдѣлать все, отъ него зависящее, чтобъ наставить молодого человѣка на путь истины. Началъ онъ съ того, что взялъ Корнилова подъ свое личное наблюденіе, не спускалъ съ него глазъ и строго взыскивалъ за каждый промахъ по службѣ. Бѣдному Корнилову жутко приходилось, и онъ хотѣлъ уже хлопотать о переводѣ на другое судно, какъ вдругъ однажды Лазаревъ зоветъ его къ себѣ.

— Скажите мнѣ, мичманъ, откровенно, желаете ли вы служить во флотѣ?—спрашиваетъ онъ его.

— Желаю, отвѣчаетъ Корниловъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ надо съ вами потолковать.

Подробности этого замѣчательнаго разговора, къ сожалѣнію, не сохранились; извѣстно только, что Лазаревъ развилъ передъ Корниловымъ свой взглядъ на обязанности морского офицера, доказалъ необходимость дальнѣйшаго самообразованія и изученія иностранныхъ языковъ, на которыхъ имѣется больше всего сочиненій по морской части. Французскія книги, которыми Корниловъ

такъ упивался. Лазаревъ посовѣтовалъ ему выбросить за бортъ, а въ его распоряженіе предоставилъ свою превосходную библіотеку.

Съ этой бесѣды Корниловъ переродился. Изъ поверхностнаго юноши онъ превратился въ серіознаго моряка, направляющаго всѣ силы своей богато одаренной натуры къ опредѣленной, строго обдуманной цѣли. Въ зависимости отъ этого онъ сталъ быстро подвигаться впередъ по службѣ, и когда въ 1851 году умеръ Лазаревъ, на Корнилова стали смотрѣть, какъ на будущаго главнаго командира черноморскаго флота.

Въ 1854 году Корнилову было 49 лѣтъ. Довольно высокаго роста, худощавый, Владиміръ Алексѣевичъ былъ, несмотря на нѣкоторую сутуловатость, очень статенъ. Выраженіе его лица было спокойно и строго. Гладко причесанные, темные волосы обрамляли высокій лобъ; изъ-подъ слегка приподнятыхъ густыхъ бровей смотрѣли умные, проницательные, ярко свѣтящіеся глаза. Голову онъ держалъ всегда высоко. Во всѣхъ его манерахъ, походкѣ, рѣчи было что-то властное и съ тѣмъ вмѣстѣ лихорадочное, куда-то стремящееся.

«Каково-бы ни было физическое утомленіе Корнилова», говоритъ одинъ изъ его біографовъ, «каковы бы ни были страданія душевныя, никто не можетъ похвалиться, чтобъ видѣлъ ихъ. Всегдашнее самообладаніе никогда не измѣняло адмиралу; когда другіе смущались и падали духомъ, Корниловъ думалъ или распоряжался. Отличительною его чертою была твердая рѣшимость бороться до конца и если нужно, то умереть».

Таковъ былъ Корниловъ, душа Севастопольской обороны, какъ о немъ принято выражаться.

На ряду съ Нахимовымъ и Корниловымъ обращалъ на себя вниманіе ихъ товарищъ по оружію контръ-адмиралъ Владиміръ Ивановичъ Истоминъ и счастливѣйшій изъ защитниковъ Севастополя военный инженеръ Тотлебенъ, одинъ изъ немногихъ переживший знаменитую осаду. Онъ принималъ впослѣдствіи дѣятельное участіе въ русско-турецкой кампаніи 1877—78 гг., получилъ

графское достоинство и умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, окруженный любовью и почетомъ.

Тотлебенъ былъ сердечнымъ другомъ Корнилова. Въ теченіе памятной осады, до самой смерти Корнилова, они жили въ одной комнатѣ и работали за однимъ столомъ, повѣряя другъ другу свои планы.

Вотъ, что говоритъ о Тотлебенѣ англійскій историкъ Кинглэкъ въ своемъ описаніи осады Севастополя:

«Въ Севастополѣ былъ инженеръ, все время служившій волонтеромъ, который какъ нельзя болѣе предназначенъ былъ для защиты города отъ нападенія. Остзейскій уроженецъ, Тотлебенъ былъ тотъ инженеръ-практикъ, способности котораго развертываются именно въ подобныхъ случаяхъ. Если Корниловъ, вливавшій энтузіазмъ въ окружавшихъ, былъ душою обороны, то Тотлебенъ былъ умомъ ея. Но это не былъ умъ теоретика: Тотлебенъ не сдѣлалъ новыхъ шаговъ въ инженерной наукѣ, онъ умѣлъ только необыкновенно искусно пользоваться обстоятельствами и примѣняться къ нимъ. Это былъ по преимуществу умъ-практикъ. Все, что отзывалось сухою теоріей, устранялось имъ... При всей трудности задачи, лежавшей на Тотлебенѣ, онъ находилъ время побалагурить съ солдатами, поднять ихъ духъ веселою шуткою».

Познакомившись такимъ образомъ съ главными дѣйствующими лицами Севастопольской осады, возвратимся теперь къ дальнѣйшему ходу самой осады.

VI.

На Альмѣ.

И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!

«Бородино» *Лермонтова.*

Почти одновременно съ высадкою непріятельскія войска явились передъ небольшимъ городкомъ на западномъ берегу Крыма—Евпаторіею и заняли ее безъ выстрѣла.

Гарнизонъ Евпаторіи состоялъ изъ двухсотъ слабосильныхъ, принадлежавшихъ Тарутинскому полку. При видѣ огромнаго фрегата «Трибунъ», ставшаго противъ города съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ сопротивленія начать громить его изъ своихъ 36 орудій, комендантъ Евпаторіи велѣлъ этому крохотному отряду отступить по дорогѣ къ Симферополю.

Союзныя войска заняли городъ безъ выстрѣла и воспользовались 60,000 четвертей пшеницы, принадлежавшей частнымъ купеческимъ конторамъ, доставивъ такимъ образомъ своей арміи продовольствія почти на 4 мѣсяца. Это былъ несомнѣнно крупный первый успѣхъ, и вдобавокъ не стоившій имъ ни одной горсти пороха.

Обезпечивъ себя отъ нападенія съ одной стороны, союзникамъ слѣдовало отвлечь вниманіе отъ мѣста высадки съ другой, и вотъ 4-я французская дивизія на паровыхъ судахъ двинулась къ югу, по направленію къ Севастополю, и, не доходя до него 20-ти верстъ, остановилась тамъ, гдѣ впадаетъ въ море рѣка Альма.

Эта такъ называемая демонстрація для отвлеченія вниманія отъ мѣста высадки была вполнѣ излишнею. Русскіе хорошо знали, гдѣ высаживается непріятель, но отразить его или даже просто помѣшать высадкѣ не имѣли ни малѣйшей возможности: союзниковъ было, какъ уже извѣстно, свыше 60,000, русскихъ же войскъ насчитывалось тогда едва 30,000.

— Нѣтъ сомнѣнія, говорилъ князь Меншиковъ своему штабу,— что, пустивъ въ атаку наши войска и подкрѣпивъ ихъ имѣющеюся у насъ полевою артиллеріею, мы нѣсколько замедлимъ высадку, но вѣдь зато мы разстроимся окончательно. Нѣтъ!.. Оборонять западный берегъ Крыма, повсюду доступный для непріятеля, невозможно! Просто глупо!.. Но загородить дорогу къ Севастополю—это нашъ долгъ.

И князь съ своимъ штабомъ выѣхалъ изъ Севастополя для выбора позиціи.

Въ 20 верстахъ отъ города въ Черное море впадаетъ, какъ уже было сказано, рѣка Альма. Лѣвый берегъ ея возвышенъ; правый представляетъ мѣстность ровную и открытую. Берегъ этотъ былъ довольно густо заселенъ. Тамъ лежали на семиверстномъ разстояніи три татарскія деревни: Альма-Тамакъ, Бурлюкъ и Тарханларъ. Противъ этого-то семиверстнаго разстоянія, на возвышенномъ лѣвомъ берегу Альмы, расположилась для встрѣчи союзныхъ войскъ русская армія. Къ этому пункту начали стягиваться и непріятельскіе полки, и 7-го сентября обѣ арміи были уже въ полномъ сборѣ.

Ночь съ 7-го на 8-е противники провели въ виду другъ друга. Ночь была холодна и темна. Глубокій мракъ ея прерывался лишь огнями полковыхъ костровъ да стоящими на морѣ ярко освѣщен-

ными судами. И въ непріятельскомъ лагерѣ и у насъ было совершенно тихо. Приготовляясь къ событіямъ слѣдующаго дня, войска старались воспользоваться ночнымъ временемъ, чтобъ отдохнуть и набраться силъ. Для сколькихъ эта темная ночь была послѣднею въ жизни!

Но едва забрезжилось утро, все шумно зашевелилось. Во французской арміи раздался выстрѣлъ заревой пушки и вслѣдъ за нею бой зари; затѣмъ заря загремѣла въ англійскомъ лагерѣ; потомъ у насъ. Торжественными звуками «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ» закончилась она въ нашемъ лагерѣ.

Полковые священники приступили къ молебствію, съ крестомъ и святою водою обходя батальоны. Всѣ молились горячо и усердно, а затѣмъ многіе солдаты стали надѣвать чистое бѣлье, приготовляясь такимъ образомъ, по русскому обычаю, къ близкой смерти.

Переполнены народомъ были церкви и въ самомъ Севастополѣ въ это памятное утро 8-го сентября, день Рождества Пресв. Богородицы. Всюду служились молебны съ колѣнопреклоненіемъ о ниспосланіи на враговъ «побѣды и одолѣнія».

Въ первомъ часу пополудни стало извѣстно о наступленіи непріятеля; вскорѣ раздались раскаты пушечныхъ выстрѣловъ, свидѣтельствующіе о началѣ боя. Со страхомъ и трепетомъ ожидали севастопольцы его исхода. И не мудрено!—отъ этого зависѣла ихъ участь.

Мы говорили уже о томъ, какъ превосходно былъ защищенъ Севастополь съ моря. Сѣверный рейдъ съ его батареями и суда черноморскаго флота были поистинѣ грозны. И въ севастопольцахъ почему-то укоренилось убѣжденіе, что непріятель будетъ дѣйствовать противъ нихъ не иначе, какъ съ моря, а въ такомъ случаѣ имъ можно было за себя постоять. Подойди непріятель къ рейду,—на разстояніи 1,200 саженъ его встрѣтили-бы пальбою изъ орудій батареи № 10 и Александровской; на разстояніи 800 саж. его громили-бы 83 орудія; на разстояніи 400 саж. онъ подвергался-бы огню 146 орудій; черезъ 200 саж. онъ былъ-бы встрѣченъ 42 орудіями

съ батарей и выстрѣлами 230 орудій съ борта эскадры вице-адмирала Корнилова, а тамъ 300 орудій съ борта эскадры Нахимова.

Но непріятель предпочелъ явиться сухимъ путемъ, и гроза рейда была ему не страшна. Со стороны-же суши на сѣверѣ городъ былъ защищенъ слабо, а съ юга и юго-востока почти вовсе не защищенъ,—отсюда весь ужасъ положенія севастопольцевъ въ случаѣ, если-бъ арміи кн. Меншикова не удалось отразить непріятеля въ этой первой битвѣ при Альмѣ, отсюда та безконечная тревога, съ которою они ожидали 8-го сентября извѣстій съ поля сраженія.

Къ вечеру канонада стихла, и въ городѣ стали носиться тревожные слухи—слухи о проигранномъ сраженіи, объ отступленіи нашей арміи...

Наступила ночь, но въ Севастополѣ никто и не думалъ о снѣ. Весь городъ былъ на ногахъ; всѣ спѣшили на большую дорогу, кто со связкою бѣлья для раненыхъ, кто съ бинтами и корпіею, кто съ виномъ. Тысячная толпа въ глубокомъ безмолвіи стояла по обѣимъ сторонамъ дороги; не слышно было ни говора, ни смѣха; порою лишь раздавалось чье-нибудь судорожное рыданіе, чей-нибудь глубокій вздохъ.

Но вотъ вдали послышался стукъ колесъ. Толпа двинулась впередъ. При тускломъ свѣтѣ фонарей обозначился вскорѣ на дорогѣ длинный рядъ лазаретныхъ фуръ. Когда стали выгружать раненыхъ и они застонали, народъ неудержимо зарыдалъ. Всю ночь переносили раненыхъ въ госпитали; каждый помогалъ при этомъ, чѣмъ могъ. Такъ прошла эта безсонная ночь въ Севастополѣ, ночь, когда севастопольцамъ пришлось убѣдиться изъ разсказовъ очевидцевъ, что рѣшающее ихъ участь сраженіе дѣйствительно и безвозвратно проиграно.

Правда—русскіе, съ генерала до послѣдняго солдата, дрались, какъ львы; правда—англійскій полководецъ, герцогъ Кембриджскій, объѣзжая поле битвы, усѣянное убитыми и ранеными, воскликнулъ со слезами:

— Еще одна такая побѣда, и у королевы Англіи не будетъ арміи!

Но наша армія все-таки была разбита, и сраженіе для насъ проиграно. Отчего-же это такъ произошло?

Главными причинами приводятъ, во-1-хъ, преобладающее число враговъ — на 30,000 русскихъ приходилось 60,000 союзниковъ; во-2-хъ, несравненно лучшее вооруженіе союзниковъ. Стоитъ побывать въ музеѣ Севастопольской обороны, гдѣ собраны образцы оружія, употреблявшагося во время Крымской кампаніи, чтобъ понять, каково было сражаться нашимъ солдатамъ съ ихъ гладкоствольными ружьями, кругленькія пульки которыхъ били на 300 шаговъ, съ союзниками, вооруженными отличными для того времени штуцерами, бившими за 1,500 шаговъ.

VII.

Затопленіе кораблей.

Выводя войска изъ Севастополя, князь Меншиковъ оставилъ главное начальство въ немъ вице-адмиралу Корнилову, несмотря на то, что среди севастопольскихъ властей было много лицъ, не только равныхъ Корнилову, но и выше его стоящихъ по чинамъ и служебному положенію. Такъ великъ былъ тотъ авторитетъ, который онъ сумѣлъ къ себѣ внушить!

Получивъ отъ кн. Меншикова извѣщеніе о потерѣ сраженія при Альмѣ, Корниловъ собралъ военный совѣтъ.

— Господа!—обратился онъ къ собравшимся у него начальствующимъ лицамъ:—армія наша дралась храбро, но потерпѣла пораженіе: непріятель идетъ на Севастополь. Предлагаю всему нашему флоту выйти въ море, напасть на непріятельскіе корабли, постараться разбить ихъ, а при неудачѣ—сцѣпиться съ самыми сильными непріятетельскими судами и взорваться съ ними на воздухъ. Мы спасемъ и армію, и Севастополь.

Корниловъ кончилъ. Съ высоко поднятою головою, блестящими глазами и пылающими щеками, онъ ожидалъ отвѣта.

Рѣчь Корнилова поразила собраніе. Энтузіазмъ его въ первую минуту какъ бы сообщился присутствующимъ. Сдѣлай онъ свое предложеніе, подобно Казарскому, на кораблѣ, лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, нѣтъ сомнѣнія, что его слова тотчасъ же перешли бы въ дѣло. Но тутъ было время для размышленія, а явилось оно— явилось и сомнѣніе: къ чему поведетъ такой подвигъ? въ чемъ будутъ заключаться его результаты?

Первымъ поднялся съ своего мѣста для возраженія герой Синопа—Павелъ Степановичъ Нахимовъ, «отецъ» своихъ матросовъ. Онъ началъ доказывать невозможность выступать съ 14 кораблями противъ безчисленнаго множества паровыхъ судовъ непріятеля.

— Мы можемъ быть отрѣзаны отъ рейда и уничтожены; непріятель ворвется въ рейдъ и овладѣетъ Севастополемъ. Ни одинъ начальникъ, ни одинъ матросъ не поколеблется итти на вѣрную смерть; но слѣдуетъ предпочесть борьбу на сушѣ вѣрной гибели на морѣ. Моряки, заключилъ онъ, — вездѣ сумѣютъ умереть со славою! Корниловъ распустилъ совѣтъ и о всемъ, на немъ высказанномъ, донесъ главнокомандующему. Князь Меншиковъ сталъ на сторону Нахимова; проектъ Корнилова онъ счелъ слишкомъ рискованнымъ и отдалъ ему приказаніе преградить входъ въ рейдъ, затопивъ для этого нѣсколько старыхъ кораблей, экипажъ которыхъ вывести на берегъ и употребить для сухопутныхъ дѣйствій.

Сердце Корнилова дрогнуло.

— Но почему же не хотите вы разрѣшить нашему флоту помѣряться силами съ непріятелемъ?—уговаривалъ онъ Меншикова.— Къ чему нашимъ кораблямъ, надеждѣ флота, безъ выстрѣла, безъ малѣйшей борьбы итти ко дну? Вѣдь даже въ случаѣ пораженія не все еще пропало: гавань всегда можетъ принять разбитый флотъ, а затопить все равно — поврежденныя выстрѣлами или цѣлыя суда.

Меншиковъ сморщился.

— Воля моя непоколебима, сказалъ онъ отрывисто. Когда же Корниловъ продолжалъ свои возраженія, то онъ далъ ему понять, что, въ случаѣ неповиновенія, онъ велитъ ему удалиться изъ Севастополя.

Корниловъ поблѣднѣлъ, но превозмогъ себя и сказалъ Меншикову:

— Въ такую минуту я не могу оставить Севастополь. Я повинуюсь!

Въ 4-мъ часу того же дня онъ уже отдалъ приказъ о затопленіи кораблей.

«Товарищи!»—говорилось въ этомъ приказѣ: «войска наши, послѣ кровавой битвы съ превосходящимъ насъ силами непріятелемъ, отошли къ Севастополю, чтобъ грудью защищать его...

«Намъ надо отказаться отъ любимой мысли разразить врага на водѣ: мы нужны для защиты города, гдѣ наши дома и наши семьи. Главнокомандующій рѣшилъ: «затопить 5 старыхъ кораблей на фарватерѣ». Они временно преградятъ входъ непріятелю на рейдъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ свободныя команды усилятъ войска.

«Грустно уничтожать свой трудъ! Много было употреблено нами усилій, чтобъ держать корабли, обреченные на жертву, въ завидномъ свѣту порядкѣ; но надо покориться необходимости.

«Москва горѣла, а Русь оттого не погибла, но, напротивъ, стала сильнѣе. Богъ милостивъ! Конечно, онъ и теперь готовитъ вѣрному Ему народу русскому такую-же участь. Итакъ помолимся Господу и не допустимъ врага сильнаго покорить насъ!..»

Угрюмо смотрѣли матросы на обреченныя суда, когда тѣ тронулись ко входу въ большой рейдъ, гдѣ должно было быть совершено ихъ жертвоприношеніе. Вслѣдъ за ними, по обоимъ берегамъ бухты, бѣжали толпы народа.

Корабли выстроились у входа въ рейдъ, поперекъ фарватера, въ послѣдній разъ повернувъ къ непріятелю свои грозные, вооруженные борта.

— И изъ-подъ воды грозить будутъ!—говорилъ народъ на берегу.

Дѣйствительно, на этотъ разъ старые корабли были въ тысячу разъ грознѣе непріятелю подъ водою, нежели на водѣ.

Кораблей было пять: «Три Святителя», «Уріилъ», «Селафаилъ», «Варна», «Силистрія» и фрегаты «Сизополь» и «Флора». Съ каждымъ изъ этихъ судовъ, печально спустившихъ теперь свои флаги и паруса, связаны были славныя воспоминанія. О нихъ шли толки на берегу среди моряковъ, и съ жаднымъ любопытствомъ прислушивалась къ этимъ разсказамъ толпа. Корабль «Три Святителя», герой Синопа, болѣе всѣхъ другихъ обращалъ на себя вниманіе; съ нимъ было связано больше всего воспоминаній.

Весь вечеръ и всю ночь проработали моряки надъ кораблями. Съ нихъ свезли все, что можно, и затѣмъ прорубили имъ дно. Вода хлынула въ отверстія, и когда солнце показалось на горизонтѣ, оно освѣтило лишь на мгновеніе «Сизополь», «Варну» и «Силистрію», медленно опускавшихся ко дну. Часъ спустя, не стало «Уріила» и «Селафаила». До 8 часовъ боролась «Флора»; но вотъ и она скрылась подъ водою, и только корабль «Три Святителя», несмотря на искрошенное дно, продолжалъ гордо раскачиваться на волнахъ.

На этотъ раскачивающійся гигантъ устремлены были теперь тысячи глазъ, изъ которыхъ многіе были полны слезъ. На берегу шелъ оживленный говоръ; толпа волновалась.

— Не поддается, старикъ, не поддается!

— Упирается, съ побѣдоносною командою прощается!..

— Боевой смерти проситъ!..

— Потому не идетъ онъ ко дну, послышался чей-то голосъ въ толпѣ, — что въ каютѣ, слышь, образъ Николая Угодника забыли.

— Вонъ и лодка за нимъ поѣхала, прибавилъ кто-то.

Однако, и по снятіи образа корабль продолжалъ упираться. Вдругъ толпа увидѣла быстро идущій къ нему пароходъ «Громоносецъ». Дойдя до упорнаго старика-синопца, онъ замедлилъ ходъ.

Вотъ раздалось: «стопъ машина!»—и «Громоносецъ» повернулся къ кораблю бортомъ, съ котораго торчали жерла орудій.

Въ толпѣ всплеснули руками.

— Свои по своимъ!—воскликнулъ кто-то съ неподдѣльнымъ ужасомъ.—Это кощунство! Это—ударъ кнута дряхлому коню, съ честью отслужившему свой вѣкъ!

Но вотъ на бортѣ «Громоносца» пробѣжали бѣленькія струйки дыма; раздался залпъ; ядра полетѣли по направленію къ упорному кораблю. Онъ вздрогнулъ, сталъ раскачиваться все сильнѣе и сильнѣе, зачерпнулъ однимъ бортомъ воды и началъ медленно погружаться въ глубь моря.

На берегу раздались рыданія.

Присоединясь къ своимъ товарищамъ, корабль «Три Святителя» дѣйствительно преградилъ дорогу непріятелю для входа въ рейдъ. Только верхушки мачтъ торчали изъ воды.

VIII.

Въ виду врага.

На слѣдующій день всѣ войска были выведены на Сѣверную сторону, наскоро укрѣпленную земляными окопами для пѣхоты и артиллеріи. Около 12 часовъ можно было уже видѣть, какъ непріятельская армія спускается къ Бельбеку, небольшой рѣчкѣ на западномъ берегу Крымскаго полуострова, а флотъ, ее сопровождавшій, открылъ огонь по Константиновской батареѣ. Казалось, штурмъ [1]) неизбѣженъ, и защитники Севастополя думали только о томъ, какъ бы подороже продать свою жизнь. Но непріятель пріостановился на Бельбекѣ, заночевавъ тамъ, а на слѣдующій день исчезъ изъ вида. 14 сентября казаки донесли, что французы двинулись на востокъ, перешли Черную рѣчку и занимаютъ южную сторону Херсонесскаго полуострова и Камышевую бухту. Въ тотъ же день стало извѣстно, что англичане заняли Балаклаву.

Лежащая въ 12 верстахъ къ юго-востоку отъ Севастополя Балаклава представляетъ изъ себя крошечный, хорошенькій городокъ Таврической губ. съ населеніемъ въ полторы тысячи душъ. Небольшіе бѣлые домики ея словно скатились съ макушки горъ и, катясь, кое-гдѣ позацѣпились и остановились—одни выше, другіе ниже. Большинство же скатилось къ самой подошвѣ и остановилось у береговъ огромнаго, извилистаго залива съ узкимъ входомъ, обставленнаго со всѣхъ сторонъ крутыми утесами.

---

[1]) Штурмъ—открытое общее нападеніе на крѣпость.

Давно, очень давно городкомъ этимъ владѣли генуэзцы, оставившіе на горахъ рядъ укрѣпленій, превратившихся съ теченіемъ времени въ живописныя развалины. Въ крайней башнѣ, выходившей на дорогу изъ Балаклавы внутрь Крыма, засѣло въ ожиданіи непріятеля 110 русскихъ солдатъ балаклавскаго греческаго батальона, которымъ командовалъ полковникъ Манто. Ротнымъ командиромъ былъ капитанъ Стаматти.

Когда авангардъ англійской арміи приблизился къ Балаклавѣ, на него вдругъ пыхнули 4 мортирки, разрѣшившіяся гранатами, а греческіе стрѣлки пошли катать изъ своихъ гладкостволокъ кругленькими пульками, презабавно прыгавшими по дорогѣ. Цѣлый часъ прыгали пульки и пыхали мортирки передъ стоящею англійскою арміей, которая наконецъ выдвинула артиллерію и открыла канонаду. Пульки однакожъ продолжали прыгать, а мортиры пыхать. Наконецъ заряды истощились. Батарея смолкла. Англичане вступили въ городъ и водрузили тамъ свое знамя.

Почти весь гарнизонъ, израненный и искалѣченный, былъ взятъ въ плѣнъ.

— Неужели же вы надѣялись съ горстью солдатъ остановить цѣлую армію?—спросилъ одинъ изъ англійскихъ генераловъ капитана Стаматти.

— Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ со вздохомъ,—но я сдѣлалъ все, что могъ. Теперь совѣсть моя спокойна: я исполнилъ свой долгъ.

Въ то время, какъ до севастопольцевъ дошли вѣсти о занятіи непріятелемъ Балаклавы и Камышевой бухты, армія наша, расположившаяся послѣ Альминскаго сраженія на Куликовомъ полѣ, къ югу отъ Севастополя, вдругъ снялась съ мѣста, по приказанію главнокомандующаго кн. Меншикова, и исчезла изъ вида по направленію къ Бахчисараю. Никто изъ севастопольцевъ не зналъ, куда и зачѣмъ она ушла.

Что же это было за исчезновеніе цѣлой арміи, съ главнокомандующимъ во главѣ?

Князь Меншиковъ сообразилъ, что его армія не въ состояніи предотвратить паденія города въ случаѣ атаки непріятеля; а если бъ онъ остался на южной сторонѣ и Севастополь палъ, то вся его армія была бы отрѣзана отъ Россіи, прижата къ морю и, по всей вѣроятности, истреблена превосходными силами непріятеля съ суши и моря. Вотъ почему и рѣшился онъ сдѣлать «трудное и отважное фланговое движеніе», какъ о томъ выразился впослѣдствіи самъ императоръ Николай I, на сѣверъ, къ Бахчисараю; защиту же самого Севастополя онъ довѣрилъ геройской храбрости моряковъ, съ Корниловымъ во главѣ. Но по свойственной ему скрытности, мрачности и самолюбію онъ счелъ за лишнее дать какія бы то ни было разъясненія своимъ подчиненнымъ и оставилъ всѣхъ въ тяжелой неизвѣстности.

Севастополь явился такимъ образомъ самому себѣ предоставленнымъ. Можно себѣ вообразить ту тревогу, которая овладѣла его жителями! Мало защищенные съ сѣвера, они были совершенно не защищены съ юга, куда теперь направлялся непріятель. Всѣ знали, что силы его громадны и вооруженіе превосходно. Если бъ наша армія стояла еще вблизи Севастопопя, то первый ударъ пришлось бы встрѣтить ей; теперь же севастопольцы видѣли себя вполнѣ беззащитными, и тревога ихъ возрастала съ каждымъ часомъ.

И тѣмъ не менѣе мысль о сдачѣ, о томъ, чтобъ покориться врагу, не промелькнула ни въ чьей головѣ. Предоставленные самимъ себѣ, севастопольцы рѣшились сдѣлать все, отъ нихъ зависящее, чтобъ защищаться, защищаться отчаянно, до самой смерти.

Они принялись окапывать городъ рядомъ небольшихъ бастіоновъ [1]) и ложементовъ [2]), чтобъ встрѣтить непріятельскія штур-

[1]) Бастіонъ — земляное укрѣпленіе съ валомъ и рвомъ; въ бастіонѣ помѣщается нѣсколько орудій и пѣхота.

[2]) Ложементы—рвы съ набросанными впереди валиками изъ земли для прикрытія стрѣлковъ-пѣхотинцевъ.

мующія колонны сильнымъ огнемъ. Работа кипѣла. За нее принялись не только моряки и представители всѣхъ городскихъ сословій, но даже жены и дѣти ихъ.

Эти женщины, носящія въ передникахъ землю, эти ребятишки, взапуски бѣгущіе съ горсточками ея, эти моряки, работающіе безъ устали, въ потѣ лица дни и ночи, эти офицеры и начальники, трудящіеся наравнѣ съ ними,—все это воздвигало ту грозную твердыню, которая на протяженіи семи верстъ охватила Севастополь съ суши и о которую около года разбивались соединенныя силы четырехъ европейскихъ армій.

Всѣми этими людьми, еще наканунѣ погруженными въ будничныя заботы, руководила чья-то невидимая рука, сливавшая всѣ усилія отдѣльныхъ личностей въ одно стройное цѣлое. Корниловъ и Тотлебенъ—«душа» севастопольской осады и ея «умъ»—вотъ лица, возвышавшіяся надъ всѣмъ этимъ копошащимся міркомъ и руководившія имъ.

IX.

Первое бомбардированіе 5-го октября 1854 года. Смерть Корнилова.

Бой барабанный, крики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ.
И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ.

Пушкинъ.

—

И приняла его земля его отчизны.
Дороже стала намъ одною изъ могилъ
Земля, которую безъ всякой укоризны,
Онъ такъ безропотно и смѣло такъ любилъ.

Случевскій.

Наступило утро знаменитаго 5-го октября 1854 года.

На разсвѣтѣ съ непріятельскихъ батарей, какъ и въ предыдущіе дни, начали «попаливать» потихоньку.

Пробило половина седьмого, и вдругъ со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ непріятельскихъ батарей раздался страшный, оглушительный залпъ. Началась бомбардировка Севастополя и съ моря, и съ суши. Союзники дѣйствовали противъ насъ 1,364 орудіями; мы отвѣчали имъ всего лишь 270-ю. Обѣ стороны израсходовали въ этотъ памятный день 94,727 снарядовъ; изъ строя выбыло убитыми и ранеными 2,118 человѣкъ.

Бомбардированіе 5-го октября представляло что-то неслыханное и невиданное, что-то «адское, «страшный судъ въ маломъ видѣ», какъ выражались очевидцы. Громадная площадь, отдѣлявшая осаждавшихъ отъ оборонявшихся, буквально вздрагивала при каждомъ новомъ залпѣ, а по окончаніи его тряслась, какъ въ сильнѣйшей лихорадкѣ. Густой пороховой дымъ закрылъ всю мѣстность. Въ клубахъ этого «чернаго тумана» раздавались залпы орудій. Огонь, ярко вспыхивавшій на гребняхъ брустверовъ [1]), едва-едва свѣтился и служилъ единственною цѣлью какъ для нашихъ, такъ и для непріятельскихъ артиллеристовъ. Этихъ моментальныхъ вспышекъ ожидали; на нихъ наводили орудія, посылая гибель и разрушеніе въ непріятельскій лагерь.

То же самое происходило между линіями союзнаго флота и нашихъ береговыхъ батарей. Море, какъ и суша, вздрагивало, шипѣло и пѣнилось отъ падавшихъ въ него снарядовъ. И здѣсь не было видно ни воды, ни неба. Сигналъ, выкинутый на французскомъ адмиральскомъ кораблѣ: «La France vous regarde» («Франція смотритъ на васъ»), не былъ виденъ французскими моряками.

И среди всего этого оглушительнаго рева раздавались приказанія, которыя всѣ слышали и исполняли; среди этого хаоса чья-то твердая рука руководила всѣми дѣйствіями оборонявшихся; среди десятковъ смертей и душу надрывающихъ стоновъ гремѣла музыка, и съ лихою пѣснью шли люди, полные жизни, на смѣну своимъ павшимъ товарищамъ.

Въ самомъ началѣ бомбардированія Корниловъ, видя, что «дѣло начинается», вскочилъ на коня и помчался въ бой. За нимъ слѣдовалъ его штабъ.

На 5-мъ бастіонѣ онъ встрѣтился съ Нахимовымъ. Павелъ Степановичъ, въ своихъ густыхъ адмиральскихъ эполетахъ, съ окровав-

---

[1]) Брустверъ—главный земляной валъ въ укрѣпленіи.

леннымъ лицомъ, стоялъ открыто въ амбразурѣ [1]), и наводилъ орудіе.

— Вы ранены?—спросилъ Корниловъ.

— Ничего-съ, маленькая царапина-съ, спокойно отвѣчалъ Нахимовъ.

Въ то время, какъ Корниловъ объѣзжалъ городскую сторону, Тотлебенъ объѣзжалъ укрѣпленія, а контръ-адмиралъ Истоминъ воодушевлялъ своимъ присутствіемъ войска на Малаховомъ курганѣ. Вотъ та невидимая рука, которая руководила массами среди этого первобытнаго хаоса.

Возвращаясь съ 3-го бастіона, на который англичане направили весь свой огонь, Тотлебенъ встрѣтился съ Корниловымъ, скакавшимъ уже на Корабельную сторону.

— Что, полковникъ?—спросилъ Корниловъ Тотлебена.

— На 3-мъ бастіонѣ ужасно... Онъ въ критическомъ положеніи. Нѣсколько орудій подбито; многія амбразуры засыпаны.

— А люди?

— Выбываютъ сильно, но держатся и мѣстъ не оставляютъ. Саперы и матросы соперничаютъ въ усердіи и самоотверженіи.

— Молодцы!—вскрикнулъ Корниловъ.—Я хочу самъ все видѣть, и, разставшись съ Тотлебеномъ, онъ направился къ 3-му бастіону.

Взойдя на него, онъ увидѣлъ, что треть всего вооруженія уже сбита и у остальныхъ орудій всѣ амбразуры разрушены.

— Что орудійная прислуга?—спросилъ Корниловъ.

— Перемѣнена уже разъ, ваше превосходительство, отвѣчали ему.

— Работаютъ молодцами!—сказалъ онъ.

— Рады стараться, ваше превосходительство!—раздалось на бастіонѣ.

---

[1]) Амбразура—вырѣзка въ земляномъ валу, въ брустверѣ, черезъ которую стрѣляютъ изъ пушекъ; амбразуры дѣлаются также и въ стѣнахъ и въ зданіяхъ въ видѣ маленькихъ отверстій для ружей.

Дѣйствительно, подъ убійственнымъ огнемъ солдаты расчищали обрушивающіяся амбразуры; офицеры работали вмѣстѣ съ ними.

— Хорошо!.. Спасибо!.. Благодарю, ребята!..—крикнулъ Корниловъ.—Помните, что мы должны драться съ непріятелемъ до послѣдней капли крови, должны скорѣе лечь здѣсь, чѣмъ отступить. Заколите того, кто осмѣлится говорить объ отступленіи! Заколите и меня, если я прикажу вамъ отступать!

— Ура-а-а!!!—грянуло на батареѣ, и Корниловъ сталъ спускаться съ нея.

— Теперь на Малаховъ курганъ!—сказалъ онъ обращаясь къ своему штабу.

— Адмиралъ, ради Бога, не подвергайте опасности вашей жизни, заговорили со всѣхъ сторонъ офицеры:—мы обѣщаемъ исполнить свой долгъ по совѣсти.

Корниловъ придержалъ лошадь.

— Хотя я совершенно убѣжденъ, что каждый исполнитъ свой долгъ, какъ честь и обстоятельства того требуютъ, сказалъ онъ,—но въ такой торжественный день я чувствую душевную потребность видѣть нашихъ героевъ на полѣ брани.

Онъ далъ лошади шпоры и помчался по линіи. Громкое «ура» сопровождало его.

Навстрѣчу ему то и дѣло попадались носилки съ ранеными.

— Откуда?--спрашивалъ онъ.

— Съ Малахова кургана, былъ почти постоянный отвѣтъ.

Быстро переѣзжая съ мѣста на мѣсто, Корниловъ то и дѣло обгонялъ партіи арестантовъ съ носилками, выпущенныхъ въ этотъ день изъ военной тюрьмы для подмоги обороняющимся.

— Дѣлайте, дѣлайте, братцы, свое святое дѣло!.. Кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ! Вотъ вамъ славный случай заслужить прощеніе за ваши проступки. Докажите, что вы—тоже люди. Вѣрьте мнѣ, братцы, храбрыхъ ожидаютъ георгіевскіе кресты.

— Умремъ, голубчикъ! Умремъ, родной!—кричали на бѣгу арестанты.

— И я буду счастливъ, что освободилъ васъ изъ острога и далъ вамъ возможность загладить не только ваше преступленіе на землѣ, но и получить прощеніе на небесахъ. Живымъ награда, павшимъ—царство небесное!

— Братцами назвалъ!—говорили другъ другу арестанты, утирая слезы.

Вотъ и Малаховъ курганъ, осыпаемый ядрами. Корниловъ слѣзъ съ лошади и взошелъ на площадку, усыпанную осколками ядеръ, изломанными ружьями, сброшенными орудіями. Нѣсколько труповъ съ зіяющими ранами лежали въ сторонѣ. Корниловъ перекрестился.

— Адмиралъ, здѣсь очень опасно, рѣшился замѣтить ему его адъютантъ.

— Опасность на всей оборонительной линіи, отвѣчалъ Корниловъ, поднимаясь выше.

— Вспомните приказъ государя: онъ повелѣлъ вамъ беречь себя, продолжалъ адъютантъ.

— Время ли теперь думать о безопасности?.. Если меня гдѣ-нибудь не увидятъ, что̀ обо мнѣ подумаютъ?..

Онъ поднялся еще на нѣсколько шаговъ.

— Хорошо, хорошо, благодарю!—обратился онъ снова къ защитникамъ.—И Богъ, и царь васъ не забудутъ!

Его привѣтствовали громовымъ «ура!»

Корниловъ стоялъ на банкетѣ[1]), смотря за брустверъ. Выраженіе его лица было покойно и строго; глаза, эти удивительные, умные, вдохновенные глаза, свѣтились какъ-то особенно; щеки пылали; голова была высоко приподнята. Худощавый и нѣсколько

---

[1]) Банкетъ—присыпка земли у вала съ внутренней стороны; на банкетъ становятся стрѣлки и, кладя ружья на гребень вала, стрѣляютъ черезъ валъ, такъ что надъ валомъ показывается только ихъ голова.

согнутый станъ выпрямился; онъ сталъ точно выше обыкновеннаго. Видъ его воодушевлялъ всѣхъ.

Вдругъ онъ упалъ. Всѣ бросились къ нему. Корниловъ былъ смертельно раненъ ядромъ въ лѣвую ногу. Взоръ его потухъ, словно подернулся туманомъ. Пылавшія щеки покрылись мертвенною блѣдностью.

— Носилки!—крикнулъ кто-то грустнымъ, надорваннымъ голосомъ.

Приблизились солдаты съ носилками; но отъ волненія остановились, какъ вкопанные, не смѣя дотронуться до обожаемаго начальника. Тогда онъ призвалъ на помощь всю свою желѣзную волю. Видя, что солдаты не въ состояніи поднять его своими дрожащими руками, онъ уперся кулаками въ землю и самъ перекинулся въ носилки.

— Ну, господа, предоставляю вамъ отстаивать Севастополь!.. Не отдавайте его... имѣлъ онъ еще силы произнести, обращаясь къ окружающимъ.

Когда носилки тронулись въ путь, всѣ переглянулись, точно не понимая, что произошло, а затѣмъ у всѣхъ мелькнула одна и та же мысль: «Нѣтъ его, нашего хорошаго Владиміра Алексѣевича»! Весь Севастополь вздрогнулъ, какъ одинъ человѣкъ, узнавъ о смертельной ранѣ Корнилова. Въ теченіе тѣхъ двухъ часовъ, которые еще страдалъ до момента смерти этотъ могучій труженикъ, множество народа перебывало въ Морскомъ госпиталѣ, гдѣ онъ лежалъ, и всѣ выходили оттуда съ опущенными головами, съ глазами, полными слезъ.

За нѣсколько мгновеній до смерти Корниловъ пришелъ въ себя.

— Скажите всѣмъ, проговорилъ онъ уже слабѣющимъ, но все еще внятнымъ голосомъ, обращаясь къ окружавшимъ его близкимъ людямъ,—что хорошо умирать за отечество, хорошо умирать, когда совѣсть спокойна. Благослови, Господи, Россію и государя, спаси Севастополь и флотъ.

Съ этими словами онъ замолкъ навѣки.

Смерть В. А. Корнилова.

— Корниловъ умеръ!—Нѣтъ Корнилова!—Владиміръ Алексѣевичъ скончался!

Вотъ слова, облетѣвшія весь Севастополь. И тѣ, до кого они доходили, чувствовали, какъ сжимается ихъ сердце и слезы катятся изъ глазъ. Это общее горе, эти общія слезы выражали ясно, что чувствовали севастопольцы, говоря:

— Царство небесное Владиміру Алексѣевичу!

— Не отдавайте, братцы, Севастаполя!—сказалъ Владиміръ Алексѣевичъ,—и не отдадимъ, повторяли солдаты, съ особеннымъ ожесточеніемъ, будто мстя за своего отца-командира, посылая выстрѣлы въ непріятельскій лагерь.

Корнилова похоронили на другой день, вечеромъ, при свѣтѣ факеловъ, рядомъ съ Лазаревымъ, на мѣстѣ, гдѣ былъ заложенъ теперешній Владимірскій соборъ или «Соборъ четырехъ адмираловъ», какъ его еще называютъ. На Малаховомъ же курганѣ, тамъ, гдѣ онъ упалъ, пораженный ядромъ, солдатики сложили изъ бомбъ крестъ, вкопавъ ихъ на половину въ землю. Узнавъ о геройской смерти Корнилова, Императоръ Николай I повелѣлъ назвать Корниловскимъ бастіонъ, гдѣ тотъ погибъ, и воздвигнуть ему тамъ памятникъ, что теперь и исполнено.

Корниловъ точно предчувствовалъ свою смерть. Отправляясь на Малаховъ курганъ, онъ снялъ съ себя часы и велѣлъ передать ихъ своему старшему сыну. Духовное завѣщаніе было написано имъ тотчасъ послѣ сраженія при Альмѣ. Вотъ, что говоритъ онъ въ немъ своимъ сыновьямъ:

«Избравъ однажды службу государю, не мѣнять ея и приложить всѣ усилія сдѣлаться полезными обществу, не ограничиваясь уставомъ, а занимаясь съ любовью, изучая всѣми своими способностями то, что для полезнѣйшихъ дѣйствій пригодно».

Канонада 5-го октября продолжалась всего лишь 6 часовъ, но въ теченіе этого времени, по расчету графа Тотлебена, непріяте-

лемъ было выпущено 59 тысячъ снарядовъ, а ревъ орудій доносился до Симферополя, находящагося отъ Севастополя на разстояніи 73-хъ верстъ.

Въ этотъ день побѣда осталась за нами; французскія батареи были подбиты, а флотъ потерпѣлъ сильный уронъ. Англійскій корабль «Артенуза» получилъ 93 пробоины; «Альбіонъ» былъ поврежденъ и ушелъ въ Константинополь; французскій адмиральскій корабль «Городъ Парижъ» получилъ 50 пробоинъ; на кораблѣ «Наполеонъ» была пробита подводная часть, а на «Шарлеманѣ» оказалась испорченною машина и пробиты всѣ деки.

Но успѣхъ нашъ былъ купленъ дорогою цѣной: на Малаховомъ курганѣ былъ смертельно раненъ адмиралъ Корниловъ, 3-й бастіонъ былъ почти совершенно уничтоженъ, и изъ строя выбыло 1,112 защитниковъ Севастополя.

Разумѣется, послѣ такого исхода перваго бомбардированія непріятель не могъ думать о штурмѣ: онъ былъ занятъ починкою осадныхъ работъ.

Защитники же Севастополя возвысились духомъ. 5-е октября дало имъ возможность увѣровать чуть что не въ равенство своихъ силъ съ противниками. Обрушившіеся бастіоны, растрепанныя батареи, подбитыя орудія—весь этотъ хаосъ какъ бы грознѣе прежняго смотрѣлъ на непріятеля.

— Съ сегодняшняго дня Севастополь сталъ намъ еще дороже, говорили его защитники:—нельзя отдать врагу ту землю, въ которой покоится прахъ Корнилова.

X.

Инкерманское сраженіе.

Удачный исходъ перваго бомбардированія настолько поднялъ духъ осажденныхъ, что кн. Меншиковъ рѣшился этимъ воспользоваться и перейти въ наступленіе. Съ этою цѣлью 13 октября былъ составленъ особый Чаргунскій [1]) отрядъ, напавшій на англійскую позицію. Наши войска сбили передовые англійскіе посты, проникли почти до Балаклавы и взяли Кадыкойское укрѣпленіе. Захвативъ 11 непріятельскихъ орудій, русскіе отступили, разбивъ при этомъ англійскую кавалерію, пытавшуюся перейти въ наступленіе.

Результатъ сраженія подъ Балаклавою былъ тотъ, что англичане, такъ успѣшно дѣйствовавшіе противъ нашего 3-го бастіона, не рѣшились продолжать осадныя работы и занялись укрѣпленіемъ лагеря подъ Балаклавою.

Французы между тѣмъ повели подступы траншеями [2]) противъ 4-го бастіона настолько успѣшно, что заложили послѣднюю тран-

[1]) Названіе свое этотъ отрядъ получилъ отъ деревни Чаргунъ, лежащей верстахъ въ 12-ти отъ Севастополя, на юго-востокѣ, въ тылу англійской арміи.

[2]) Траншеи—рвы съ валиками въ сторону осаждаемаго. Траншеи вырываютъ зигзагами.

шею въ 65-ти саженяхъ отъ бастіона. Съ такого близкаго разстоянія 4-й бастіонъ буквально засыпался снарядами, и его земляные валы разбрасывались непріятельскими бомбами. Французы пускали противъ него снаряды изъ 74 орудій. Убитыми и ранеными выбывало у насъ изъ строя ежедневно до 150 человѣкъ. Между тѣмъ потерять 4-й бастіонъ значило потерять весь Севастополь. Не мудрено, что на этомъ пунктѣ сосредоточивался теперь всеобщій интересъ. Въ палаткахъ маркитантовъ, въ трактирахъ и ресторанахъ шелъ разговоръ преимущественно о 4-мъ бастіонѣ. Едва узнавали, что среди присутствующихъ находится кто-нибудь съ 4-го бастіона, какъ на него обращались всѣ взгляды. Достаточно было произнести слово «4-й бастіонъ» [1]), чтобъ сдѣлаться предметомъ общаго вниманія.

Борьба здѣсь шла не на жизнь, а на смерть; желѣзная грудь русскаго солдата геройски отражала натискъ непріятеля. Но силы защитниковъ 4-го бастіона начинали, видимо, слабѣть; между тѣмъ изъ непріятельскаго лагеря получались извѣстія, что тамъ готовятся къ штурму.

Въ силу этихъ извѣстій съ 21-го октября принялись устраивать оборону въ самомъ городѣ. Для этого всѣ зданія возвышенной части города, составлявшія театральный кварталъ, были приведены въ оборонительное положеніе. Двери и окна были заложены, и въ нихъ продѣланы бойницы. Въ церквахъ поставлены пушки, на углахъ улицъ—различныя орудія. Входы улицъ баррикадированы и вооружены. Во всѣхъ домахъ, приготовленныхъ для обороны, поставлены войска.

Чтобъ отвлечь вниманіе непріятеля отъ 4-го бастіона, кн. Меншиковъ рѣшился воспользоваться присланными изъ Россіи подкрѣпленіями и вновь перейти въ наступленіе,—и 24-го октября произошло знаменитое Инкерманское сраженіе. За два дня до

---

[1]) См. «Севастополь въ декабрѣ мѣсяцѣ» гр. Льва Толстого. Сочиненія т. III, стр. 193.

этого сраженія въ Севастополь прибыли великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, присланные на театръ войны державною волею ихъ августѣйшаго отца.

— Долгъ чести требуетъ отправить моихъ рекрутъ въ Крымъ къ Меншикову, говорилъ Императоръ Николай Павловичъ окружающимъ:—отправить съ тѣмъ, чтобъ они тамъ оставались при немъ до миновенія опасности или до изгнанія врага. Если опасность есть, то не моимъ дѣтямъ удаляться отъ нея. Присутствіе ихъ докажетъ войскамъ мое довѣріе къ нимъ.

Великіе князья остановились на Сѣверной сторонѣ, въ маленькомъ почтовомъ домикѣ,—вотъ до какой степени тѣсно и скудно жилось тогда въ Севастополѣ!

Рано утромъ 23-го октября великіе князья явились къ войскамъ, уже готовымъ къ выступленію изъ Севастополя. Шелъ дождь, посвистывалъ холодный вѣтеръ, задувая костры, около которыхъ грѣлись на улицахъ и площадяхъ бивуакирующіе солдаты. Вдругъ вдали раздались крики: «ура!»

— Что такое? Кому это? — посыпались со всѣхъ сторонъ вопросы.

Толпа росла передъ тихо двигавшеюся коляскою, въ которой сидѣли два высокихъ, молодыхъ офицера, одѣтыхъ въ солдатскія шинели. Шапки летѣли вверхъ, крики не умолкали. Это ѣхали великіе князья.

На лицахъ ихъ, молодыхъ и красивыхъ, съ едва пробивающимися усами, сіяла улыбка. Николаю Николаевичу было тогда 23 года, а Михаилу Николаевичу—22.

Изъ коляски звонко гремѣли ихъ голоса:

— Драться будемъ, ребята!

— Рады стараться, ваши императорскія высочества!—отвѣчали имъ тысячи голосовъ.

— Государь Императоръ кланяется вамъ, говорили они, двигаясь далѣе.

Громкое «ура!» гремѣло въ отвѣтъ этому поклону.

Въ самый день Инкерманскаго сраженія великіе князья находились въ штабѣ главнокомандующаго. Съ разсвѣта они были уже на коняхъ и, окруженные свитой, скакали на поле битвы.

Войско поднялось въ два часа ночи съ холоднаго бивуака, такъ какъ огней не позволено было разводить, чтобъ непріятель не обратилъ вниманія на движеніе въ нашемъ лагерѣ. Дождь, шедшій непрерывно весь день наканунѣ сраженія, продолжалъ лить, какъ изъ ведра; глинистая почва севастопольскихъ окрестностей размякла; дороги покрылись густою, невылазною грязью.

Англичане, не подозрѣвая опасности, спокойно спали въ своемъ лагерѣ. Передовые посты ихъ, насквозь промоченные дождемъ, зябли на холодномъ, пронзительномъ вѣтрѣ; полусонные отъ усталости и изнуренія, они не обращали особеннаго вниманія на происходившее въ нашемъ лагерѣ движеніе. Нѣкоторые изъ часовыхъ слышали какой-то отдаленный шумъ и скрипъ колесъ, но не придавали этому особаго значенія, приписывая его движенію татарскихъ арбъ. Сѣрый туманъ и сѣрыя шинели русскихъ солдатъ скрывали ихъ наступательное шествіе. Они дошли незамѣтными до передовой непріятельской цѣпи и захватили въ плѣнъ непріятельскій пикетъ.

Въ этотъ моментъ движеніе нашихъ войскъ было обнаружено, и началась первая перестрѣлка.

Англійскій генералъ Кондрингтонъ, выѣхавшій рано утромъ для осмотра своихъ передовыхъ постовъ, встрѣтилъ бѣгущихъ часовыхъ.

— Что означаютъ эти выстрѣлы?—спросилъ онъ.

— Русскіе наступаютъ, отвѣчали ему.

Барабаны забили тревогу. Лагерь быстро пришелъ въ движеніе, и начался бой, жестокій, ужасный и по количеству жертвъ, и по ожесточенію сражавшихся. Тутъ шли въ дѣло штыки, приклады, тесаки, камни, кулаки, зубы. Каждая пядь земли покупа-

лась кровью, смертью, увѣчьемъ, страданіями. Ни та, ни другая сторона не уступали, обнаруживая чудеса храбрости и самоотверженія.

Стрѣлокъ Колыванскаго полка Полѣновъ, работавшій направо и налѣво прикладомъ, видитъ себя окруженнымъ цѣлою массою англичанъ. Сознавая, что ему не избавиться отъ плѣна, Полѣновъ отбѣгаетъ въ сторону, крестится и съ крикомъ: «въ плѣнъ не дамся!» — бросается внизъ головою со скалы и убивается до смерти.

Юнкеръ Есаковъ, отступая, несетъ на себѣ тѣло убитаго штабсъ-капитана Клейменова и падаетъ вмѣстѣ съ нимъ, получивъ смертельную рану.

Вотъ крошка-капитанъ Воротниковъ, тщедушный на видъ, одинъ отбивается отъ массы рослыхъ англійскихъ гвардейцевъ. Онъ бросилъ въ сторону свою старой формы пѣхотную полусаблю, неудобную въ бою, сорвалъ съ убитаго солдата своей роты шанцевый топоръ и, не снимая съ него чехла, началъ рубить направо и налѣво. Откуда эта мощь въ такомъ слабомъ тѣлѣ?

— За мной!—раздается голосъ подполковника Горева, и онъ, размахивая саблею и зажавъ одною рукою кровь, льющуюся изъ оторваннаго уха, спѣшитъ подъ роемъ пуль схватиться въ послѣдній разъ съ врагами. Онъ вбѣжалъ почти въ самую середину отряда непріятелей; на него посыпались удары; онъ былъ уже буквально перерубленъ, когда бѣжавшіе за нимъ солдаты ворвались въ отрядъ и выхватили его изъ рукъ враговъ. Ослабѣвшій, истекающій кровью, онъ кричалъ несущимъ его солдатамъ:

— Бросьте!.. Бросьте меня!.. Я — уже ненужная вещь. Возвратитесь туда, куда насъ призываетъ отечество!..

Истинными героями держали себя во время Инкерманскаго сраженія и молодые Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ. Въ подлинномъ донесеніи князя Меншикова Е. И. В. Императору Николаю I о сраженіи 24-го октября мы читаемъ:

«Доказавъ уже на полѣ сраженія все мужество свое и хладнокровіе, Великіе Князья пожелали въ тотъ-же день посѣтить бастіоны и батареи, чтобъ устно, во исполненіе Высочайшей воли Вашей, передать храбрымъ морякамъ «Царское спасибо». Въ это время всѣ почти батареи дѣйствовали, и особенно на Малаховомъ курганѣ огонь былъ неумолкаемый, такъ что всю дорогу къ этому бастіону громъ ядеръ и даже свистъ штуцерныхъ пуль провожали Великихъ Князей. На Малаховомъ курганѣ непріятель доставилъ отрадный случай защитникамъ Севастополя свое испытанное мужество сочетать впервые съ испытаннымъ мужествомъ дорогихъ Россіи Сыновей! Въ присутствіи Ихъ Высочествъ, почти къ ихъ ногамъ упали два непріятельскихъ ядра въ брустверъ; третьимъ, ударившимъ въ шершенъ, засыпало прислугу, и наконецъ, какъ-бы въ довершеніе испытанія, бомба передъ ихъ ногами разрушила зданіе въ то время, когда въ нѣсколькихъ шагахъ Ихъ Высочества одушевляли команду милостивыми словами Вашего Величества.

«Лишне было-бы говорить, что во всѣ эти минуты, которыя могли-бы быть роковыми, Государи Великіе Князья были, осмѣлюсь и здѣсь повторить,—истинно русскими молодцами!»

Въ отвѣтъ на это Императоръ Николай I въ собственноручномъ письмѣ къ князю Меншикову отъ 2-го ноября говоритъ:

«Пекись о раненыхъ ради Бога и призри ихъ сколько можно»...

«Ободряй войска, говори съ ними Моимъ именемъ, благодари ихъ, чтобъ знали, что ты уважаешь ихъ заслуги и доводишь до Меня ихъ подвиги. Представляй скорѣе къ наградамъ отличившихся...

«Ежели ты доволенъ Моими ребятами, то вручи имъ обоимъ Георгіевскіе кресты 4-й степени».

И, несмотря на всѣ эти подвиги, на все геройство нашего войска, Инкерманское сраженіе было для насъ проиграно.

Императоръ Николай Павловичъ, хорошо понимавшій все значеніе, которое должно было имѣть для насъ это сраженіе, въ письмѣ къ кн. Меншикову, говоритъ:

«Севастополь не можетъ пасть, имѣя въ своемъ распоряженіи восемьдесятъ тысячъ героевъ, доказавшихъ, что для нихъ нѣтъ невозможнаго». Но онъ тутъ же прибавляетъ: «лишь бы вели ихъ, какъ слѣдуетъ и куда слѣдуетъ».

Горе же наше въ томъ, что этихъ героевъ вели именно не такъ, какъ слѣдуетъ, и не туда, куда слѣдовало. Между начальниками отдѣльныхъ частей не было достаточно соглашенія; не произошло необходимыхъ соединеній отрядовъ въ заранѣе опредѣленныхъ пунктахъ; полки, ослабѣвавшіе въ бою, не получили надлежащихъ подкрѣпленій, и наши войска принуждены были отступить, потерявъ въ бою 11,664 солдата, 289 офицеровъ и 6 генераловъ.

Потери союзниковъ были тоже такъ значительны, а геройская борьба нашихъ войскъ произвела на нихъ такое впечатлѣніе, что они начали серіозно подумывать о снятіи осады, особенно послѣ розыгравшейся, недѣлю спустя, страшной бури, причинившей союзному флоту большія бѣды.

Буря эта, свирѣпствовавшая въ Черномъ морѣ 2-го ноября 1854 года, принадлежитъ къ числу самыхъ необыкновенныхъ штормовъ даже въ этомъ, знаменитомъ своими бурями морѣ. Въ теченіе нея погибло до 1,500 человѣкъ и имущества на 60 милліоновъ франковъ. Трудно описать, что происходило въ это время въ непріятельскихъ лагеряхъ. Смятеніе было всеобщее; люди бѣгали безцѣльно по разнымъ направленіямъ. Порывами вѣтра срывало палатки и носило ихъ съ одного мѣста на другое. Проливной дождь залилъ наши и непріятельскія траншеи; вода грозила залить и пороховые погреба. Вѣтеръ опрокидывалъ деревянные бараки, служившіе лазаретами для французскихъ войскъ, и ломалъ ихъ на части. Несчастные раненые ползали по землѣ, истекая кровью, заливаемые водой и пронизываемые вѣтромъ. Съ берега то и дѣло давали знать о крушеніяхъ. Сорванные ураганомъ съ якорей суда носились по морю, сталкивались, разбивались и исчезали въ мор-

ской пучинѣ. Было уже извѣстно, что 7 транспортныхъ судовъ, нагруженныхъ провіантомъ, фуражемъ, боевыми принадлежностями и теплою одеждою, потонули. Пришло извѣстіе, что потонулъ пароходъ «Принцъ» съ большимъ количествомъ инженерныхъ запасовъ, а стопушечный корабль «Генрихъ IV» выброшенъ на берегъ и разбитъ.

Меншикову донесли, что противъ устья р. Качи выбросило на берегъ нѣсколько непріятельскихъ судовъ.

— Отправить туда немедленно Камчатскій полкъ и сжечь непріятельскія суда, приказалъ Меншиковъ.

Камчатскій полкъ отправился по назначенію, но, найдя тамъ не военныя, а транспортныя невооруженныя суда, донесъ объ этомъ Меншикову.

Тогда тотъ приказалъ:

— Заняться спасеніемъ бѣдствующаго въ морѣ экипажа.

И не однимъ только Камчатскимъ полкомъ, а всѣми, кому только было возможно, предпринимались самыя энергичныя мѣры для спасенія экипажей выброшенныхъ на мель непріятельскихъ судовъ.

Многіе изъ нашихъ кораблей были также снесены бурею, и хотя ни одного не погибло, но потребовались большія починки.

Одинъ изъ эпизодовъ Инкерманскаго сраженія.

XI.

Зима 1854—55 года.—Военныя дѣйствія.

Какъ подъ грохотъ гранатъ, какъ
сквозь пламя и дымъ,
Подъ немолчные, тяжкіе стоны
Выходили редуты одинъ за другимъ,
Грозной тѣнью росли бастіоны.

Апухтинъ.

„Солдатская пѣсня о Севастополѣ".

Послѣ бури 2-го ноября погода совершенно измѣнилась. Наступили холода; дождь смѣнился снѣгомъ. Съ перемѣною погоды перемѣнился и характеръ военныхъ дѣйствій. Мысль о снятіи осады, возникшая послѣ Инкермана, была оставлена союзниками, но наступило нѣкоторое затишье. Непріятельскіе лагери продолжали обмѣниваться выстрѣлами; происходили вылазки и небольшія стычки при встрѣчахъ. Шла главнымъ образомъ подземная, минная война.

Главною цѣлью всѣхъ непріятельскихъ дѣйствій оставался попрежнему 4-й бастіонъ. Но, убѣдясь въ безуспѣшности надземныхъ работъ, французы пытались подорвать этотъ бастіонъ минами. Увѣдомленный объ этомъ Тотлебенъ приказалъ рыть развѣдочные колодцы. Оказалось, что на глубинѣ 16 футовъ, подъ скалою, залегаетъ слой глины толщиною въ пять футовъ, за которымъ

идетъ опять скала. Несомнѣннымъ стало, что французы поведутъ свои мины именно въ этомъ глинистомъ слоѣ. Въ немъ Тотлебенъ заложилъ и наши контрмины. Къ 18-му января бастіонъ былъ окруженъ нашею подземною галлереей, изъ которой шли по направленію къ непріятелю слуховые рукава на разстояніи отъ 10 до 25 саж. 21-го января наши услыхали шорохъ и даже голоса французскихъ минеровъ, и на слѣдующій день непріятельскія работы были взорваны.

Наши подземныя галлереи имѣли болѣе 6-ти верстъ въ длину (3,230 саж.) и велись такъ успѣшно, что на всѣхъ пунктахъ мы предупреждали французовъ и 94-мя взрывами уничтожили всѣ ихъ подземныя работы. Благодаря этимъ подземнымъ галлереямъ и ряду траншей и ложементовъ, воздвигнутыхъ защитниками Севастополя, французы во всю зиму не подвинулись къ 4-му бастіону ни на шагъ.

Видя безплодность своихъ работъ противъ 4-го бастіона, союзники на военномъ совѣтѣ 20-го января рѣшили перенести центръ атаки къ Малахову кургану. Предполагалось открыть противъ него осадныя работы, ослабить его артиллерію и затѣмъ какъ можно быстрѣе занять его. Но планъ этотъ былъ разгаданъ Тотлебеномъ.

— Надо намъ выдвинуть впереди Малахова кургана укрѣпленіе, сказалъ онъ окружающимъ.

Сказано-сдѣлано. Дѣло это взялъ на себя генералъ Хрущовъ, человѣкъ испытанный въ бояхъ, храбрый, хладнокровный, распорядительный. Въ сумерки 9-го февраля отправился онъ съ тремя баталіонами Селенгинскаго полка на мѣсто, гдѣ нужно было воздвигнуть редутъ.

На 2-мъ бастіонѣ Хрущовъ встрѣтилъ начальника гарнизона, барона Остенъ-Сакена.

— Ваше превосходительство, благословите!—сказалъ онъ ему. Остенъ-Сакенъ перекрестилъ его.

Въ эту ночь былъ заложенъ редутъ, названный Селенгинскимъ, и непріятель, проснувшись, съ изумленіемъ увидѣлъ «эту бородавку, выросшую чуть не на самомъ его носу».

Такимъ же точно совершенно неожиданнымъ для непріятеля образомъ въ теченіе одной ночи были заложены Волынскимъ и Камчатскимъ полками Волынскій редутъ и передъ самымъ Малаховымъ курганомъ Камчатскій люнетъ.

Эти три укрѣпленія, остановившія атаку непріятеля противъ Малахова кургана, само собою разумѣется, были бѣльмомъ на глазу у союзниковъ, и вотъ у нихъ-то и началась теперь отчаянная борьба не на жизнь, а на смерть: открылось бомбардированіе, начались вылазки; союзники принуждены были медленно, шагъ за шагомъ брать ту мѣстность, на которой имъ можно было бы вести правильную осаду противъ Малахова кургана, этого главнаго оплота Севастополя.

Оборона Малахова кургана лежала главнымъ образомъ на контръ-адмиралѣ Истоминѣ. Это былъ неутомимый труженикъ, другъ Корнилова и Нахимова. Съ 1-го октября по 7-е марта Истоминъ ни одной ночи не спалъ раздѣтый.

— Берегите себя, убѣждали его.

Истоминъ улыбался.

— Я и такъ незаконно живу на свѣтѣ, говорилъ онъ.—Мнѣ слѣдовало погибнуть еще въ первое бомбардированіе, а теперь я, все равно, живу не въ зачетъ.

Не долго пришлось ему однакожъ ждать очереди. 7-го марта онъ возвращался съ Камчатскаго люнета на Малаховъ курганъ и шелъ по обыкновенію не во рву, а по самой насыпи. При немъ было двое его сослуживцевъ.

— Сойдите въ ровъ, генералъ, настаивалъ одинъ изъ нихъ:— вы здѣсь на виду; въ васъ цѣлятъ.

— Все равно, отъ ядра не уйдешь, отвѣчалъ Истоминъ; но не успѣлъ онъ окончить этихъ словъ, какъ налетѣвшее ядро оторвало ему голову.

Теперь изъ любимыхъ черноморскихъ героевъ оставался въ живыхъ одинъ только Нахимовъ.

Похоронили Истомина во Владимірскомъ соборѣ, рядомъ съ Корниловымъ и Лазаревымъ. Нахимовъ несъ гробъ товарища до могилы, и крупныя слезы текли по его щекамъ. Заглянувъ въ склепъ, гдѣ уже покоился Корниловъ и дорогой ихъ общій учитель Лазаревъ, Павелъ Степановичъ тихо проговорилъ:

— Есть мѣсто еще для одного: лягу хоть въ ногахъ у своихъ товарищей.

Остался Малаховъ курганъ безъ Истомина, какъ дѣтище безъ отца родного. Но защитниковъ у него было еще много.

Непріятель началъ быстро подступать къ нашимъ новымъ укрѣпленіямъ и очутился уже въ 40 саженяхъ отъ нашихъ ложементовъ. Надо было, во что бы то ни стало, удалить эти подступы. Съ этою цѣлью была рѣшена усиленная вылазка въ ночь съ 10-го на 11-е марта, а главное начальство поручено генералу Степану Александровичу Хрулеву.

Солдаты боготворили Хрулева и готовы были итти за нимъ въ огонь и воду. Чуть замѣтитъ онъ, бывало, въ бою, что они пріуныли, крикнетъ имъ:—«Не выдавайте, благодѣтели!»—такое у него любимое слово было,—и бросится первый въ огонь, а всѣ за нимъ. Солдаты были убѣждены, что онъ неуязвимъ, что его хранитъ небесная сила.

Дѣйствительно, непріятельскіе снаряды точно не смѣли коснуться его: иной разъ сыплются вокругъ него бомбы, какъ градъ, а онъ сидитъ въ мохнатой папахѣ на своей сѣрой лошадкѣ да только посмѣивается:

— Не всякая, говоритъ,—бомба убиваетъ!

Наступила ночь 10-го марта. Къ 9-ти часамъ войска, назначенныя къ вылазкѣ, собрались въ опредѣленный пунктъ. Среди нихъ не мало было и охотниковъ, добровольно идущихъ на вылазку.

Ночь была хотя и лунная, но бурная; черныя облака носились по небу и то заволакивали луну, то снова ее открывали. Разсыпанная цѣпь стрѣлковъ тихо шла впереди, прикрывая баталіоны. Они шли, прислушиваясь къ стуку непріятельскихъ кирокъ и лопатъ. Вдругъ раздался залпъ. Неожиданно, словно изъ тучи, вырвалась масса французовъ и кинулась на нашихъ стрѣлковъ. Страшная рѣзня произошла въ темнотѣ ночи. Подступныя работы непріятеля были разрушены; но къ французамъ спѣшили подкрѣпленія, и русскимъ велѣно было отступать. Французы ободрились и бросились за нашими.

Генералъ С. А. Хрулевъ.

Вдругъ въ рядахъ отступавшихъ русскихъ раздалось пѣніе тропаря: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое...» Луна выглянула изъ-за тучъ, и солдаты увидѣли въ своихъ рядахъ іеромонаха Анику, въ епитрахили и съ крестомъ въ рукахъ.

— Ура-а-а!—раздалось среди вновь наступившаго мрака, и отступленіе перешло въ жесточайшее нападеніе.

Іеромонахъ Іоанникій Савиновъ, или Аника, какъ его звали матросы, любимецъ севастопольцевъ, узнавъ о вылазкѣ, пошелъ вслѣдъ за войсками, чтобъ быть при умиравшихъ и напутствовать

ихъ въ жизнь вѣчную. Его старались удержать; доказывали, что его мѣсто на перевязочномъ пунктѣ.

— Мое мѣсто тамъ, отвѣчалъ онъ,—гдѣ утѣшаютъ въ страданіяхъ, гдѣ приготовляютъ къ смерти.

И онъ шелъ впередъ подъ градомъ пуль и ядеръ.

Рѣзня шла ужасная. Хрулевъ увидѣлъ, что пора ее прекратить и возвратиться обратно; онъ послалъ своихъ ординарцевъ съ приказаніемъ отступать, но ихъ никто не слушалъ.

— Не таковскій генералъ, чтобъ отступить приказалъ, отвѣчали солдаты и шли впередъ, безцѣльно погибая въ непріятельскихъ траншеяхъ.

Вдругъ среди этого хаоса раздается громкій голосъ:

— Дайте подкрѣпленіе, да не останутся раненые среди непріятелей!

Это кричалъ іеромонахъ Аника.

Хрулеву пришла въ голову мысль.

— Батюшка, сказалъ онъ, подходя къ монаху,—подкрѣпленій я вамъ дать не могу, а вы окажете мнѣ важную услугу, если отдадите отъ моего имени приказаніе оставшимся въ траншеяхъ отретироваться немедленно, подобравъ по возможности раненыхъ.

Іеромонахъ передалъ солдатамъ приказаніе Хрулева. Тѣ немедленно его послушались и отступили.

30 офицеровъ и 1,000 солдатъ выбыли изъ строя въ теченіе этой вылазки. Непріятель потерялъ вдвое болѣе.

На другой день назначено было перемиріе. Съ обѣихъ сторонъ вывѣсили бѣлые парламентерскіе флаги и, по взаимному соглашенію, производили уборку тѣлъ. Народъ высыпалъ на поле, усѣянное ими. Русскіе и французы спѣшили другъ къ другу съ самыми миролюбивыми намѣреніями—поговорить и попотчивать другъ друга табакомъ и водкой. Всюду видны были кучки солдатъ, кое-какъ объяснявшихся съ французами и пожимавшихъ имъ руки.

— Мусье франсе, дай огня трубку закурить, скажетъ матросъ и набиваетъ махоркой свою коротенькую глиняную носогрѣйку.

И французъ набиваетъ свою трубочку, и они мѣняются ими.

— Табакъ бонъ [1]), скажетъ матросъ, потягивая изъ французской трубки:—слабоватъ только.

А французъ, затянувшись махоркой, закашляется и плюетъ. Всѣ смѣются.

— Что? Небось, крѣпокъ русскій табакъ!.. То-то.

Съ англичанами наши солдатики мало сходились, но съ французами во время перемирій у нихъ устанавливались самыя задушевныя отношенія; взаимнаго озлобленія не было ни малѣйшаго. Дружно убирали они сообща массу тѣлъ, лежавшихъ кучами на полѣ битвы, хоронили мертвыхъ, а подававшихъ еще признаки жизни относили на ближайшій перевязочный пунктъ.

Тамъ шелъ, что называется, дымъ коромысломъ. Лѣкаря и фельдшера бѣгали и суетились подъ руководствомъ какого-то человѣка съ умнымъ, выразительнымъ лицомъ, съ высокимъ лбомъ, покрытымъ крупными каплями пота отъ усиленной работы, съ засученными по локоть рукавами. Каждаго новаго раненаго онъ окидывалъ быстрыми, проницательными глазами.

— На столъ!—кричалъ онъ объ одномъ, на койку!—о другомъ. Въ Инженерный!—говорилъ о третьемъ, къ Гущину!—шепталъ о четвертомъ.

Это былъ Николай Ивановичъ Пироговъ, знаменитый русскій хирургъ, мыслитель и общественный дѣятель, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей. Однимъ изъ первыхъ отправился онъ подъ Севастополь и въ теченіе всей осады совершалъ великое дѣло христіанскаго человѣколюбія.

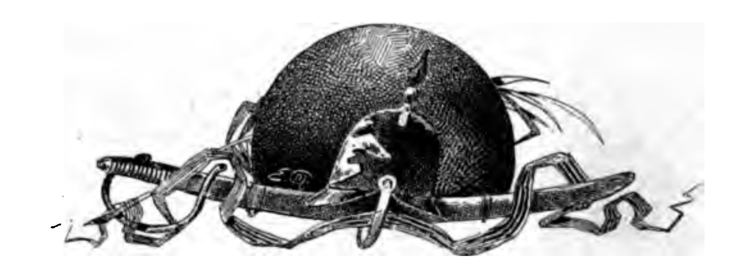
Раненые, которыхъ по его приказанію клали на столъ, были такіе, которымъ надо было сдѣлать ампутацію; быстро отнималась

---

[1]) Хорошъ.

рука или нога и летѣла въ окровавленный уголъ, заваленный человѣческими членами. На койкахъ совершались перевязки. Въ Инженерный несли такихъ, которымъ не требовалось немедленной помощи, а въ домъ Гущина—тѣхъ, на жизнь которыхъ уже не надѣялись.

Вѣрными помощницами Пирогова, его правою рукой, являлись сестры милосердія, о которыхъ мы разскажемъ далѣе подробнѣе. Теперь же, познакомившись съ тѣмъ, что творилось на полѣ битвы въ памятную зиму 1854—55 гг., посмотримъ на домашнее житье-бытье защитниковъ Севастополя.

XII.

Зима 1854—55 гг. — На бастіонѣ и у непріятеля.

> Да, были люди въ наше время,
> Могучее, лихое племя...
>
> *Лермонтовъ.*

Домашнимъ угломъ защитника Севастополя являлся бастіонъ. Солдатики такъ привыкли къ своимъ бастіонамъ, что въ городъ почти и не ходили. Но незавидную картину представляла эта жизнь на бастіонѣ. Нужно было имѣть необыкновенную выносливость, чтобъ оставаться спокойнымъ и бодрымъ, ютясь въ землянкахъ, подвергаясь всевозможнымъ лишеніямъ и слыша надъ своею головой безпрерывный свистъ бомбъ и ядеръ.

Наиболѣе безопасными мѣстами на бастіонѣ считались блиндажи и брустверы. Блиндажемъ называлась вырытая подъ однимъ изъ траверсовъ [1]) яма, почти въ сажень глубиною, шаговъ

[1]) Траверсы—поперечные короткіе валы, присыпанные перпендикулярно къ главному валу-брустверу. Траверсы дѣлятъ внутреннюю площадь укрѣпленія какъ бы на стойла и предохраняютъ защитниковъ отъ боковыхъ выстрѣловъ.

семь въ длину и нѣсколько менѣе въ ширину. Блиндажъ раздѣлялся на двѣ половины земляною же стѣною и имѣлъ два отверстія для выхода на площадку бастіона. Сверхъ этой ямы дѣлался накатъ изъ толстыхъ бревенъ, съ толстымъ слоемъ земли наверху. Въ одной половинѣ помѣщались офицеры, въ другой—солдаты, преимущественно матросы. Офицерскій блиндажъ устраивался по возможности уютно; лавки покрывались коврами. У солдатъ блиндажъ былъ загроможденъ нарами; пространство между поломъ и потолкомъ оставалось въ аршинъ и, самое большее, аршина въ полтора. Въ каждомъ блиндажѣ былъ образъ, а иногда два или три, съ кисейнымъ или шелковымъ покрываломъ. Множество свѣчей теплилось у каждаго образа, особенно по вечерамъ.

На каждомъ бастіонѣ былъ свой особый «мертвецкій уголъ». Покойники лежали на землѣ, въ одну шеренгу, «обряженные» товарищами; каждому была вставлена въ руку восковая свѣча. По утрамъ пріѣжали на бастіоны такъ называемыя «покойницкія фурки», отвозившія трупы на Графскую пристань; тамъ они сдавались на баркасъ и перевозились на Сѣверную сторону для погребенія въ «братскихъ могилахъ». Унтеръ-офицеръ, переправлявшій тѣла, назывался «Харономъ». [1])

Братскія могилы, куда складывались тѣла павшихъ за вѣру и отечество борцовъ, копались огромныя. Въ нихъ складывалось человѣкъ по 50 и болѣе. Покойники погребались въ одномъ бѣльѣ, безъ сапогъ. Ихъ клали головами къ краямъ могилы, а ногами другъ къ другу. Положивъ десять человѣкъ, ихъ засыпали сперва известью, а потомъ небольшимъ слоемъ земли. На этотъ слой клался второй рядъ, снова засыпался известью и землею, затѣмъ третій, четвертый и пятый, поверхъ котораго насыпался большой холмъ. Въ гробахъ хоронили только офицеровъ; гроба эти были въ большинствѣ

[1]) Перевозчикъ душъ черезъ рѣку Стиксъ въ царство Плутона-бога преисподней (Греческая миѳологія).

случаевъ розовые, съ серебряными крестами. Масса могильныхъ холмовъ возвышалась на огромномъ полѣ Сѣверной сторонѣ Севастополя; три громадныхъ кладбища возникли тамъ, расширялись съ кажнымъ днемъ и, наконецъ, слились вмѣстѣ.

Хоронили по родамъ войскъ. Въ одномъ отдѣленіи ютились артиллеристы, въ другомъ моряки, въ третьемъ саперы и инженеры, а самое большое отдѣленіе занимала пѣхота.

Стрѣлки въ траншеѣ.

Могилы моряковъ выдѣлялись изъ средье остальныхъ особымъ за ними уходомъ. На вершинѣ холмовъ виднѣлись дубовые кресты, а холмы были выложены осколками непріятельскихъ ядеръ и бомбъ. Видимо, родная рука ходила за этими могилами. Немудрено: моряки были черноморцы и жители Севастополя; здѣсь были ихъ матери, жены и дѣти. На этихъ холмахъ постоянно сидѣли кучки осиротѣвшихъ, а на остальныхъ могильныхъ холмахъ рѣдко присутствовала живая душа человѣческая. Здѣсь были схоронены люди, пришедшіе изделека на защиту дорогого отечества. И тамъ, куда уже успѣла

донестись вѣсточка о геройской ихъ смерти,—тамъ раздавались стоны и рыданія; тутъ-же о нихъ плакали только повозки, отвозившія ихъ на кладбище. Дѣйствительно, какимъ-то особеннымъ заунывнымъ стономъ отличались татарскія арбы, на которыхъ привозились тѣла на мѣсто послѣдняго успокоенія.

Но возвратимся къ бастіонамъ и къ житью на нихъ защитниковъ Севастополя.

И такъ въ «мертвецкихъ углахъ» бастіона лежатъ навѣкъ успокоившіеся бойцы; въ блиндажахъ смѣнившіеся съ дежурства солдаты спятъ, играютъ въ картишки, чинятъ свою амуницію, а у орудій стоятъ дежурные и попаливаютъ изрѣдка. Другіе дежурные, такъ называемые «сигнальщики», слѣдя за непріятелемъ, кричатъ:

— Берегись — бомба!... Берегись — мортира... Бомба направо!.. Бомба налѣво!

Но, попривыкнувъ къ этимъ крикамъ, никто почти уже не обращаетъ на нихъ вниманія.

— Если о каждой бомбѣ думать, такъ этакъ и лба не перекрестишь: все будетъ казаться, что руку оторветъ!—говорятъ солдаты, не отрываясь отъ своихъ занятій.

Вотъ принесли на бастіонъ ушатъ съ кашицей. Наступила пара обѣдать. Гдѣ тутъ думать о бомбахъ?—думать некогда. Матросики обступили ушатъ.

Вдругъ кричатъ:

— Берегись—наша! (значитъ упадетъ на бастіонъ).

— Ладно, простынетъ каша!—ухмыляется какой-то матросикъ.

Но трехпудовая бомба пожаловала таки на бастіонъ и упала прямо рядомъ съ ушатомъ. Тутъ ужъ было не до смѣха. Но матросы не растерялись: одинъ изъ нихъ схватилъ бомбу руками и бросилъ ее въ ушатъ съ кашей. Бомбу, конечно, не разорвало. Ее бережно вынули и перекинули черезъ брустверъ.

— Ну, русской каши, значитъ, попробовала. Ступай вонъ, гостья непрошенная, сказалъ кто-[illegible] — [illegible]тѣ.

Да, какъ это ни странно, но, несмотря на всю трудность положенія, на страданія и ежеминутныя смерти, на бастіонахъ жилось бойко, даже весело. На каждомъ бастіонѣ непремѣнно находился какой-нибудь любимецъ: гдѣ собака, гдѣ баранъ, гдѣ орелъ съ подстриженными крыльями.

Работы въ траншеяхъ.

На каждомъ бастіонѣ въ теченіе дня непремѣнно побываетъ Тотлебенъ и Нахимовъ, обойдетъ ихъ начальникъ гарнизона Остенъ-Сакенъ. Каждый изъ нихъ подбодритъ ласковымъ словомъ, потреплетъ по плечу. Тотлебенъ съ Нахимовымъ непремѣнно пошутятъ.

Бастіоны съ вида были очень неприглядны. Тамъ было брошено нѣсколько туровъ [1]), насыпанныхъ землею; въ другомъ мѣстѣ

[1]) Плетеныя круглыя корзинки.

громоздились стѣны изъ бочекъ, деревянныхъ брусьевъ, мѣшковъ съ землею, съ обшивкою изъ туровъ, фашинника [1]) и т. д. Все строилось по мѣрѣ настоятельной потребности, не для щегольства или симметріи.

Укрѣпленія эти чинились и приводились въ порядокъ обыкновенно по ночамъ. Вообще ночь проходила для солдатъ труднѣе дня, потому что ночью шли также и земляныя работы. Наступаютъ сумерки, а съ ними вмѣстѣ начинается и движеніе войскъ на смѣну въ траншеи; идутъ секреты [2]); готовятся назначаемые на вылазку. Ночью надо или новую батарею возвести, или починить обвалившійся брустверъ; ночью же подвозились свѣжія пушки, лафеты, снаряды, лѣсъ на блиндажи.

Несмотря на это, севастопольцы умѣли подчасъ и развлекаться.

— А что, братцы, давайте дражнить его (т.-е. непріятеля)! заявляетъ матросъ-канониръ.

— Чѣмъ?—спрашиваютъ другіе.

— А запустимъ ему надъ траншеей змѣя.

— А и впрямь.

— Къ тому же по вѣтру.

— Запускай!—кричатъ хоромъ.

И вотъ огромный разукрашенный змѣй, съ гремучимъ гребнемъ и длиннымъ хвостомъ, быстро поднимается кверху и на длинной бичевѣ несется по направленію къ траншеямъ. Всѣ, забывши опасность, начинаютъ высовываться черезъ брустверъ, заглядывать въ амбразуры, даже выбѣгать за стѣнки бастіона.

Змѣй поднимается все выше; гребень его гремитъ все громче.

— Сейчасъ по немъ пальба пойдетъ, говорятъ зрители.

Дѣйствительно, французы начинаютъ «охоту за змѣемъ». Одна пуля пробиваетъ змѣя; онъ колышется въ воздухѣ, но снова вы-

---

[1]) Фашина—связка изъ прутьевъ, длиною около сажени (похожи на снопъ).

[2]) Нѣсколько человѣкъ, высылаемыхъ впередъ, въ засады, для наблюденія за непріятелемъ, а при удобномъ случаѣ—для неожиданнаго на нег ія.

прямляется и продолжаетъ гремѣть и какъ бы дразнить стрѣлковъ-французовъ. Выстрѣлы усиливаются; змѣй прострѣленъ во многихъ мѣстахъ.

— Лихо выдерживаетъ!—замѣчаютъ зрители.

— Ну, будетъ, братцы, пошутили!

Змѣя тянутъ домой и чинятъ.

Однажды пріѣзжаетъ на бастіонъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ и застаетъ моряковъ нахмуренными.

Англійская батарея подъ Севастополемъ.

— Что, братцы, невеселы?—спрашиваетъ.

Какой-то унтеръ, пѣхотинецъ, подступилъ.

— Горе у нихъ, ваше превосходительство, докладываетъ.

— Горе, какое горе?—заботливо освѣдомляется адміралъ.

— Французъ змѣя ихъ взялъ въ полонъ.

— А!.. Нехорошо-съ, нехорошо-съ! Какъ же это вы допустили-съ?—обращается Нахимовъ къ матросамъ.

— Бичеву, Павелъ Степановичъ, перешибло пулей...

— Жаль-съ, жаль-съ... Ну, вотъ на вылазку пойдемъ, можетъ выручимъ!

— Выручимъ. Павелъ Степановичъ какъ есть выручимъ.

А не то начинаютъ производить пробу мѣткости французскихъ выстрѣловъ.

— Хотите, братцы, посмотримъ, какъ французъ мѣтко стрѣляетъ, предлагаетъ какой-то шутникъ, желая перещеголять пускавшаго змѣя.

— А ну-ка!—поощрительно спрашиваетъ нѣсколько голосовъ.

— Давай лопату, что побѣлѣе.

Подаютъ лопату... Шутникъ грязью мажетъ на лопатѣ носъ, глаза и усы, надѣваетъ поверхъ шапку и на нѣсколько мгновеній высовываетъ лопату изъ-за бруствера. Въ одинъ мигъ нѣсколько пуль впиваются въ лопату и раздробляютъ ее въ щепы.

— Молодцы!—хвалятъ въ одинъ голосъ и матросы, и пѣхота, и артиллерія.

— А ну-ка еще!—говоритъ кто-нибудь.

— Да ну его, онъ тебѣ всѣ лопаты переломаетъ.

Замѣчательно, что русскіе шутили почти исключительно съ французами и очень рѣдко съ англичанами.

Подъ брустверомъ съ теченіемъ времени понадѣлали скамеекъ. Это былъ своего рода офицерскій клубъ. Тутъ собиралось начальство бастіона и окружающихъ его батарей, велись оживленные разговоры, сообщались другъ другу новости, прочитывались вслухъ письма, полученныя съ послѣднею почтой. И никогда не бывало того, чтобъ на слѣдующій день собрались тутъ всѣ, болтавшіе наканунѣ. Смерть летала да летала, вырывая очередныхъ.

Такъ жилось на бастіонахъ Севастополя.

Одинаково трудную и опасную жизнь вели и наши непріятели. Тѣ же труды, тѣ же тревоги, та же смерть и страданія...

Главною квартирой англичанъ, какъ мы уже говорили, была Балаклава, а французовъ—Камышевая бухта. Союзныя войска

ютились тамъ, несмотря на зимнее время, въ наскоро сколоченныхъ баракахъ и просто въ палаткахъ; теплой одежды въ началѣ зимы у нихъ почти не было; дороги сдѣлались непроходимыми, и подвозъ провіанта былъ крайне затруднителенъ. Отъ всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условій развились тяжкія болѣзни: изнурительныя лихорадки и наконецъ холера.

Хуже всѣхъ было положеніе турокъ. У нихъ не было ни теплой одежды, ни крова, ни продовольствія; отъ этого убыль

Англійскій лагерь.

въ ихъ рядахъ доходила до 300 человѣкъ въ сутки. Французы приходили имъ на помощь, но англичане относились къ нимъ съ полнымъ презрѣніемъ, употребляя ихъ, за недостаткомъ вьючныхъ животныхъ, для переноски тяжестей изъ Балаклавы къ своему лагерю.

Сноснѣе всѣхъ остальныхъ союзниковъ сумѣли устроиться французы. Какъ только наступила ненастная пора и пути сообщенія сдѣлались плохи, французы тотчасъ же приступили къ устройству дорогъ отъ Камышевой бухты къ лагерямъ; принялись

они также устраивать бараки, сначала для больныхъ, а затѣмъ и для всей своей арміи; бараки эти были окончены въ декабрѣ, и одновременно съ этимъ былъ полученъ огромный транспортъ теплой одежды. На берегахъ Камышевой бухты возникъ такимъ образомъ настоящій французскій городокъ Камьешъ, какъ его называли французы, съ магазинами, гостинницами, даже съ устроеннымъ на скорую руку театромъ.

На вбитые колья натянутъ былъ холстъ, который для прочности обмазывали известкой; возвышеніе для сцены насыпалось изъ земли; изъ земли же устраивались безчисленныя скамейки зрительнаго зала, шедшія уступами. Передъ сценою помѣщался оркестръ. Потолкомъ служилъ сводъ небесный; люстру замѣняла луна. Сцена однакожъ освѣщалась: на рампѣ горѣлъ рядъ свѣчей съ рефлекторами изъ жестяныхъ коробокъ отъ консервовъ и сардинокъ. Для декораціи употреблялись три краски: красная, бѣлая и желтая, которою во французской арміи красятъ штиблеты. Парики устраивались изъ бараньихъ шкуръ.

Особеннымъ успѣхомъ пользовалась пьеска «Смѣшныя англичанки». Ее разыгрывали французскіе зуавы, выходившіе на сцену въ уморительныхъ костюмахъ, съ муфтами, сдѣланными изъ пороховыхъ мѣшковъ, и въ шляпахъ изъ холста, кушаковъ и тюрбановъ.

Спектакли устраивались обыкновенно съ благотворительною цѣлью—въ пользу больныхъ, раненыхъ и плѣнныхъ того или другого полка. Въ день спектакля у театра выставлялась афиша, которую держалъ человѣкъ, сдѣланный изъ глины и выбѣленный известкою. При буфетѣ у маркитанта стояла кружка, куда зрители и опускали свои лепты, отъ двухъ су [1]) до луидора [2]). Сборы доходили иногда до 700 франковъ.

---

[1]) Грошъ.

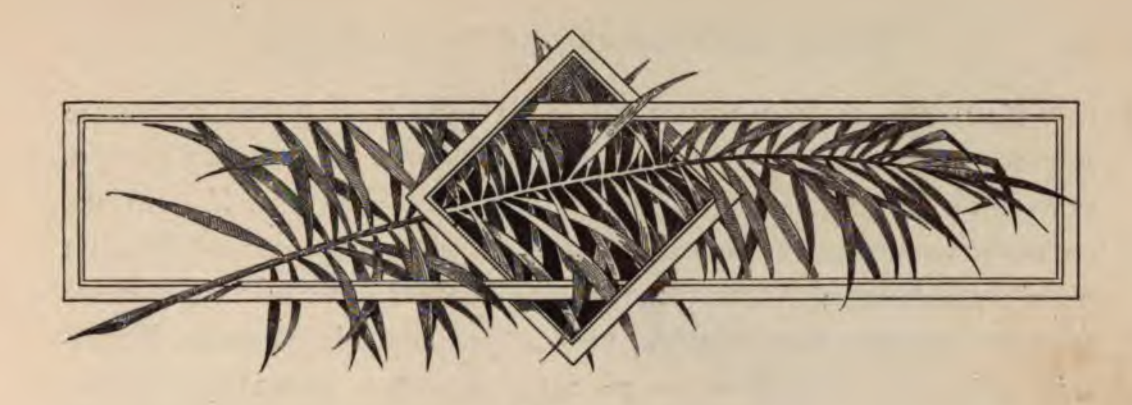
[2]) Червонецъ.

И въ то время, какъ театръ, переполненный зрителями, хохоталъ и апплодировалъ, пушки на бастіонахъ вторили этому хохоту и веселью.

Въ такихъ развлеченіяхъ союзники старались забыть хоть на минуту грустную дѣйствительность, потерявъ отъ начала экспедиціи до января 1855 года до сорока пяти тысячъ убитыхъ и умершихъ и до тридцати тысячъ выбывшихъ изъ строя вслѣдствіе ранъ и болѣзней.

Планъ
Севастопольской бухты.
(Кампанія 1855-56 гг.)
Бат. Карташевская
Бат. Константиновская
Бат. Михайловская
Бат. Екатерининская
Севастопольская бухта или рейдъ.
Бат. Александровск.
Бат. Николаевская
Бат. Павловская
Св. Бат.
Севастополь
Бат. №1
Баст. №2
Малаховъ курганъ
Бастіонъ №3
Баст. №5
Баст. №4
Куликово поле
Инкерманская долина
Инкерманъ
Карантинная бухта

XIII.

Русское общество въ Крымскую кампанію.

Я спою, какъ, покинувъ и домъ и семью,
Шелъ въ дружину помѣщикъ богатый,
Какъ мужикъ, обнимая бабенку свою,
Выходилъ ополченцемъ изъ хаты.

———

Я спою, какъ росла богатырская рать,
Шли бойцы изъ желѣза и стали,
И какъ знали они, что идутъ умирать,
И какъ свято они умирали!

Апухтинъ.

Тоскливо былъ встрѣченъ въ Севастополѣ новый 1855 годъ. Ночь стояла темная; рѣзкій вѣтеръ заносилъ прохожихъ хлопьями снѣга, море бушевало.

Въ серединѣ января получено было извѣстіе, что Севастополю готовится новая бѣда: войска союзниковъ, находившіяся въ Евпаторіи, намеривались отрѣзать севастопольскую армію отъ остальной Россіи. Меншиковъ рѣшился взять штурмомъ Евпаторію, но опять таки проигралъ сраженіе.

Сраженіе это происходило 5-го февраля, а 18 по Россіи разнеслась потрясающая вѣсть о смерти Государя Николая Павловича.

«Въ тяжкую годину, Государь, принялъ Ты царство Твое!»—сказалъ Императору Александру II одинъ изъ пастырей церкви, привѣтствуя его по его восшествіи на престолъ.

Какъ вѣрны были эти слова! Дѣйствительно, царство, принятое молодымъ монархомъ [1]), страдало отъ всѣхъ ужасовъ войны. Противъ него ополчились Англія, Франція, Турція и Сардинія. У него же союзниковъ не было: Германія была въ то время раздроблена на мелкія княжества; Австрія же почти открыто встала на сторону нашихъ враговъ, потребовавъ, чтобъ русская армія очистила дунайскія княжества, и выставивъ въ тылу русскихъ громадную армію.

Вся Россія чувствовала себя какъ бы подъ грозною тучей. Во всѣхъ домахъ щипали корпію, всюду собирались пожертвованія въ пользу раненыхъ; ежедневно служились послѣ обѣдни молебны съ колѣнопреклоненіемъ; изъ десяти семей три непремѣнно ходили въ траурѣ.

Въ церквахъ читался манифестъ молодого царя, повторившаго слова императора Александра I, произнесенныя въ годину такого же народнаго бѣдствія, въ памятный 1812 годъ: «Съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ, станемъ передъ рядами враговъ на защиту драгоцѣннѣйшаго въ мірѣ блага—безопасности и чести отечества».

И русскій народъ всѣмъ сердцемъ откликнулся на призывъ своего царя. Какъ во времена Минина и Пожарскаго, понесъ онъ свое достояніе, «не пожалѣлъ ни жизни своей, ни чадъ своихъ». Начались подписки и пожертвованія. Газеты и журналы того времени наполнены безконечными списками жертвователей. Богатые жертвовали десятки тысячъ рублей, бѣдняки несли трудовыя копѣйки.

Войска, отправлявшіяся со всѣхъ концовъ Россіи на защиту Севастополя, провожались съ молебствіями, водосвятіемъ, хлѣбомъ-солью. Студенты Московскаго университета изъявили желаніе, по выдержаніи экзаменовъ, стать въ ряды войскъ, почему выпускные экзамены назначены были вмѣсто мая въ февралѣ.

---

[1]) Императору Александру II въ 1855 г. было 36 лѣтъ. Онъ родился 17 апрѣля 1818 года.

Не только коренныя русскія губерніи, но и иновѣрческія окраины откликнулись на призывъ царя. Такъ курляндское дворянство единогласно постановило снарядить своихъ совершеннолѣтнихъ сыновей на службу отечеству. Жители города Або, въ Финляндіи, заявили при прощаніи уходящимъ отъ нихъ войскамъ: «О женахъ и дѣтяхъ вашихъ не заботьтесь: мы беремъ ихъ на свое попеченіе!»

Во всей широкой землѣ русской снаряжались дружины и ополченія, въ ряды которыхъ становились и родовитые помѣщики, и простые крестьяне.

Въ Музеѣ обороны Севастополя можно видѣть изображеніе дряхлаго ратника, бывшаго ополченцемъ въ 1812 г. и ставшаго снова въ ряды войска почти полвѣка спустя.

Тамъ же увидите вы и саженную фигуру легендарнаго героя, матроса Кошки. Настоящаго его имени никто не помнитъ; прозвище-же Кошки онъ получилъ среди товарищей за разныя не совсѣмъ похвальныя продѣлки въ началѣ своей службы: то одно, то другое у товарищей, бывало, стащитъ—и все въ кабакъ; кутила былъ страшный. Угодилъ онъ и въ арестантскія роты, но былъ выпущенъ оттуда во время осады. Тутъ-то и нашла себѣ надлежащее примѣненіе его молодецкая удаль, и вышелъ изъ него настоящій герой.

На ночныя вылазки онъ вызывался всегда первымъ. На вылазки эти вызывались солдаты только по доброй волѣ, и нерѣдко случалось такъ, что пойдетъ такихъ охотниковъ человѣкъ десять, окружатъ ихъ со всѣхъ сторонъ непріятели, и не вернется изъ нихъ ни одинъ.

Во время этихъ ночныхъ вылазокъ Кошка придумывалъ разныя удалыя выходки. Разъ подползъ онъ къ англійскимъ укрѣпленіямъ и спрятался за большой камень, передъ которымъ была вырыта огромная яма. Онъ заглянулъ украдкой и видитъ: сидятъ четыре англичанина и варятъ говядину. Вдругъ Кошка крикнулъ

изо всей силы: «Ура, ребята!» Англичане перепугались, выскочили изъ ямы и бросились бѣжать къ своимъ. А Кошка спустился въ яму и забралъ три ружья, бутылку рома, два мѣшка съ лепешками. Стояли тутъ еще два котелка съ мясомъ; захватить ихъ было нельзя, такъ онъ перевернулъ ихъ вверхъ дномъ и вернулся къ товарищамъ.

Въ другой разъ пошли наши на ночную вылазку и потеряли одного солдата, тѣла котораго не отыскали въ темнотѣ. На другой день вздумалось Кошкѣ заглянуть опять въ непріятельскую траншею. Подползъ онъ потихоньку на животѣ и увидалъ убитаго наканунѣ товарища. Снялъ Кошка съ себя поясъ, привязалъ одинъ конецъ къ ногамъ мертвеца, другой къ своей ногѣ и поползъ, таща трупъ за собой. Англичане увидали Кошку и принялись по немъ стрѣлять, а онъ все ползетъ да ползетъ и началъ ужъ выбиваться изъ силъ. По счастію, это было недалеко отъ нашихъ укрѣпленій. Тутъ онъ крикнулъ: «Помогите, братцы!». Подоспѣли къ нему четыре матроса и взяли трупъ.

Иногда командиръ, услышавъ, что Кошка задумалъ выкинуть какую-нибудь штуку, черезчуръ ужъ удалую, приказывалъ его запереть, чтобъ онъ не попался въ бѣду, но Кошка обманывалъ караульнаго и убѣгалъ. Онъ обзавелся мѣшкомъ съ двумя дырами для глазъ. Надѣнетъ его, подползетъ въ немъ къ непріятелямъ и ляжетъ между камнями или кустами. Задремлетъ ли непріятельскій часовой, Кошка выхватитъ у него ружье и давай Богъ ноги; пройдетъ ли солдатъ, Кошка на него бросится, обезоружитъ, возьметъ въ плѣнъ и приведетъ къ намъ. Со своими плѣнными онъ обращался всегда хорошо: угощалъ ихъ водкой и всѣмъ, чѣмъ Богъ пошлетъ. Онъ участвовалъ въ восемнадцати вылазкахъ, былъ два раза раненъ и получилъ георгіевскій крестъ.

Въ томъ же Музеѣ обороны Севастополя увидите вы и портреты дѣтей-героевъ, братьевъ Тулузаковыхъ, послѣдовавшихъ за своею матерью, сдѣлавшеюся на время Крымской кампаніи сестрою

милосердія. Они розыскивали вмѣстѣ съ нею раненыхъ на полѣ сраженія, работали на перевязочныхъ пунктахъ, дѣлили всѣ невзгоды тяжкаго осаднаго житья-бытья, голодъ и холодъ, подъ непрестаннымъ свистомъ бомбъ надъ головою. Грудь мальчиковъ-героевъ украшена севастопольскою медалью на георгіевской лентѣ.

И не одни эти дѣти находились въ рядахъ храбрыхъ защитниковъ Севастополя; были и другіе юные герои.

Такъ въ самомъ началѣ осады Севастополя на 4-й бастіонъ явился сынъ матроса Кузьма Горбаньевъ и сталъ проситься служить при пушкахъ.

— Куда тебѣ на бастіонъ?—сказалъ командиръ, глядя на четырнадцатилѣтняго мальчика.—Ты другимъ только мѣшать будешь.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе, отвѣчалъ тотъ,—мы съ малолѣтства около пушекъ-то... Ну, и привыкли.

— А если тебя убьютъ или изувѣчатъ? Развѣ ты не боишься?

— Богъ милостивъ, ваше благородіе! Можетъ, и не убьютъ... А коли и убьютъ, на то воля Божія.

И Кузьма Горбаньевъ былъ принятъ на бастіонъ. Онъ оказался ловкимъ малымъ; былъ раненъ и послѣ перевязки вмѣсто лазарета пошелъ опять на бастіонъ помогать морякамъ.

Другой храбрецъ, двѣнадцатилѣтній сынъ матроса, Максимъ Рыбалченко, собиралъ съ ребятишками непріятальскія ядра въ оврагахъ и на полѣ, и приносилъ ихъ на бастіонъ. И онъ былъ принятъ на бастіонѣ, и усердно исполнялъ свои обязанности при пушкахъ.

Оба были награждены медалями на георгіевской лентѣ.

На пятомъ бастіонѣ отличился десятилѣтній сынъ артиллериста Николай Пащенко. Онъ прислуживалъ отцу, который былъ комендоромъ, т.-е. наводилъ пушки. Прилетѣло ядро и убило отца. Тогда Николай сталъ на его мѣсто и наводилъ мѣтко пушки и мортиры. За подвиги свои онъ былъ награжденъ георгіевскимъ крестомъ.

XIV.

Русскія женщины въ Крымскую кампанію.

Какъ красавицы наши сидѣлками шли
Къ безотрадному ихъ изголовью.

Апухтинъ.

Принимали участіе въ защитѣ Севастополя и женщины. Въ январѣ мѣсяцѣ 1855 года прибыло въ Севастополь 67 сестеръ милосердія Крестовоздвиженской общины, основанной по мысли великой княгини Елены Павловны. Онѣ поступили въ распоряженіе Николая Ивановича Пирогова, который раздѣлилъ ихъ на сестеръ-хозяекъ, сестеръ-аптекаршъ и сестеръ-фельдшерицъ.

Первымъ было поручено все хозяйство въ госпиталяхъ: приготовленіе кушаній, раздача чая, вина, кофе; вторымъ—аптеки, устроенныя при госпиталяхъ; третьи помогали врачамъ при перевязкахъ и операціяхъ и дежурили въ госпиталяхъ.

Съ полнымъ самоотверженіемъ, не щадя ни силъ своихъ, ни даже жизни, дѣлали онѣ перевязки нерѣдко на самомъ полѣ сраже-

нія, подъ градомъ пуль и бомбъ, и ухаживали за ранеными, превозмогая невольное отвращеніе при видѣ самыхъ ужасныхъ ранъ и страданій. А каковы были эти раны и тѣ условія, при которыхъ приходилось тогда работать сестрамъ милосердія, объ этомъ мы, живущіе полвѣка спустя, едва ли въ состояніи составить себѣ ясное представленіе. Въ отчетѣ Пирогова о дѣятельности его и сестеръ милосердія мы находимъ слѣдующія строки:

«Въ лѣтописяхъ науки раны такого рода, съ какими мы въ продолженіе этого времени постоянно имѣли дѣло, едва ли не безпримѣрны. Тысячи 65-фунтовыхъ пушечныхъ ядеръ и 200-фунтовыхъ бомбъ являли свою разрушительную силу надъ человѣческимъ тѣломъ. Надлежало дѣйствовать безъ малѣйшаго промедленія, чтобъ сохранить жизнь, которую уносило быстрое истеченіе крови».

Между тѣмъ чувствовался полнѣйшій недостатокъ во всемъ: и въ перевязочныхъ средствахъ, и въ необходимой для больныхъ и раненыхъ пищѣ, и въ сносномъ помѣщеніи. Русское общество дѣлало огромныя пожертвованія, но многія изъ этихъ пожертвованій не доходили до назначенія. Какъ ни грустно, какъ ни больно, а надо сказать, что въ то время, какъ лучшіе русскіе люди не щадили для родины ни имущества своего, ни жизни, находились и такіе, которые старались нажиться на народномъ бѣдствіи. Съ одной стороны шли пожертвованія, а съ другой—чуть что не открытый грабежъ, или по крайней мѣрѣ безстыдные поборы. Вотъ напримѣръ что говоритъ главнокомандующій князь Меншиковъ въ одномъ изъ своихъ писемъ:

«Три транспорта сухарей оказались попорченными и сгнившими до того, что даже при недобросовѣстной сортировкѣ ихъ нельзя употребить въ дѣло. Плутъ N. N. заставилъ принять этотъ транспортъ, задержавъ съ намѣреніемъ остальные».

Движимое патріотизмомъ дворянство Черниговской губерніи шлетъ войску спиртъ, а комисіонеры не принимаютъ жертву безъ того, чтобы имъ не заплатили за эту пріемку. Тогда уполномочен-

ный дворянства, честный и упорный малороссъ, выведенный изъ себя этою наглостью, говоритъ пріемщикамъ:

— Взятки я вамъ не дамъ, а возьму ломъ, проломлю въ бочкахъ дно, спиртъ выпущу и уѣду!

Пріемщики, видя, что съ малороссомъ ничего пе подѣлаешь, приняли жертву безъ взятки.

Не доставало не только перевязочныхъ средствъ и продовольствія, не доставало и рукъ для ухода за ранеными. Вотъ что пишетъ князь Меншиковъ вскорѣ послѣ Инкерманскаго сраженія:

«Въ госпитали поступило до 6 тысячъ. Всѣ мѣста, куда только можно было помѣстить раненыхъ, переполнены. Число больныхъ и раненыхъ увеличивается каждый день отъ одной до трехъ сотенъ. Ради Бога, пришлите къ намъ хирурговъ и фельдшеровъ. У насъ только по одному на четыреста человѣкъ. Многіе остаются безъ перевязки за неимѣніемъ рукъ исполнить это».

При такихъ-то условіяхъ приходилось работать въ Севастопольскую кампанію сестрамъ милосердія. И какъ онѣ работали, какими ангелами являлись онѣ среди этого моря страданій и смерти! Днемъ и ночью безшумно ходили онѣ между кроватями въ госпиталяхъ, ухаживая одинаково и за своими, и за плѣнными. Многія изъ нихъ заразились болѣзнями въ госпиталяхъ, а одна была убита на бастіонѣ. Одна изъ сестеръ Крестовоздвиженской Общины, Екатерина Михайловна Бакунина, издала свои воспоминанія объ осадѣ Севастополя [1]). Ни одно многотомное сочиненіе не въ состояніи дать болѣе яснаго и живого представленія объ этомъ «интересномъ для насъ и ужасномъ для переживавшихъ его времени», чѣмъ эти страницы, каждая изъ которыхъ выстрадана ея авторомъ.

Представительница стариннаго московскаго барскаго рода, Екатерина Михайловна до Крымской кампаніи вела жизнь дѣву-

---

[1]) Вѣстникъ Европы: 1898 г. III. IV.

шекъ своего званія: занималась музыкою, рисованьемъ, выѣзжала въ свѣтъ, танцовала на балахъ и т. д. Но вотъ объявлена война. Какъ громъ среди бѣла дня, разражаются надъ Россіею извѣстія о высадкѣ непріятеля на берега Крыма, о несчастномъ Альминскомъ сраженіи. Національная скорбь охватываетъ всю страну; будничные интересы отступаютъ на задній планъ. Русскія женщины узнаютъ, что француженки и англичанки съ миссъ Найтингэль во главѣ уже отправились сестрами въ крымскіе военные госпитали. «А что-же мы-то? Неужели у насъ ничего не будетъ?»—спрашиваютъ себя лучшія изъ нихъ. Но вотъ изъ Петербурга доносится слухъ, что великая княгиня Елена Павловна основала Крестовоздвиженскую общину и посылаетъ отряды сестеръ на театръ войны. Не долго думая, Екатерина Михайлова рѣшается поступить въ Общину и дѣлаетъ все, отъ нея зависящее, чтобы ее туда приняли.

Родные и знакомые умоляли ее одуматься и остаться; ей передавали письма съ театра войны, въ которыхъ были описаны всѣ ужасы послѣ Альминскаго сраженія и страшное переполненіе госпиталей ранеными и тифозными; находились и такія лица, которыя утверждали, что все это—вздоръ, самообольщеніе, что женщины не принесутъ никакой пользы на войнѣ, а будутъ только тяжелой, никому ненужной обузой. Екатерина Михайловна осталась непоколебимою. Она отправилась въ Петербургъ, гдѣ была милостиво принята и обласкана великою княгинею Еленою Павловною, помѣстившею ее, въ ожиданіи отправленія отряда, въ своемъ дворцѣ.

Не одно только свое имя дала великая княгиня Крестовоздвиженской Общинѣ; всю душу вложила она въ святое дѣло помощи больнымъ и раненымъ воинамъ. Сама руководила она снаряженіемъ въ далекій, трудный путь отрядовъ сестеръ,—Михайловскій дворецъ, загроможденный тюками, представлялъ изъ себя какой-то складочный магазинъ; сама проходила съ сестрами тяжелый подготовительный курсъ, присутствуя при операціяхъ и перевязкахъ. Достойною сподвижницею великой княгини во всѣхъ благихъ начинаніяхъ ея

являлась ея фрейлина баронеса Эдита Өеодоровна Раденъ. По порученію великой княгини, она вела обширнѣйшую переписку съ Н. И. Пироговымъ и сестрами, работавшими на театрѣ войны. Отрывки изъ писемъ сестеръ помѣщались «въ Морскомъ сборникѣ»; такимъ образомъ сама великая княгиня, а благодаря ей, и русское общество постоянно находились въ курсѣ великаго дѣла помощи больнымъ и раненымъ воинамъ.

10-го декабря всѣ сестры отряда Е. М. Бакуниной, уже одѣтыя въ коричневыя платья, бѣлые передники и бѣлые чепчики, пошли къ обѣднѣ въ верхнюю церковь дворца. Великая княгиня была тамъ; были еще другія дамы и родственники отъѣзжавшихъ. Послѣ обѣдни священникъ прочелъ клятвенное обѣщаніе сестеръ передъ аналоемъ, на которомъ лежали евангеліе и крестъ; сестры стали подходить и цѣловать слова Спасителя и крестъ, а потомъ становились на колѣни передъ священникомъ, который надѣвалъ имъ золотой крестъ на голубой лентѣ. На другой день онѣ выѣхали въ Москву; до Севастополя же добрались лишь 16-го января, употребивъ такимъ образомъ около шести недѣль на переѣздъ, который въ наше время совершается менѣе, чѣмъ въ трое сутокъ. И какъ приходилось имъ ѣхать!— на перекладныхъ, на волахъ, на дубахъ (такъ называются на Днѣпрѣ большія лодки съ палубою) въ разгаръ ледохода. Это было не путешествіе, а настоящая экспедиція. За то какъ рады были сестры, очутившись, наконецъ, въ Севастополѣ, съ какимъ рвеніемъ принялись онѣ за дѣло! А дѣла была бездна, и съ каждымъ днемъ его прибывало; ежедневно раненыхъ привозили сотнями; операціи и ампутаціи производились безостановочно.

Особенно живо описываетъ Е. М. Бакунина ночь знаменитой вылазки Хрулева съ 10 на 11 марта въ письмѣ своемъ къ сестрѣ:

«Мы были наготовѣ въ домѣ Морского Собранія. Это прекрасное зданіе, гдѣ прежде веселились, открыло вновь свои богатыя, краснаго дерева, съ бронзою двери для внесенія въ нихъ окровавленныхъ носилокъ. Большая зала изъ бѣлаго мрамора, съ пиля-

страми изъ розоваго мрамора черезъ два этажа, а окна—только вверху; паркетные полы. А теперь въ этой танцовальной залѣ стоитъ до ста кроватей съ сѣрыми одѣялами и зеленые столики; все очень чисто и опрятно. Въ одну сторону большая комната; это—операціонная, прежде бывшая билліардной; за ней еще двѣ комнаты; въ другую сторону еще двѣ комнаты съ прекрасными, съ золотомъ обоями, и въ нихъ тоже койки. На полу въ нѣсколько рядовъ лежатъ тюфяки уже безъ кроватей. Нѣсколько столиковъ съ бумагой, а на одномъ примочки, груды корпіи, бинты, компрессы, нарѣзанныя стеариновыя свѣчи. Въ одномъ углу большой самоваръ, который кипитъ и долженъ кипѣть всю ночь, и два столика съ чашками и чайниками. Въ другомъ углу столъ съ водкой, виномъ, кислымъ питьемъ, стаканами, рюмками. Все это еще въ полумракѣ, въ какой-то странной тишинѣ, какъ передъ грозой; въ залѣ 15, а можетъ быть и болѣе, докторовъ; иные сидятъ въ операціонной комнатѣ, другіе попарно ходятъ по залѣ. Офицеръ и смотритель торопливымъ шагомъ входятъ и выходятъ, распоряжаясь, чтобы было больше фельдшеровъ, больше рабочихъ.

«А когда посмотришь въ дверь или въ рядъ высокихъ оконъ по обѣимъ сторонамъ нашей залы, то ночь такая свѣтлая, тихая, тонкій серпъ луны блеститъ такъ ярко, звѣзды такія ясныя!.. Но вотъ въ десятомъ часу точно молнія блеснула, и раздался трескъ, даже стекла задребезжали въ рамахъ. И блеститъ все чаще и чаще... Нельзя разслышать отдѣльныхъ ударовъ, но все сливается въ одинъ гулъ. Это пальба на 5-мъ и 6-мъ бастіонахъ, тамъ, гдѣ работаютъ новыя батареи. Въ городъ бомбы не долетаютъ.

«Мы сидимъ и слушаемъ все въ томъ же полумракѣ. Такъ проходитъ около часа... Вносятъ носилки, другія, третьи. Свѣчи зажглись. Люди забѣгали, засуетились, и скоро вся эта большая зала наполнилась народомъ, весь полъ покрылся ранены
только можно сѣсть, сидятъ тѣ, которые прита
сами. Что за крикъ, что за шумъ!.. Просто а

«Пальба не слышна за этимъ гамомъ и стонами. Одинъ кричитъ безъ словъ; другой: «ратуйте, братцы, ратуйте!»; одинъ, увидя штофъ водки, съ какимъ-то отчаяніемъ кричитъ: «будь мать родная, дай водки!»

Во всѣхъ углахъ слышны возгласы къ докторамъ, которые осматриваютъ раны: «помилуйте, ваше благородіе, не мучьте»!.. И я сама, насилу пробираясь между носилокъ, кричу: «сюда рабочихъ!» Этого надо положить на койку, этого—отнести въ Николаевскую батарею, этого—въ Гущинъ домъ. Вся операціонная комната наполнена ранеными; но теперь не до операцій: дай Богъ только всѣхъ перевязать. И мы всѣхъ перевязываемъ.

Много приносятъ офицеровъ. Принесли одного; все лицо облито кровью. Я его обмываю, а онъ достаетъ деньги, чтобы дать солдатамъ, которые его несли; это многіе дѣлаютъ.—А съ какимъ терпѣніемъ переносятъ страданія наши солдаты! Сколько разъ я слышала слова: «Господь за насъ страдалъ, и мы должны страдать»!.. Но довольно! Еслибъ я разсказала всѣ ужасы, которые видѣла въ эту ночь, ты бы не спала нѣсколько ночей!,

«Наконецъ разсвѣло. Пальба прекратилась. При домѣ Собранія есть маленькій садикъ. Представь себѣ,—и тамъ лежатъ раненые. Я беру водки и бѣгу туда. Тамъ, при чудномъ солнечномъ восходѣ изъ-за горы надъ бухтой, при веселомъ чириканьѣ птичекъ, подъ бѣлыми акаціями въ полномъ цвѣту, лежитъ человѣкъ до 30-ти тятяжело раненыхъ и умирающихъ. Какая противоположность съ этимъ яснымъ весеннимъ утромъ! Я позвала двухъ севастопольскихъ обывателей, которые всю ночь съ большимъ усердіемъ носили раненыхъ, перенести и этихъ. Говорили, что въ эту сташную ночь выбыло изъ строя 3.000 человѣкъ; у насъ перебывало около 2.000 и было 50 раненыхъ офицеровъ».

Работала Е. М. Бакунина и на перевязочномъ пунктѣ, бывала ...ъ домѣ, на дверяхъ котораго, какъ говорили, должна ...та же надпись, какъ на дверяхъ Дантовскаго ада:

«Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate!» (Оставьте надежду вы, входящіе сюда!). Отправленіе въ Гущинъ домъ больного было равносильно смертному приговору. «Въ Гущиномъ домѣ, куда я ходила,— пишетъ Бакунина—всегда увидишь трехъ или четырехъ умирающихъ. Всякое утро, если погода была теплая, всѣхъ больныхъ на койкахъ выносили на дворъ, а если придешь черезъ полчаса, какъ они внесены, то уже духъ былъ невыносимый, не смотря на цѣлыя ведра ждановской жидкости. Однако и въ этомъ ужасномъ мѣстѣ были такіе, которые выздоравливали. Я сама имѣла удовольствіе отдать одному обратно его деньги, которыя онъ мнѣ поручилъ переслать его женѣ послѣ его смерти.»

«Солдаты насъ любятъ и рады, когда мы къ нимъ приходимъ»,— пишетъ она далѣе и приводитъ затѣмъ цѣлый рядъ примѣровъ необыкновенной стойкости и выносливости нашего русскаго солдата. «Помню одного на перевязочномъ пунктѣ, у котораго вся рука была раздроблена, а когда я хотѣла усадить его поспокойнѣе, онъ мнѣ отвѣчалъ: «я могу и постоять, а есть раненые въ ноги, тѣмъ необходимо сидѣть».

«Помню еще одного; онъ былъ легко раненъ и пришелъ только перевязаться; но, видя его утомленное, измученное лицо, я стала его уговаривать воспользоваться этимъ и остаться у насъ, чтобъ хоть нѣсколько отдохнуть.

— «Нѣтъ, этого нельзя,—отвѣчалъ онъ мнѣ: ужъ насъ, старыхъ солдатъ, мало осталось, а молодые могутъ и оторопѣть.

«И этотъ безвѣстный и скромный герой, твердо исполняя свой долгъ, сейчасъ-же ушелъ на бастіонъ.

Встрѣчались между ранеными и женщины, и дѣти. «Была у насъ,—пишетъ Бакунина, одна старушка, которой еще 10 марта въ ея домѣ осколкомъ бомбы раздробило бедро. Я ее уговорила на ампутацію и, несмотря на худыя условія и на то, что ей было 60 лѣтъ, она выздоровѣла. Но что было ужасно,—это видѣть раненыхъ дѣтей, какъ они, бѣдняжки, мучаютс[illegible]радаютъ. Былъ у

насъ мальчикъ семи лѣтъ съ перебитой ножкой; была даже грудная дѣвочка, мать которой была убита въ то время, какъ она ее кормила. Дочь моей старушки тоже кормила своего ребенка и взяла кормить нашу раненую малютку, но ребенокъ скоро умеръ. Господи, какъ все это было ужасно и тяжело!..»

А вотъ еще одинъ трогательный эпизодъ, приводимый сестрою Бакуниной:

«Какъ-то, очень неожиданно, встрѣчаю я въ нашихъ безконечныхъ корридорахъ священника и съ нимъ черкеса. Священникъ обратился ко мнѣ съ просьбой согласиться быть воспріемницей обращеннаго имъ въ христіанство молодого человѣка, уже заслужившаго георгіевскій крестъ. Воспріемникомъ будетъ генералъ Липранди. Священникъ такъ настоятельно меня упрашивалъ, что мнѣ пришло въ голову, не ошибка-ли это, не отыскиваетъ-ли онъ нашу начальницу? Но онъ сказалъ, что отыскиваетъ именно сестру Бакунину, и я согласилась. Надо было приготовить одежду для крещаемаго, и одинъ фельдшеръ вызвался сходить купить мнѣ голубую ленту и коленкору; но только-что онъ ушелъ, мнѣ стали говорить, что на той улицѣ очень опасно. Боже мой! Съ какимъ нетерпѣніемъ я его ждала, тѣмъ болѣе, что за все время, что онъ ходилъ, пальба не прекращалась. Но слава Богу, онъ, вернулся цѣлъ и невредимъ.

«Въ назначенный для крестинъ день, переѣхавъ черезъ бухту, мы сѣли въ присланную за нами коляску: со мной была одна севастопольская жительница. Лагерь—за пять верстъ; я рада была ѣхать туда и подышать чистымъ воздухомъ, послѣ пяти мѣсяцевъ. Вотъ передъ нами высоты Инкермана; туманъ покрываетъ ихъ и мѣшаетъ видѣть тѣ высоты,—по ту сторону Черной рѣчки,—которыя заняты французами и англичанами, а съ этой стороны, тѣ, которыя ближе, увѣнчаны батареями, а еще ближе, между кустами держи—дерева и дуба балаганы, землянки и кое-гдѣ палатки. Вдали, на Мекензіевой горѣ, бѣлѣются палатки, а ближе, въ сторонѣ, домикъ въ три око-

шка; возлѣ него собрались тѣснѣе палатки и маленькія, и очень большія.

«Выйдя изъ коляски, я увидѣла навѣсъ изъ сучьевъ съ сухими листьями и подъ нимъ, на подпоркахъ тоже изъ сучьевъ—зрительная труба; въ нее безпрестанно смотритъ дежурный офицеръ по направленію къ непріятелямъ, не подходятъ-ли, не имѣютъ-ли намѣренія перебраться на нашу сторону и отрѣзать Севастополь. И я посмотрѣла въ трубу, но за туманомъ ничего не видѣла.

«Въ палаткѣ было приготовлено все для крещенія: покрытый столъ, на немъ образъ, по срединѣ аналой и чанъ, покрытый краснымъ сукномъ; возлѣ поставили черкеса въ бѣлой рубашкѣ съ голубыми лентами; по правую его сторону генералъ съ георгіевскимъ крестомъ на шеѣ, по лѣвую—я. Возлѣ него очень молоденькій юнкеръ, почти дитя, сынъ генерала; въ его честь и новоокрещенный названъ Рафаиломъ.

«Полы съ одной стороны палатки были подняты, и тамъ виднѣлись юнкера, офицеры, солдаты. Священникъ совершилъ благоговѣйно обрядъ крещенія; съ пѣніемъ: «Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся»—сливалось очень отдаленная пальба, не нарушая его стройности. Послѣ крещенія, пропѣвъ молебенъ архангелу Рафаилу, священникъ провозгласилъ многолѣтіе царю, воспріемникамъ и новокрещенному Рафаилу. Поздравили другъ друга, и я пошла съ моимъ кумомъ въ маленькую палатку полковника Днѣпровскаго полка.

«Нѣсколько минутъ разговаривала я съ генераломъ; онъ выразилъ свое удивленіе, что я пошла въ сестры. Я ему отвѣчала, что еслибъ я была мужчиной, то давно имѣла бы честь служить подъ его начальствомъ; но когда сдѣлали воззваніе къ женщинамъ, я не могла не отозваться... Генералъ уѣхалъ, а я съ моимъ крестникомъ, но уже одѣтымъ въ красивый черкесскій мундиръ и съ георгіевскимъ крестомъ, пошла въ палатку къ священни
вчетверомъ. Священникъ, узнавъ, что у

щины состоитъ великая княгиня Елена Павловна, съ чувствомъ пилъ за ея здоровье. Но пора ѣхать. Подали коляску, мой крестникъ посадилъ меня, и пара славныхъ лошадей повезла насъ обратно въ Севастополь, который совсѣмъ исчезалъ въ знойномъ туманѣ.»

Черезъ два мѣсяца сестрѣ Бакуниной пришлось снова свидѣться съ крестникомъ, но при какихъ обстоятельствахъ!.. Это были дни 26—27-го августа, дни штурма Малахова кургана, послѣдніе дни стараго Севастополя. Екатерина Михайловна узнала, что крестникъ ея, смертельно раненый при штурмѣ, лежитъ въ лагерѣ, на Сѣверныхъ высотахъ, и поѣхала туда.

«Какую грустную ночь провела я тамъ!—пишетъ она.—«Этотъ лагерь, и всегда невеселый, сталъ еще грустнѣе. Дождь такъ и льетъ; во всѣхъ палаткахъ огонь, но не видно ни солдатъ, безпечно прохаживающихся, не слышно разговоровъ, а только по ужасной грязи раздаются шаги служителя: онъ идетъ за фельдшеромъ или за священникомъ. Въ палаткахъ слышны стоны и крики страданія. Я отыскала своего крестника въ маленькой солдатской палаткѣ. И онъ тоже очень страдалъ. Его стоны смѣшивались со звуками страннаго, чуждаго языка; косматая бѣлая шапка была надвинута на черные, блестящіе глаза; красивыя черты лица исказились отъ страданья. Онъ метался на кровати, однако узналъ меня. На другой кровати, противъ него, бѣлокурый молодой человѣкъ съ важностью разбиралъ старыя газеты и объявленія и, безъ умолку говоря, разсказывалъ мнѣ, какъ посредствомъ шарманки онъ устроитъ новый телеграфъ и на Волгѣ пароходы, а вѣдь съ Каспійскаго моря—рукой подать до Балтійскаго. И я отвѣчаю ему отъ времени до времени, чтобъ его успокоить: «Хорошо... конечно». Мой крестникъ иногда закричитъ на него, что онъ вздоръ говоритъ. И я съ грустью слѣжу за движеніями умирающаго, и его стоны сливаются съ этими безумными рѣчами контуженнаго юнкера. А дождь такъ и стучитъ въ палатку, вѣтеръ такъ и реветъ, такъ и завываетъ, а иногда

вая сестра милосердія. Господь сохранилъ ее среди тѣхъ безчисленныхъ опасностей, которымъ она себя подвергала. Императрица Александра Ѳеодоровна прислала ей большой золотой крестъ; Государь наградилъ ее медалью, а служивые поднесли ей въ складчину икону Спасителя.

А сколько было и другихъ женщинъ, съ самоотверженіемъ принимавшихъ участіе въ оборонѣ Севастополя! Жены офицеровъ и простыя матроски подъ градомъ ядеръ носили на бастіоны пищу своимъ мужьямъ и тѣмъ одинокимъ солдатикамъ, о которыхъ некому было позаботиться. Тамъ онѣ перевязывали раненыхъ, разрывая при этомъ на бинты свое бѣлье. Къ концу осады у большинства севастопольскихъ жителей не оставалось почти вовсе бѣлья: все было отдано на перевязки. Теплое платье и вообще все то, что могло хоть сколько-нибудь пригодиться раненымъ и облегчить ихъ горькую участь, пошло туда же. Случалось и такъ, что, попавъ на бастіонъ въ минуту горячей перестрѣлки, женщины принимали въ ней непосредственное участіе, подавая мужьямъ снаряды. Многія изъ нихъ были при этомъ ранены и убиты.

XV.

Свѣтлый Праздникъ 1855 года въ Севастополѣ и второе бомбардированіе.

Наступила Страстная недѣля. Многіе ожидали на эти великіе для всѣхъ христіанскихъ народовъ дни перемирія, но ошиблись въ разсчетѣ. Съ нашей стороны были самые слабые отвѣты на градъ бомбъ, посылаемый непріятелемъ. Въ Великій четвергъ, во время чтенія двѣнадцати евангелій, когда всѣ церкви были переполнены молящимися, толпившимися даже на ступенькахъ храмовъ, съ зажженными свѣчами въ рукахъ,—непріятель избиралъ это зарево свѣчей цѣлью для своихъ выстрѣловъ.

Наступила Страстная суббота. Ровно годъ до того, въ 1854 г., въ этотъ самый великій день соединенные флоты, французскій и

Рисунокъ изображаетъ одну изъ улицъ Севастополя во время бомбардированія.

англійскій, неожиданно явились передъ Одессою и начали бомбардировать городъ, но были удачно отбиты прапорщикомъ артиллеріи Щеголевымъ и его командою. Теперь союзники повторили то же самое и въ Севастополѣ. Но и здѣсь, какъ въ Одессѣ, народъ и войско безтрепетно стояли на молитвѣ. Зажженныя десятки тысячъ свѣчей не потухали, и на улицахъ толпилась масса народа. На бастіонахъ все приняло праздничный видъ. Площадки усыпали пескомъ, платформы обчистили, станки у орудій подкрасили; люди пріодѣлись. Съ одной стороны гремѣли выстрѣлы, съ другой—раздавался благовѣстъ всѣхъ севастопольскихъ колоколовъ.

Но вотъ окончились утреня и обѣдня. Изъ города потянулся крестный ходъ. Священники въ полномъ облаченіи явились на бастіоны; раздались радостные возгласы: «Христосъ Воскресе!». Пришли на бастіоны и семьи матросовъ разговѣться и похристосоваться съ родными; нанесли куличей, пасохъ, яицъ. Побывалъ на бастіонахъ и общій любимецъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ. Начальство прислало отъ себя солдатамъ куда по ведру, а куда по полуведру водки. Матросы, къ которымъ являлись ихъ семьи съ разною снѣдью, пригласили тотчасъ же «сиротинокъ-пѣхотинцевъ», пришедшихъ изъ дальнихъ мѣстъ, раздѣлить съ ними розговенье.

Однако за эту ночь отъ непріятельской стрѣльбы многія городскія зданія значительно пострадали. Между прочимъ была совершенно разрушена Корабельная слободка, лежавшая на склонѣ Малахова кургана.

Первый день Пасхи прошелъ тихо, хотя все-таки не обошлось у насъ безъ убитыхъ и раненыхъ. Съ нашей же стороны не было сдѣлано ни одного выстрѣла. Къ вечеру погода измѣнилась. Подулъ холодный вѣтеръ; началъ накрапывать дождь. Изъ Севастополя замѣтили въ непріятельскомъ флотѣ какое-то необыкновенное движеніе:—пользуясь нашимъ молчаніемъ, близъ бухты то и дѣло пробѣгали пароходы. Съ трехъ часовъ ночи начался страшный ливень, а въ 5 часовъ утра земля вздрогнула отъ потрясающаго залпа,

которымъ началось второе бомбардированіе Севастополя, продолжавшееся 7 дней, съ 28-го марта по 4-е апрѣля,—словомъ, всю Святую недѣлю.

Въ первый моментъ трудно было что-нибудь разглядѣть. Дождь лилъ, какъ изъ ведра; клубы дыма не разсѣявались во влажномъ воздухѣ, и всѣ окрестности были покрыты непроницаемою тьмою, въ которой зловѣще мелькали огни по всѣмъ направленіямъ. Ревъ орудій не смолкалъ въ теченіе дня ни на одно мгновеніе и время отъ времени усиливался оглушительнымъ трескомъ взрывающихся пороховыхъ погребовъ.

Все въ городѣ пришло въ движеніе. По улицамъ проходили отряды солдатъ, скакала артиллерія, двигались повозки и фуры; везли воду, снаряды; несли носилки съ ранеными; скакали адъютанты и ординарцы, бѣжали офицеры, отыскивающіе свои части. По словамъ одного очевидца, этой суеты описать невозможно: «Трескъ лопающихся бомбъ, грохотъ выстрѣловъ, крики людей—все сливалось въ одинъ неопредѣленный гулъ. Суматоха передъ глазами, дымъ и огонь въ отдаленіи, огни бомбъ на небѣ, невыносимый звонъ въ ушахъ, тягостное ожиданіе въ сердцѣ...»

И этотъ адъ продолжался ровно 7 дней, начиная съ ранняго утра и затихая только, но не переставая, къ поздней ночи.

Приготовленія ко второму бомбардированію описывались въ самыхъ яркихъ краскахъ всѣми англійскими, французскими и турецкими газетами. По ихъ словамъ, въ городѣ не останется камня на камнѣ, и взятіе Севастополя несомнѣнно. И что же?—Дѣйствительно, второе бомбардированіе разрушило почти половину всѣхъ городскихъ зданій, но оно не сокрушило ни духа защитниковъ Севастополя, ни его укрѣпленій. Цѣною страшныхъ потерь въ рядахъ своей арміи союзники лишь нѣсколько приблизились къ цѣли, но до взятія города было еще далеко.

XVI.

Третье и четвертое бомбардированія.— Первый штурмъ.

За вторымъ бомбардированіемъ въ маѣ мѣсяцѣ послѣдовало третье, направленное главнымъ образомъ на три редута, выдвинутыхъ впереди Малахова кургана: Селенгинскій, Волынскій и Камчатскій. Когда редуты эти были полуразрушены бомбами, на нихъ бросились французы и послѣ долгой и кровопролитной схватки отняли ихъ у насъ. Не выдержали таки «три отрока въ пещи огненной», какъ называли Севастопольцы эти редуты, находившіеся все время своего существованія въ постоянномъ боевомъ огнѣ. Попавъ въ руки французовъ, «три отрока» начали дѣйствовать противъ насъ и обстрѣливать Малаховъ курганъ, очутившійся болѣе,

чѣмъ когда-либо, въ отчаянномъ положеніи. Такимъ образомъ всѣ наши передовыя укрѣпленія перешли къ непріятелю, который вооружалъ ихъ орудіями гигантскаго калибра и обращалъ противъ насъ.

5-го іюня открыто было четвертое бомбардированіе, а 6-го непріятель пошелъ въ первый разъ на штурмъ.

На самомъ разсвѣтѣ подпоручикомъ Хрущовымъ, находившимся въ «секретѣ», дано было знать, что французы строятся въ колонны. Бомбардированіе не прекращалось, но шло залпами. Вдругъ загорѣлся фальшфейеръ, и густыя колонны французовъ двинулись на бастіоны—первый и второй. Ихъ встрѣтили градомъ картечи. Французы попятились, но, оправившись, снова двинулись впередъ.

Канонада умолкла, когда въ центрѣ непріятельскихъ батарей взвилась ракета и разсыпалась разноцвѣтными огнями. Этотъ фейерверкъ означалъ общую атаку.

Наши орудія были мгновенно заряжены картечью, и все замерло въ ожиданіи.

Атакующіе приближались густою, пестрою, волнующеюся толпой. Впереди бѣжали офицеры съ обнаженными саблями. Но вотъ грянулъ залпъ съ севастопольскихъ укрѣпленій и понесъ въ эту живую массу тысячи ранъ и смертей. Масса дрогнула, остановилась на мгновеніе, но вдругъ, точно собравъ всѣ силы, быстро пробѣжала пространство, отдѣлявшее ее отъ укрѣпленій, прыгая и перескакивая черезъ трупы. Закипѣлъ ужасный рукопашный бой.

Французы атаковали 1 и 2 бастіоны и Малаховъ курганъ, англичане—3-й бастіонъ. Штурмъ былъ отбитъ.

Оказалось, что за эти нѣсколько часовъ легло болѣе 16 тысячъ человѣкъ!—У насъ выбыло изъ строя шесть тысячъ, у непріятеля болѣе десяти.

Во время этого перваго штурма Малахова кургана 6-го іюня 1855 г., когда наши войска, уступая численности противника, принуждены были отступить, и непріятель проникъ уже внутрь одной изъ батарей, генералъ Хрулевъ, прибывшій въ эту минуту

къ кургану, схватилъ 5-ю роту Сѣвскаго полка,—всего 138 человѣкъ, и со словами: «Благодѣтели мои, въ штыки, за мною, дивизія идетъ на помощь!»—двинулъ безъ выстрѣла въ штыки. Загорѣлся жестокій рукопашный бой; французы защищались съ отчаянною храбростью, но съ громадными потерями принуждены были отступить, и участь боя была рѣшена. Изъ храброй роты Сѣвскаго полка осталось налицо лишь 33 человѣка!

XVII.

Смерть Нахимова.

> Слуга царю, отецъ солдатамъ...
> Да, жаль его: сраженъ булатомъ.
> Онъ спитъ въ землѣ сырой.
>
> *Лермонтовъ.*

Послѣ штурма непріятель затихъ. У насъ все вошло въ прежнія рамки. Пошла опять служба на бастіонахъ; но эта служба по мѣрѣ приближенія непріятельскихъ траншей къ нашей оборонительной линіи становилась все труднѣе и труднѣе. Однако привычка дѣлала свое, и, несмотря на усиливающіеся труды и опасности, люди свыкались съ жизнью на бастіонахъ.

Придутъ новички.

— Вы здѣсь не ходите, говоритъ старикъ-матросъ.

— Отчего же не ходить?—спрашиваютъ тѣ:—ты же вотъ сидишь.

— Такъ я здѣшній, отвѣчаетъ матросъ, какъ будто здѣшняго непріятельская пуля тронуть не можетъ.

Павелъ Степановичъ Нахимовъ былъ тоже здѣшній; десять мѣсяцевъ прожилъ онъ подъ адскимъ огнемъ, но пришла и его очередь.

Любя своихъ подчиненныхъ, онъ всегда удерживалъ ихъ отъ излишней храбрости, а самъ былъ храбръ до излишества. Во всемъ

Севастополѣ только онъ одинъ не снималъ чернаго адмиральскаго мундира съ густыми эполетами; въ этомъ костюмѣ онъ рѣзко выдѣлялся изъ массы сѣрыхъ солдатскихъ шинелей, которыя носили и высшіе военные чины, и являлся такимъ образомъ постоянною цѣлью для непріятельскихъ выстрѣловъ. Онъ такъ пренебрегалъ опасностью, что трудно было рѣшить: нарочно онъ ее ищетъ или просто не замѣчаетъ.

Какъ-то разъ, осматривая работы на батареяхъ, Нахимовъ обратился къ одному молодому офицеру, недавно прибывшему въ Севастополь и не знавшему его лично, съ просьбою провести его кратчайшимъ путемъ на такой-то редутъ. Офицеръ повернулъ за линію батарей, не желая итти по наружной стѣнкѣ, которая прикрывала только по грудь.

— Куда вы меня ведете?—спросилъ Нахимовъ, остановясь.

— Ваше высокопревосходительство, по той стѣнкѣ придется итти совершенно открыто. За батареями безопаснѣе.

— Васъ извиняетъ, молодой человѣкъ, только то, что вы не знаете, кого вы ведете. Я—Нахимовъ и по трущобамъ не хожу-съ. Извольте итти по стѣнкѣ.

Пошли... Французскія пули провожали ихъ до самаго редута. Нахимовъ прошелъ невредимо, а боцманъ, шедшій позади него, былъ убитъ.

Дойдя до редута, Нахимовъ обратился къ офицеру:

— Ваша фамилія?

— Бульмерингъ.

— Теперь мы съ вами знакомы и больше ссорится не будемъ-съ, и Нахимовъ дружески подалъ ему руку.

28-го іюня, вечеромъ, наканунѣ своихъ именинъ, Павелъ Степановичъ объѣзжалъ бастіоны. Встрѣтясь съ вице-адмираломъ Панфиловымъ, онъ сказалъ:

— Сегодня не жарко-съ.

— Однако порядочно, отвѣчалъ Панфиловъ и прибавилъ:— завтра къ Вамъ на пирогъ, адмиралъ. Съ наступающимъ ангеломъ!

— Какіе-съ пироги въ Севастополѣ?! Въ Севастополѣ блины-съ, пошутилъ Нахимовъ, и поѣхалъ на Малаховъ курганъ.

Тамъ въ походной церкви, устроенной въ башнѣ кургана, шла всенощная наканунѣ дня св. апостоловъ Петра и Павла. Павелъ Степановичъ очень долго застоялся на одномъ мѣстѣ, высунувшись за брустверъ. Одинъ изъ сотоварищей его по Синопскому бою, Кернъ, завѣдывавшій Малаховымъ курганомъ, видя угрожавшую адмиралу опасность, подошелъ къ нему.

— Павелъ Степановичъ, въ башнѣ идетъ всенощная, не угодно-ли будетъ прослушать ее?

— Я васъ не держу-съ, отвѣчалъ Нахимовъ и сталъ опять къ зрительной трубѣ.

— Адмиралъ, въ васъ цѣлятъ, сказалъ ему лейтенантъ Колтовской.

— Ну, такъ что же-съ?—спросилъ, не отнимая глазъ отъ трубы, Нахимовъ.

Пуля ударила въ мѣшокъ около него.

— Какъ они хорошо стрѣляютъ!—сказалъ онъ и выпрямился. Но едва голова его очутилась выше бруствера, какъ пуля ударила его въ високъ надъ правымъ глазомъ и вышла позади виска, около затылка, надъ правымъ ухомъ. Онъ опрокинулся навзничъ; всѣ охнули.

Послали за докторами, въ томъ числѣ и за докторомъ Гюббенетомъ, находившимся въ эти минуты у Тотлебена, тяжко раненаго 8-го іюня. Офицеръ, явившійся туда впопыхахъ, поспѣшно объявилъ, что Нахимовъ получилъ смертельную рану на Малаховомъ курганѣ. Тотлебенъ заплакалъ. Гюббенетъ перепугался: Тотлебенъ былъ глубоко привязанъ къ Нахимову, и это извѣстіе могло оказаться для него гибельнымъ.

«И голова, и сердце могутъ сразу оставить несокрушимое тѣло Севастополя», мелькало въ головѣ доктора, когда онъ спѣшилъ на Сѣверную сторону, куда уже былъ перевезенъ Нахимовъ.

Павелъ Степановичъ лежалъ и смотрѣлъ на всѣхъ пристально, но ничего не говорилъ. Языка онъ лишился съ перваго же момента, но сознанія не лишался, такъ какъ самъ прикладывалъ и прижималъ на рану холодный компрессъ. Рука дѣйствовала только лѣвая. Доктора признали его рану безусловно смертельною, но матросы все еще надѣялись и горячо молились за выздоровленіе своего «отца родного». Они утѣшали себя тѣмъ, что адмиралъ «еще дышетъ». Но когда 30 іюня онъ испустилъ послѣдній вздохъ, и ужасная вѣсть эта разошлась по всему Севастополю, дрогнули самыя твердыя сердца. «Умеръ Нахимовъ... умеръ...»—передавали другъ другу съ глубокою тоскою защитники Севастополя.

Скромный домикъ, гдѣ жилъ Павелъ Степановичъ, осаждался толпами народа: всѣ шли проститься съ любимымъ начальникомъ, у всѣхъ глаза застилались слезами... Покойный лежалъ на катафалкѣ, покрытый флагомъ, развѣвавшимся на кораблѣ «Императрица Марія» въ знаменитый день Синопскаго сраженія, героемъ котораго былъ онъ, сомкнувшій теперь навѣки очи. Подъ флагомъ этимъ лежалъ рыцарь по характеру и младенецъ по нѣжному, любящему сердцу, Этотъ суровый съ вида герой былъ способенъ на самую утонченную, трогательную внимательность; зная напримѣръ, что Тотлебенъ—любитель цвѣтовъ, онъ посылалъ ему ежедневно букеты, когда тотъ, раненый, лежалъ въ постели. Если у офицеровъ въ госпиталѣ находилось лакомство—его, навѣрно, прислалъ Нахимовъ; если у матроса на столѣ была булка,—она была прислана Павломъ Степановичемъ. Жилъ онъ болѣе, чѣмъ скромно, и всѣ свои достатки отдавалъ «матросикамъ».

Вотъ какъ описываетъ Е. М. Бакунина похороны Нахимова въ письмѣ къ сестрѣ:

«Уже готовились къ выносу въ церковь для отпѣванія. Это было въ пятницу послѣ обѣда. На улицѣ стояли войска и пушки, множество офицеровъ, морскихъ и армейскихъ. Во второй комнатѣ стоялъ гробъ, обитый золотой парчей, кругомъ много подушекъ съ

орденами, въ головахъ сгруппированы три адмиральскихъ флага, а самъ онъ былъ покрытъ тѣмъ прострѣленнымъ и изорваннымъ флагомъ, который развивался на его кораблѣ въ день Синопской битвы. Священникъ въ полномъ облаченіи читалъ Евангеліе. По загорѣлымъ щекамъ моряковъ, которые стояли на часахъ, текли слезы. Съ тѣхъ поръ я не видала ни одного моряка, который не сказалъ бы, что радостно легъ бы за него. Одинъ только сказалъ мнѣ: «жаль его, ну да все равно,—я самъ тамъ скоро буду!» Онъ говорилъ это, лежа на операціонномъ столѣ.

«Въ церковь мы не ходили, а пошли на бульваръ. Это близъ того мѣста, гдѣ библіотека; очень высокое мѣсто и внизу церковь, вблизи Графской пристани. Мы простояли нѣкоторое время: все еще ходили въ церковь прощаться. Наконецъ, заунывный трезвонъ и все болѣе и болѣе слышное пѣніе возвѣстили намъ, что вышли изъ церкви. Процессія повернула на гору и прошла мимо насъ. Его несли въ недостроенную церковь равноапостольнаго князя Владиміра, гдѣ уже были схоронены адмиралы: Лазаревъ, Корниловъ и Истоминъ.

«Никогда не буду я въ силахъ передать тебѣ это глубоко грустное впечатлѣніе. Представь себѣ, что мы были на возвышенности, съ которой виденъ весь Севастополь, бухта съ нашими грустно разснащенными кораблями, море съ грознымъ и многочисленнымъ флотомъ нашихъ враговъ, горы, покрытыя нашими бастіонами, на которыхъ Нахимовъ бывалъ безпрестанно, ободряя еще болѣе примѣромъ, чѣмъ словами. Дальше, горы съ непріятельскими батареями, съ которыхъ такъ безпощадно громятъ Севастополь, и съ которыхъ теперь могли бы прямо стрѣлять въ процессію. Но они были такъ любезны, что во все время не было ни одного выстрѣла.

«Представь же себѣ этотъ огромный видъ, а надъ всѣмъ этимъ мрачныя, тяжелыя тучи. Заунывная музыка, перезвонъ колоколовъ, печально торжественное пѣніе; очень много священниковъ, генераловъ, офицеровъ, на всѣхъ лицахъ грустное выраженіе...

«Такъ хоронили моряки своего синопскаго героя, такъ хоронилъ Севастополь своего неустрашимаго защитника!»

«Во время печальной процессіи»,—подтверждаетъ другой очевидецъ, «отъ собора до вновь строющейся церкви св. Владиміра непріятель не сдѣлалъ ни одного выстрѣла. Казалось, самыя пушки смотрѣли съ благоговѣніемъ на скорбь нашу, на послѣдній долгъ нашъ великому адмиралу! Въ лагерѣ союзниковъ знали о нашей утратѣ по спущеннымъ флагамъ и реямъ нашего флота; конечно, и враги наши хотѣли почтить память героя...»

Нахимовъ былъ въ полномъ смыслѣ слова добрымъ геніемъ защитниковъ Севастополя. Умиравшіе нерѣдко вспоминали о немъ въ послѣднія минуты своей жизни. Такъ разсказываютъ, что во время штурма 6-го іюня одинъ изъ рядовыхъ пѣхотнаго графа Дибича Забалканскаго полка лежалъ на землѣ, близъ Малахова кургана.

— Ваше благородіе! А ваше благородіе!—кричитъ онъ съ усиліемъ скакавшему мимо офицеру.

Офицеръ не останавливается.

— Постойте, ваше благородіе!—кричитъ раненый.—Я не помощи хочу просить... важное дѣло...

Офицеръ возвратился къ раненому.

— Скажите, ваше благородіе, адмиралъ Нахимовъ не убитъ?

— Нѣтъ.

— Ну, слава Богу, теперь умру спокойно...

Солдатъ съ трудомъ перекрестился, вздохнулъ и, облегченный, закрылъ навѣки глаза.

Понятно послѣ того, что смерть Нахимова была народнымъ горемъ, что у защитниковъ Севастополя невольно мелькнула мысль: «Нахимову конецъ—всему конецъ!»

Нахимовъ былъ похороненъ рядомъ съ Лазаревымъ, Корниловымъ и Истоминымъ.

Во время первой бомбардировки 5-го октября 1854 г. онъ былъ раненъ; затѣмъ контуженъ осколкомъ бомбы 26-го мая, а 28-го іюня убитъ ружейною пулей.

Смерть Нахимова тяжко поразила всю Россію. О чувствѣ, переживаемомъ по поводу этой потери современниками, можно судить по статьѣ М. Погодина, появившейся тогда въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»:

«Нахимовъ получилъ тяжелую рану!». «Нахимовъ скончался!» «Боже мой какое несчастіе»! — пишетъ онъ. «Эти роковыя слова не сходили съ устъ у московскихъ жителей въ продолженіе трехъ послѣднихъ дней. Вездѣ только и былъ разговоръ, что о Нахимовѣ. Глубокая, сердечная горесть слышалась въ безпрерывныхъ сѣтованіяхъ. Старые и молодые, военные и невоенные, мужчины и женщины показывали одинаковое участіе.

«Да, въ короткое время Нахимовъ пріобрѣлъ себѣ общее расположеніе и сдѣлался народнымъ любимцемъ.

«Какъ же это случилось? Чему обязанъ онъ былъ такимъ рѣдкимъ у насъ счастьемъ, такою завидною извѣстностью?—Синопской побѣдѣ сначала, а потомъ пяти-шести словамъ, сказаннымъ имъ въ разныхъ случаяхъ и разнесшимся съ быстротою молніи по всей Россіи:

«Михаилъ Петровичъ Лазаревъ—вотъ кто сдѣлалъ все-съ!» — «Разбить турокъ,—что за важность, а еслибъ другихъ-то-съ!»—«Берегите Тотлебена: его замѣнить некѣмъ, а я что-съ!»

«Вотъ эти слова, въ которыхъ сказывалась вся душа, которыми обрисовывался весь человѣкъ. Вотъ эти слова, которыхъ придумать и сочинить—не придумаешь и не сочинишь, возбудили общее сочувствіе къ Нахимову, въ оправданіе прекрасной русской пословицы: «сердце сердцу вѣсть подастъ». Не видавъ въ глаза Нахимова, настоящіе русскіе люди вообразили и оцѣнили его скоро и вѣрно по какому-то безотчетному чутью и поняли, увидали, отгадали, что это человѣкъ простой и добрый, посвятившій себя службѣ, предан-

ный своему дѣлу безъ личныхъ разсчетовъ, работающій безъ хвастовства, способный на всякія жертвы, готовый всегда пролить кровь за честь своего флага, за свой любимый Севастополь...

«Съ Нахимовымъ, воспитанникомъ и преемникомъ Лазарева, мы были спокойнѣе и за самый Севастополь, — при всей благодарной довѣренности къ его сподвижникамъ; мы были увѣрены, что онъ скорѣе погребется подъ его дымящимися развалинами со всѣмъ вѣрнымъ своимъ гарнизономъ, чѣмъ уступитъ врагамъ. И вдругъ услышать послѣ радостнаго, блистательнаго отраженія [1], что онъ палъ случайно, при обыкновенномъ дневномъ осмотрѣ, какъ будто даромъ, о, это горько, это тяжело!

«Память тебѣ вѣчная, достойный русскій человѣкъ, память тебѣ вѣчная, вмѣстѣ со всѣми павшими, падающими, и, увы, еще упадущими на завѣтныхъ высотахъ Севастополя!»

«Подъ Севастополемъ во время оно равноапостольный князь Владиміръ принялъ святое крещеніе водою. Подъ Севастополемъ крестилась вся Россія огнемъ и кровью. Севастополь возвысилъ народный духъ и проявилъ его сокровенныя силы. Севастополь приросъ къ сердцу всякаго русскаго человѣка, и не оторвать его нашимъ врагамъ, хотя бы они явились въ новыхъ тысячахъ и тьмахъ и взяли его десять разъ! Безпримѣрная оборона Севастополя останется вѣчнымъ украшеніемъ русскихъ лѣтописей, имена его защитниковъ, этихъ хранителей отечества, будутъ поминаться нынѣ, присно и во вѣки вѣковъ съ именами воителей Куликова поля, Полтавы, Бородина, и между ними всегда будетъ провозглашаться громко имя добраго, простого и храбраго Нахимова».

Прошло 43 года со времени незабвенныхъ, ужасныхъ и славныхъ дней Севастопольской осады, и память героя удостоилась рѣдкаго по своей торжественности чествованія.

---

[1] Штурмъ 6-го іюня.

18-го ноября 1898 г., въ памятный день 45-лѣтней годовщины Синопской побѣды, въ Высочайшемъ присутствіи Государя Императора Николая II, при чудной погодѣ и громадномъ стеченіи войскъ и народа, среди котораго находились родственники Павла Степановича и севастопольскіе ветераны, собравшіеся со всѣхъ концовъ Россіи, въ Севастополѣ открытъ памятникъ Нахимову.

Памятникъ находится на Екатерининской площади, противъ Графской пристани, впереди Морскаго собранія. Нахимовъ въ адмиральскомъ мундирѣ, при шпагѣ стоитъ съ зрительной трубой въ правой рукѣ; лѣвая заложена назадъ. Статуя поставлена на бѣлую гранитную усѣченную пирамиду, утвержденную на темносѣромъ гранитномъ пьедесталѣ. На передней сторонѣ пирамиды надпись: «Адмиралу Павлу Степановичу Нахимову». Подъ нею спущенное турецкое знамя надъ горельефомъ, изображающимъ Синопскій бой; на сверткѣ, сбоку, слова знаменитаго приказа Нахимова:

«Увѣдомляю г.г. командировъ, что, въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ, превосходящимъ насъ въ силахъ, я атакую его, будучи совершенно увѣренъ, что каждый изъ насъ сдѣлаетъ свое дѣло. Адмиралъ Нахимовъ. 2-го ноября 1853 года».

На пирамидѣ надписи:

«18-го ноября 1853 года русская эскадра, подъ начальствомъ вице-адмирала Нахимова, истребила подъ Синопомъ турецкій флотъ Османа-паши».

Затѣмъ стихи гр. Ростопчиной:

«Двѣнадцать разъ луна мѣнялась,
«Луна всходила въ небесахъ,
«А все осада продолжалась,
«И поле битвы расширялось
«Въ облитыхъ кровію стѣнахъ.

На задней сторонѣ—громадный металлическій лавровый вѣнокъ съ лентой. На уступахъ—якоря и ядра.

Какъ живой, стоитъ на своемъ высокомъ пьедесталѣ Павелъ Степановичъ, вперивъ вдаль вдумчивыя очи. Но не пепелъ, не развалины, не груды окровавленныхъ тѣлъ представляются его взорамъ: бѣлокаменный красавецъ-городъ краше прежняго отражается въ лазоревыхъ волнахъ южнаго моря, а на морѣ этомъ гордо и грозно раскачивается возрожденный Черноморскій флотъ, свято помнящій и хранящій завѣты своего «отца родного».

XVIII.

Битва при Черной рѣчкѣ.—Ѳедюхины высоты.

Въ то время, когда мы потеряли Павла Степановича Нахимова, у англичанъ умеръ отъ холеры главнокомандующій, лордъ Рагланъ. Тѣмъ не менѣе, осада продолжалась своимъ чередомъ и подступы непріятеля подходили все ближе и ближе.

Главнокомандующій, кн. Горчаковъ, смѣнившій князя Меншикова, пріѣхавъ однажды въ концѣ іюля на Малаховъ курганъ, увидѣлъ саженяхъ въ 50 отъ него небольшіе окопы.

— Что это такое?—спросилъ онъ.

— Французскіе подступы, отвѣчали ему.

— Такъ ужъ близко?.. сказалъ онъ и уѣхалъ, задумавшись.

Къ другимъ бастіонамъ подступы подходили еще ближе. Съ нашей стороны вылазка слѣдовала за вылазкою, но остановить подступы было невозможно.

Жизнь на бастіонахъ, несмотря на привычку, обращалась въ каторгу; въ самомъ городѣ почти уже не оставалось безопасныхъ мѣстъ, такъ какъ непріятельскіе снаряды долетали до самыхъ отдаленныхъ окраинъ. Большинство зданій стояло въ полуразрушенномъ видѣ, и жители скрывались по большей части въ подвалахъ или въ землянкахъ на Сѣверной сторонѣ. Пожары, производимые снарядами, продолжались круглыя сутки. Въ недалекомъ будущемъ

Заглавный рисунокъ изображаетъ Ѳедюхины высоты.

Севастополю грозило полное разрушеніе, тѣмъ болѣе, что на пути къ нему было 400 грандіозныхъ мортиръ, посланныхъ изъ Англіи. Ряды защитниковъ рѣдѣли, укрываться было негдѣ; казалось, все обречено было на гибель.

Въ виду такого безвыходнаго положенія, 28-го іюля князь Горчаковъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено еще разъ атаковать непріятеля. Предложеніе двухъ-трехъ лицъ оставить Севастополь было отвергнуто большинствомъ.

Главныя силы союзниковъ расположены были вдоль Черной рѣчки. Надъ рѣчкою этою поднимаются такъ называемыя Ѳедюхины высоты, охранявшіяся сильными непріятельскими батареями и 60 эскадронами кавалеріи. На сосѣдней съ Ѳедюхиными высотами Сапунъ-горѣ находилось 48 орудій, а на Гастфортовой горѣ — 72 орудія и 20.000 турокъ и сардинцевъ.

4-го августа съ замираніемъ сердца ждали въ Севастополѣ исхода сраженія на Черной рѣчкѣ. Тщетно ожидалъ севастопольскій гарнизонъ условныхъ сигналовъ, послѣ которыхъ и онъ долженъ былъ произвести общую вылазку. Миновалъ полдень, все еще надѣялись на побѣду, но вотъ проходитъ часъ, два, три, четыре... Сраженіе кончилось. Наши отступили.

Мы потеряли 11 генераловъ, 249 офицеровъ и 9.000 солдатъ. По количеству жертвъ сраженіе на Ѳедюхиныхъ высотахъ при Черной рѣчкѣ является однимъ изъ несчастнѣйшихъ во всей русской исторіи.

Что же произошло на Черной?—То же, что и при Инкерманѣ: отсутствіе строго опредѣленнаго плана военныхъ дѣйствій, разныя недоразумѣнія со стороны начальствующихъ лицъ и рядъ поразительныхъ подвиговъ со стороны нижнихъ чиновъ. Вотъ одинъ изъ нихъ:

Главнокомандующій замѣтилъ при отступленіи отсталаго солдата, который время отъ времени стрѣлялъ по непріятелю и перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто. За нимъ были посланы двое казаковъ. Оказалось, что это егерь Лейбъ-Егерскаго Бородинскаго Его Императорскаго Величества полка, по имени Матвѣй Шелкуновъ.

— По какому случаю ты остался позади другихъ?—спросилъ его князь Горчаковъ.

— Прикрывалъ отступленіе раненыхъ, ваше сіятельство—отвѣчалъ Шелкуновъ.

Главнокомандующій пожелалъ узнать подробности этого отступленія. Шелкуновъ началъ докладывать:

Видъ одной изъ площадей Севастополя послѣ послѣдняго бомбардированія.

— Былъ я въ цѣпи; подошли мы къ рѣчкѣ, перебѣжали ее, а за ней другая—не то рѣка, не то канава—глубоко, и вдругъ не перескочишь. Прыгнулъ одинъ, за нимъ другой, потомъ начали помогать другъ другу, и цѣпь перебралась. Врагъ сидѣлъ въ канавахъ, мы въ штыки. Тутъ дали цѣпи сигналъ—отходи назадъ. Смотрю—трое раненыхъ. Я—одинъ; извѣстное дѣло, троихъ не подберешь, ваше сіятельство! «Ползи, братцы, кто можетъ, а я буду прикрывать васъ!..» Какъ замѣчу, что ползуны отстаютъ, и я пріостановлюсь; сдѣлаю выстрѣловъ пять по вражьей цѣпи, да и снова въ походъ... Вотъ и все, ваше сіятельство!

Отступая такимъ образомъ черепашьимъ шагомъ подъ градомъ непріятельскихъ выстрѣловъ, Матвѣй Шелкуновъ принесъ на себѣ пять ружей и три аммуниціи, взятыя имъ на дорогѣ у убитыхъ и тѣхъ раненыхъ, прикрытіе которыхъ онъ составлялъ. «Не пропадать же даромъ казенному добру!»—пояснилъ онъ.

Главнокомандующій произвелъ Матвѣя Шелкунова въ унтеръ-офицеры и собственноручно надѣлъ ему на грудь георгіевскій крестъ.

XIX.

Пятое и шестое бомбардированія. — Штурмъ Малахова кургана. — Послѣдній день Севастополя.

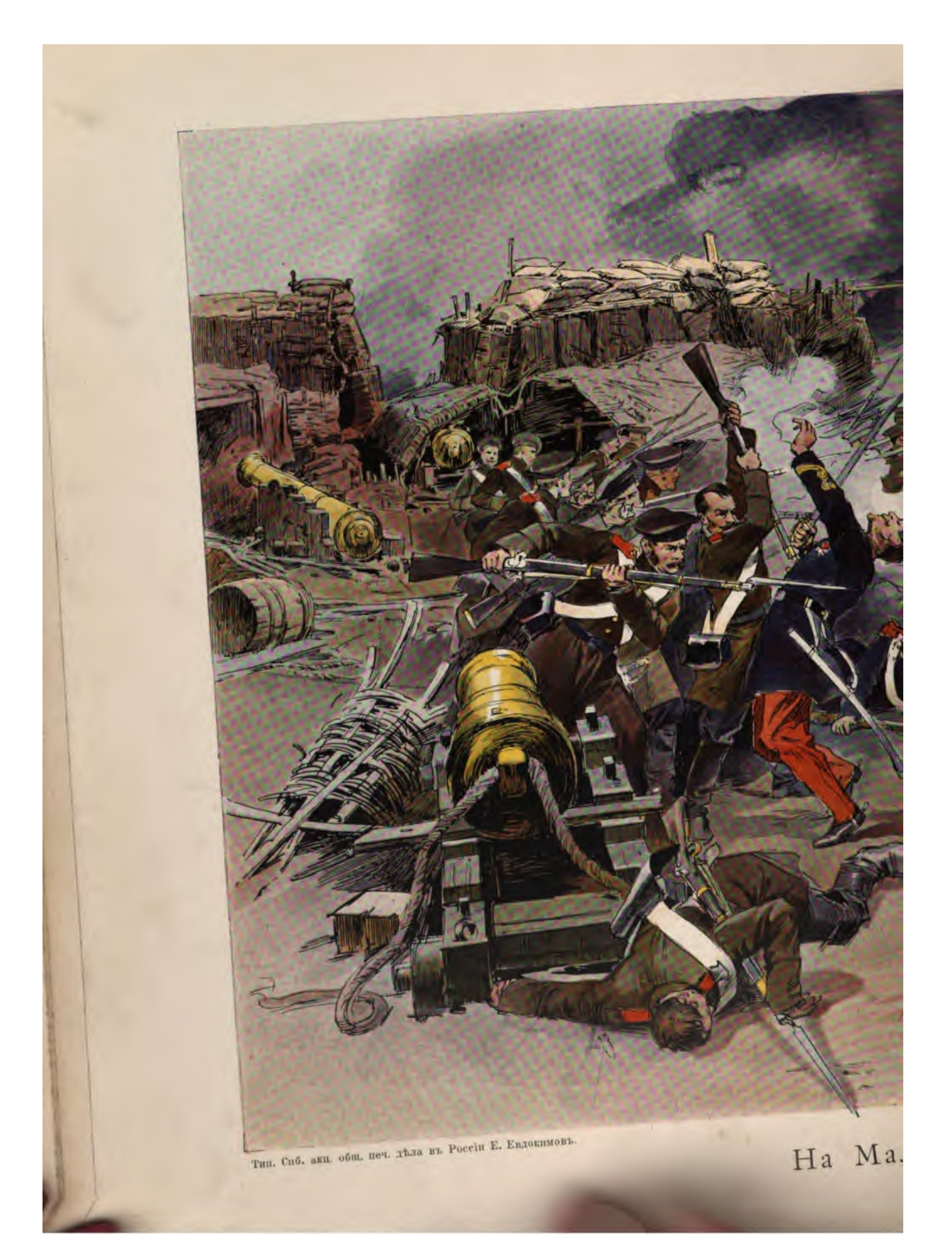
Не небеса, ожесточась,
Его снесли огнемъ и лавой:
Твердыня, избранная славой,
Земному грому поддалась!
Три царства передъ ней стояло,
Передъ одной... такихъ громовъ
Еще и небо не метало
Съ нерукотворныхъ облаковъ.

Некрасовъ. «Тишина».

На другой день послѣ битвы при Черной, непріятель открылъ пятое бомбардированіе, которое почти совершенно уничтожило артиллерію Малахова кургана и 2-го бастіона. Непріятельскіе подступы находились всего въ семнадцати саженяхъ отъ Малахова кургана. Союзники почти ежедневно устраивали ложныя тревоги къ штурму. Канонада прекращалась, и водворялась мертвая тишина. Вотъ летитъ изъ ихъ лагеря сигнальная ракета и раздаются продолжительные крики—признакъ того, что непріятель идетъ на штурмъ. Пѣхота наша изъ прикрытій бросается на бастіоны, но штурма никакого не оказывается, а начинается вновь жесточайшая канонада и ружейный огонь. Непріятель выманивалъ такимъ образомъ наши войска изъ прикрытій на бастіоны, и мы несли отъ этого жестокія потери: у насъ выбывало ежедневно до 2.500 человѣкъ изъ строя.

На 20-й день послѣ сраженія на Черной непріятель открылъ шестое, послѣднее бомбардированіе. По словамъ очевидцевъ, это была канонада, какой не приходилось еще слышать севастопольцамъ во всю осаду. Снаряды во всѣхъ направленіяхъ рыли землю, коверкали брустверы, подбивали орудія, разрушали амбразуры, истребляли людей. Ночью бомбы и ракеты, въ видѣ фейерверка, въ обиліи сыпались на Севастополь, распространяя повсюду пламя. Натыкаясь на трупы и на носилки съ ранеными, никто не спрашивалъ даже: кого и куда несутъ?

Канонада шла безпрерывно день и ночь 24, 25 и 26 августа. Ночь съ 26-го на 27-е августа войска наши были на ногахъ въ ожиданіи штурма. Къ утру начальство удалило ихъ съ укрѣпленій, чтобы хоть нѣсколько предохранить отъ жестокаго непріятельскаго огня. Вдругъ, во время обѣда, французы выскочили изъ передовыхъ подступовъ, отстоявшихъ всего на 12 саженъ отъ Малахова кургана, и бросились на штурмъ. Черезъ нѣсколько минутъ на курганѣ была цѣлая дивизія генерала Макъ-Магона въ 6 тысячъ человѣкъ, а черезъ полчаса весь корпусъ генерала Боске.

Тип. Спб. акц. общ. печ. дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ.

На Ма.

вомъ курганѣ.

При самомъ началѣ штурма около 50 человѣкъ солдатъ Модлинскаго полка, съ поручикомъ Юніемъ и подпоручикомъ Данильченко и Богдзевичемъ, видя себя окруженными, вскочили въ башню Малахова кургана и приперли двери. До пяти часовъ вечера отстрѣливались они, все ожидая, что русскіе отобьютъ курганъ, на которомъ нашли смерть Нахимовъ, Корниловъ и Истоминъ. Тогда зуавы обложили башню фашинникомъ и зажгли его, но потомъ изъ боязни, что въ башнѣ находится складъ пороха, пожаръ былъ потушенъ. Приказано было привести русскихъ плѣнныхъ. Ихъ выстроили въ шеренгу, и французы, скрывшись за ними, пошли на приступъ башни. Видя, что приходится стрѣлять по своимъ, наши отворили дверь и вышли изъ башни съ бѣлымъ платкомъ на штыкѣ. Французы, думавшіе, что башня полна войсками, были изумлены при видѣ этой горсти храбрецовъ. Они прокричали имъ «vivat!» и доставили къ главнокомандующему, маршалу Пелисье, который впослѣдствіи особенно ходатайствовалъ о награжденіи ихъ передъ Государемъ Императоромъ.

Хотя штурмъ на всѣхъ прочихъ пунктахъ былъ нами отбитъ, но потеря Малахова кургана заставила главнокомандующаго, кн. Горчакова, отдать приказъ о томъ, чтобъ наши войска очистили Корабельную и Южную стороны и переправились на Сѣверную. Князь сознавалъ, что удерживать за нами Севастополь долѣе невозможно.

Началось отступленіе на Сѣверную сторону, которую успѣли заблаговременно соединить съ Южною мостомъ длиною въ 470 саженъ, на плотахъ, между Николаевскою и Михайловскою батареями. Мостъ, связанный изъ бревенъ, раскачивался среди бухты; волны, поднятыя сильнымъ вѣтромъ, заливали его такъ, что войскамъ приходилось итти по колѣно въ водѣ.

Съ окончаніемъ переправы Павловская батарея была взорвана, многія зданія въ городѣ сожжены и мостъ разобранъ. Непріятель, потерпѣвшій громадныя потери во время штурма, а можетъ-быть и

боявшійся взрывовъ, не безпокоилъ наши войска во время переправы.

28-го августа, на 349 день послѣ начала осады, союзники заняли Севастополь.

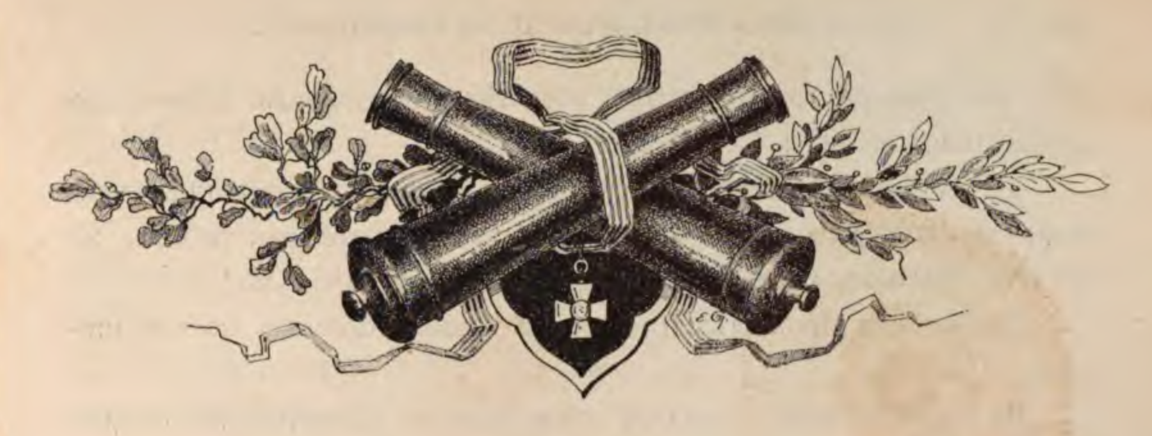
Главнокомандующій отправилъ въ Петербургъ депешу слѣдующаго содержанія:

«27-го августа, 10 часовъ пополудни.—Войска Вашего Императорскаго Величества защищали Севастополь до крайности, но болѣе держаться въ немъ, за адскимъ огнемъ, коему городъ подверженъ, было невозможно. Войска переходятъ на Сѣверную сторону, отбивъ окончательно 27-го августа шесть приступовъ изъ числа семи, поведенныхъ непріятелемъ на Западную и Корабельную стороны; только изъ одного Корнилова бастіона не было возможности его выбить. Враги найдутъ въ Севастополѣ однѣ окровавленныя развалины».

Депеша эта произвела удручающее впечатлѣніе. Государь горько заплакалъ, прочитавъ ее. «И для героевъ есть невозможное», сказалъ онъ.

Чтобъ дать поняніе о томъ, какихъ жертвъ стоила Севастопольская осада и сколько горя она причинила, достаточно сказать, что за 11 мѣсяцевъ было убито, ранено и контужено 102.669 русскихъ и 54.000 союзниковъ.

По разсчету графа Тотлебена, непріятель выпустилъ 1.356.000 артиллерійскихъ снарядовъ и болѣе 28½ милліоновъ ружейныхъ пуль, а защитниками Севастополя—1.027.000 снарядовъ и до 17 милліоновъ пуль. Пороха съ обѣихъ сторонъ было сожжено до полумилліона пудовъ. Если бъ изъ этого количества снарядовъ сложить пирамиду, то она имѣла бы 100 квадратныхъ саженъ въ основаніи и 41 сажень въ вышину, а изъ ружейныхъ патроновъ можно было бы возвести колонну, имѣющую 10 квадр. аршинъ въ поперечникѣ и до 51 сажени въ высоту!..

XX.

Императоръ Александръ II въ Севастополѣ. — Миръ. — Возвращеніе войскъ.

Война молчитъ — и жертвъ не проситъ,
Народъ, стекаясь къ алтарямъ,
Хвалу усердную возноситъ
Смирившимъ громы небесамъ.
Народъ-герой! Въ борьбѣ суровой
Ты не шатнулся до конца
Свѣтлѣе твой вѣнецъ терновый
Побѣдоноснаго вѣнца.

Некрасовъ. «Тишина».

Хотя послѣ занятія Севастополя союзниками миръ и не тотчасъ былъ заключенъ, но серіозныхъ военныхъ дѣйствій больше уже не было: слишкомъ утомлены и измучены были обѣ стороны.

Непріятель, правда, подумывалъ о томъ, чтобъ подняться со своимъ флотомъ вверхъ по рѣкѣ Бугу и осадить городъ Николаевъ, но тамъ находился въ то время Государь Императоръ Александръ II, и союзники не допускали мысли, чтобъ городъ былъ слабо укрѣпленъ, и не рѣшались на осаду, боясь встрѣтить второй Севастополь. Между тѣмъ, въ сущности, Николаевъ почти что совсѣмъ не былъ укрѣпленъ.

28-го октября Государь, въ сопровожденіи великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей, при торжественномъ звонѣ колоколовъ и кликахъ народа, пріѣхалъ въ Бахчисарай. Тамъ ожи-

дала его развернутая фронтомъ 10-я пѣхотная дивизія, только что пришедшая изъ-подъ Севастополя.

— Я горѣлъ нетерпѣніемъ видѣть мою храбрую крымскую армію! — привѣтствовалъ Государь войска. — Благодарю, ребята, за службу! Именемъ отца моего и вашего—благодарю васъ!

Голосъ его дрожалъ, и слеза за слезою катились по его щекамъ.

На другой день Государь уже былъ въ Севастополѣ. Взойдя на вершину Волоховой башни, онъ оглянулся вокругъ. Справа шумѣло Черное море. Въ бухтѣ не было ни единаго корабля,—всѣ были потоплены. Слѣва возвышались горы, на которыхъ были расположены остатки нашей арміи. Прямо передъ Государемъ, на противоположномъ берегу бухты, лежали развалины Южной стороны.

Изъ Сѣвернаго укрѣпленія Государь направился на высоты, къ арміи. Путь его лежалъ чрезъ громадное Братское кладбище, гдѣ покоились тѣла защитниковъ Севастополя. Государь ѣхалъ въ коляскѣ съ главнокомандующимъ. Доѣхавъ до окраины кладбища, онъ велѣлъ экипажу остановиться, вышелъ изъ него, снялъ фуражку и набожно перекрестился. Передъ нимъ разстилалось необъятное поле, покрытое могильными холмами, надъ которыми кое-гдѣ возвышались большіе деревянные кресты. Подъ этими крестами покоились десятки тысячъ жизней. Государь склонился надъ ближайшимъ могильнымъ холмомъ и зарыдалъ, какъ ребенокъ. Затѣмъ онъ почти бѣгомъ направился къ коляскѣ и, не отнимая платка отъ глазъ, проѣхалъ «городъ мертвыхъ».

Войска ожидали Государя.

— Я горжусь вами!—сказалъ онъ имъ,—и счастливъ, что могу лично поблагодарить васъ за геройскую вашу службу; я желалъ этого давно.

«Ура!»—гремѣло и перекатывалось по рядамъ войскъ, когда Государь началъ обходить ихъ пѣшкомъ. Онъ ... всѣхъ за вѣрную службу, вызывалъ къ себѣ ...

разспрашивалъ ихъ о томъ, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ получены ими кресты. При осмотрѣ 10-й дивизіи генералъ Семякинъ, одинъ изъ выдающихся защитниковъ Севастополя, сказалъ:

— Осмѣлюсь доложить Вашему Величеству, что во фронтѣ находятся до ста офицеровъ и 3.737 человѣкъ рядовыхъ раненыхъ.

Государь вздрогнулъ и произнесъ:

— Повтори.

Генералъ Семякинъ повторилъ докладъ. Государь, глубоко растроганный, выразилъ еще разъ свою сердечную благодарность войскамъ.

Никого не обошелъ онъ своимъ милостивымъ вниманіемъ. Посѣщеніе лазаретовъ, бесѣды съ сестрами милосердія, особенно же та привѣтливость, которую онъ выказывалъ черноморскимъ матросамъ и ихъ семьямъ, все это оставило по себѣ неизгладимыя воспоминанія въ сердцахъ защитниковъ Севастополя.

— Прощайте!—сказалъ Государь Крымской арміи, разставаясь съ нею. — Я отъ души желалъ бы остаться среди васъ, но это дѣло невозможное.

Война была окончена. Развалины Севастополя начали пустѣть; войска покидали ихъ и возвращались по квартирамъ. Настали дни радостныхъ свиданій уцѣлѣвшихъ счастливцевъ съ родными, друзьями и знакомыми. Настала для многихъ и та горькая пора, когда, глядя на радость другихъ, съ особенною силою чувствуются собственныя утраты. Сколько слезъ пролилось въ бѣдныхъ, глухихъ деревняхъ, куда не доходило точныхъ извѣстій, гдѣ о гибели мужа, сына или брата приходилось узнавать лишь отъ возвратившагося земляка—служиваго!

Во всѣхъ городахъ устраивались торжественныя встрѣчи севастопольцамъ. Вотъ какъ происходила эта встрѣча въ Москвѣ.

Черноморцы [1]) вступали въ Москву черезъ Серпуховскую заставу. Съ ранняго утра у этой заставы собрались сотни тысячъ народа. Не одна Москва — всѣ окрестныя деревни, села, фабрики выслали своихъ представителей. Экипажи запрудили всѣ прилегающія къ заставѣ улицы.

Часа за три до прибытія матросовъ имъ навстрѣчу проскакало нѣсколько троекъ. Въ нихъ сидѣли морскіе офицеры, прибывшіе наканунѣ изъ Петербурга. Они везли съ собою медали на георгіевскихъ лентахъ, предназначенныя для раздачи всѣмъ участникамъ славной осады.

Уѣзжая изъ Севастополя, Государь сказалъ войскамъ:

— Въ память знаменитой и славной обороны Севастополя я установилъ для войскъ, защищавшихъ укрѣпленія, серебряную медаль на георгіевской лентѣ для ношенія въ петлицѣ. Да будетъ знакъ этотъ свидѣтельствовать о заслугахъ каждаго и вселять въ будущихъ сослуживцахъ то высокое понятіе о долгѣ и чести, которое составляетъ непоколебимую опору престола и отечества.

Вотъ эти-то медали и были розданы теперь солдатамъ и надѣты ими.

Наконецъ показались вдали и черноморцы. Въ старыхъ, истертыхъ шинеляхъ, съ загрубѣвшими руками, съ грудью, украшенною новою медалью, медленно спускались они съ горы, утомленные и измученные. Навстрѣчу имъ пошли уполномоченные, Кокоревъ, и Мамонтовъ, держа на серебряномъ блюдѣ коровай, такой величины, что для печенія его пришлось сложить особую печь. Громовое «ура!», которымъ народъ встрѣтилъ появленіе севастопольцевъ, мгновенно смолкло. Кокоревъ передалъ хлѣбъ-соль старшимъ офицерамъ со словами:

---

[1]) Такъ какъ однимъ изъ условій Парижскаго трактата было уничтоженіе Черноморскаго флота, то черноморскіе моряки были переведены изъ Севастополя на сѣверъ и такимъ образомъ очутились въ Москвѣ.

— Служивые! Благодаримъ васъ за ваши труды, за ту кровь, которую вы пролили за насъ, въ защиту родной земли! Примите нашъ земной поклонъ.

Кокоревъ опустился на колѣни и поклонился въ землю. За нимъ послѣдовалъ Мамонтовъ и всѣ лица, ихъ сопровождавшія; за ними упалъ на колѣни и весь народъ...

Такъ встрѣтила Москва севастопольцевъ.

XXI.

Современный Севастополь и его окрестности.

Храмъ св. Владиміра и раскопки древняго Херсонеса.—Музей обороны Севастополя.—Историческій бульваръ.—Адмиральскій соборъ.—Братское кладбище.

Болѣе десяти лѣтъ не была я въ Крыму и не видѣла Севастополя,—и вотъ судьба снова закинула меня туда. Медленно подходилъ къ берегу «Св. Николай», одинъ изъ лучшихъ пароходовъ «Русскаго общества пароходства и торговли», на которомъ находилась и я со своею семьею. Вотъ онъ, бѣлокаменный красавецъ Севастополь съ возвышающимся на горѣ соборомъ св. Владиміра, или «Адмиральскимъ», какъ принято его звать; вотъ возобновленный Петро-Павловскій соборъ съ его колоннадою, — точная копія храма Тезея въ Аѳинахъ; вотъ по ту сторону Южной бухты «Братское кладбище» съ своеобразною церковью-памятникомъ, имѣющею видъ грандіозной братской могилы.

Пароходъ причаливаетъ. Траппъ спущенъ. Нетерпѣливою, сплошною толпою стремится публика на берегъ. Сходимъ и мы.

Черноморцы [1]) вступали въ Москву черезъ Серпуховскую заставу. Съ ранняго утра у этой заставы собрались сотни тысячъ народа. Не одна Москва — всѣ окрестныя деревни, села, фабрики выслали своихъ представителей. Экипажи запрудили всѣ прилегающія къ заставѣ улицы.

Часа за три до прибытія матросовъ имъ навстрѣчу проскакало нѣсколько троекъ. Въ нихъ сидѣли морскіе офицеры, прибывшіе наканунѣ изъ Петербурга. Они везли съ собою медали на георгіевскихъ лентахъ, предназначенныя для раздачи всѣмъ участникамъ славной осады.

Уѣзжая изъ Севастополя, Государь сказалъ войскамъ:

— Въ память знаменитой и славной обороны Севастополя я установилъ для войскъ, защищавшихъ укрѣпленія, серебряную медаль на георгіевской лентѣ для ношенія въ петлицѣ. Да будетъ знакъ этотъ свидѣтельствовать о заслугахъ каждаго и вселять въ будущихъ сослуживцахъ то высокое понятіе о долгѣ и чести, которое составляетъ непоколебимую опору престола и отечества.

Вотъ эти-то медали и были розданы теперь солдатамъ и надѣты ими.

Наконецъ показались вдали и черноморцы. Въ старыхъ, истертыхъ шинеляхъ, съ загрубѣвшими руками, съ грудью, украшенною новою медалью, медленно спускались они съ горы, утомленные и измученные. Навстрѣчу имъ пошли уполномоченные, Кокоревъ, и Мамонтовъ, держа на серебряномъ блюдѣ коровай, такой величины, что для печенія его пришлось сложить особую печь. Громовое «ура!», которымъ народъ встрѣтилъ появленіе севастопольцевъ, мгновенно смолкло. Кокоревъ передалъ хлѣбъ-соль старшимъ офицерамъ со словами:

---

[1]) Такъ какъ однимъ изъ условій Парижскаго трактата было уничтоженіе Черноморскаго флота, то черноморскіе моряки были переведены изъ Севастополя на сѣверъ и такимъ образомъ очутились въ Москвѣ.

— Служивые! Благодаримъ васъ за ваши труды, за ту кровь, которую вы пролили за насъ, въ защиту родной земли! Примите нашъ земной поклонъ.

Кокоревъ опустился на колѣни и поклонился въ землю. За нимъ послѣдовалъ Мамонтовъ и всѣ лица, ихъ сопровождавшія; за ними упалъ на колѣни и весь народъ...

Такъ встрѣтила Москва севастопольцевъ.

XXI.

Современный Севастополь и его окрестности.

Храмъ св. Владиміра и раскопки древняго Херсонеса.—Музей обороны Севастополя.—Историческій бульваръ.—Адмиральскій соборъ.—Братское кладбище.

Болѣе десяти лѣтъ не была я въ Крыму и не видѣла Севастополя,—и вотъ судьба снова закинула меня туда. Медленно подходилъ къ берегу «Св. Николай», одинъ изъ лучшихъ пароходовъ «Русскаго общества пароходства и торговли», на которомъ находилась и я со своею семьею. Вотъ онъ, бѣлокаменный красавецъ Севастополь съ возвышающимся на горѣ соборомъ св. Владиміра, или «Адмиральскимъ», какъ принято его звать; вотъ возобновленный Петро-Павловскій соборъ съ его колоннадою, — точная копія храма Тезея въ Аѳинахъ; вотъ по ту сторону Южной бухты «Братское кладбище» съ своеобразною церковью-памятникомъ, имѣющею видъ грандіозной братской могилы.

Пароходъ причаливаетъ. Траппъ спущенъ. Нетерпѣливою, сплошною толпою стремится публика на берегъ. Сходимъ и мы.

Изящная южнобережская плетенка, удобная, помѣстительная, съ раскрытымъ надъ головою пассажировъ синимъ зонтикомъ, забираетъ всю нашу семью; пара бойкихъ лошадокъ подхватываетъ легкій, какъ перышко, экипажъ и мчитъ его въ городъ. Я смотрю вокругъ, удивляюсь, любуюсь и глазамъ своимъ не вѣрю: куда дѣвались прежнія сплошныя развалины, носившіяся надъ ними клубы известковой пыли, вся скорбно-величественная, задумчивая физіономія Севастополя временъ Крымской кампаніи, которую онъ сохранялъ еще въ 1883 году? Широкія, прекрасно вымощенныя каменными кубиками улицы, которымъ могла бы позавидовать любая изъ нашихъ столицъ, красивыя, щеголеватыя зданія, полное отсутствіе пыли, то и дѣло встрѣчающіяся по пути кучки нашихъ славныхъ матросиковъ, тамъ и сямъ офицерскій мундиръ, а иногда и адмиральскія эполеты, всюду чистота, всюду какой-то строго выдержанный порядокъ, всюду жизнь... Что за контрастъ съ Севастополемъ, раззореннымъ, малолюднымъ, самому себѣ предоставленнымъ, какимъ я его покинула за нѣсколько лѣтъ до того! Фениксъ возродился изъ пепла.

Возрожденіе это произошло сразу и неожиданно. Тяжело раненый послѣ осады, Севастополь какъ бы замеръ и долгіе годы не подавалъ признака жизни. Казалось, никогда не притти ему въ себя, никогда не стать на ноги. Военное значеніе его было утрачено, такъ какъ Парижскимъ трактатомъ, закончившимъ Севастопольскую кампанію, намъ запрещалось имѣть военный флотъ на Черномъ морѣ. Отъ столицъ и центра Россіи онъ былъ удаленъ на много тысячъ верстъ; попадать въ него удобно можно было только моремъ; осенью же и зимою, во время распутицы и опасной навигаціи, добраться до него было въ высшей степени трудно. Но вотъ кончается франко-прусская война; падаетъ парижское запрещеніе; начинаетъ возрождаться флотъ; строится желѣзная дорога. Городъ, имѣющій неоцѣнимое военное [illegible]е значеніе, начинаетъ развиваться съ невѣроятн[illegible]валшна[illegible]акъ

бы по мановенію волшебнаго жезла, выростаютъ громадныя зданія чудной архитектуры; изрытыя бомбами улицы покрываются гранитною мостовою, берега бухты сплошь застраиваются громадными хлѣбными магазинами. На кучахъ мусора, покрывающаго прежніе бастіоны, возникаетъ рѣдкій по красотѣ Историческій бульваръ. Торговые обороты въ короткое время увеличиваются въ десятки разъ; жизнь бьетъ ключемъ во всѣхъ уголкахъ. Севастополь, съ его никогда не замерзающею, великолѣпною бухтою, обѣщаетъ сдѣлаться соперникомъ Одессы.

Неожиданнымъ и тяжкимъ ударомъ для возрожденнаго Севастополя было извѣстіе о перенесеніи коммерческаго порта въ Ѳеодосію. Извѣстіе это произвело на первыхъ порахъ настоящую панику. Дѣятельность города на время какъ бы застыла; новыя постройки прекратились, начатыя оставались неоконченными...

Но Богъ не безъ милости! — и въ августѣ мѣсяцѣ 1898 г. на хмуромъ небѣ замершаго Севастополя проглянуло ясное солнышко. Послѣ незабвеннаго дня открытія въ Москвѣ памятника Его великому Дѣду, по пути въ Ливадію, Императоръ Николай II со своею Августѣйшею Супругою, Императрицею Александрою Ѳеодоровною, посѣтили родныя твердыни Севастополя и его историческія окрестности. Ободренные милостивымъ вниманіемъ Ихъ Величествъ, жители многострадальнаго города рѣшились повергнуть къ Ихъ стопамъ всѣ свои нужды и заботы, умоляя о возвращеніи имъ коммерческаго порта, и съ твердою надеждою, съ полнымъ упованіемъ на милость Царскую, бодро и спокойно взираютъ они теперь на будущее.

Мы находились въ Севастополѣ по пути на Южный берегъ, въ Ялту, и могли остановиться въ немъ не болѣе, какъ на два дня. Между тѣмъ, я считала долгомъ познакомить своихъ дѣтей хоть отчасти съ тѣми мѣстами, которыя должны быть дороги и святы каждому русскому. Мы свернули въ Херсонесъ.

Дорога шла по безводной, голой равнинѣ. Южное солнце, не смотря на ранній утренній часъ, палило нещадно. Но доносившійся до насъ морской вѣтерокъ былъ пропитанъ такою свѣжестью и влагой, такъ заманчиво синѣло вдали южное море, такъ живилъ и бодрилъ насъ благодатный югъ, что мы и не замѣтили получасового переѣзда отъ Севастополя до Херсонеса. Экипажъ нашъ остановился у монастырскихъ воротъ. Когда-то отъ воротъ этихъ до мѣста строившагося храма св. Владиміра вела дорога, по обѣимъ сторонамъ уставленная обломками колоннъ и зданій, найденныхъ при раскопкахъ древняго Херсонеса. Теперь колонны эти убраны въ музей, особо устроенный для склада находимыхъ древностей Императорскою археологическою коммиссіею надъ Карантинною бухтою, въ южной части Херсонеса; самъ же храмъ отстроенъ, и является во всемъ своемъ великолѣпіи достойнымъ памятникомъ совершившемуся въ Херсонесѣ великому историческому событію.

Храмъ этотъ, имѣющій около 14 саженъ вышины, выстроенъ въ строго византійскомъ стилѣ. Онъ состоитъ изъ двухъ этажей. Нижній храмъ довольно мраченъ, темноватъ и отдѣланъ скромнѣе верхняго. Своими низкими, таинственными сводами онъ располагаетъ къ тихому созерцанію и молитвѣ. Самою важною достопримѣчательностью въ немъ являются части сохранившихся еще стѣнъ того древняго храма, гдѣ, по преданію, совершилось крещеніе св. Владиміра. Стѣны эти отдѣланы мраморомъ, также какъ и углубленіе предполагаемой купели великаго князя. Надъ южными и сѣверными вратами храма находятся прекрасныя иконы Благовѣщенія и крещенія св. Владиміра.

Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ верхній храмъ: высокій, роскошный по отдѣлкѣ, онъ утопаетъ въ потокахъ свѣта. Въ обоихъ храмахъ полы мозаичные, а стѣны расписаны и раззолочены въ византійскомъ стилѣ. Въ притворѣ во имя св. Александра Невскаго обращаетъ на себя вниманіе деревянный иконостасъ чудной работы нашихъ кустарей. Иконостасъ этотъ—даръ Государыни

Императрицы Маріи Θеодоровны. Нѣсколько прекрасныхъ иконъ въ иконостасахъ пожертвованы другими лицами Царской фамиліи. Нѣкоторыя изъ нихъ предназначались раньше для Исаакіевскаго собора. Мраморныя работы храма чудно хороши, и храмъ, въ общемъ, производитъ пріятное, сильное впечатлѣніе.

Такое историческое и знаменательное для русской церкви мѣсто, какъ Херсонесъ, внушило мысль архіепископу Иннокентію открыть здѣсь монастырь, и по его представленію въ 1850 г. св. Синодъ разрѣшилъ возстановить Херсонесскія древнія мѣста и открыть киновію (общежитіе) съ храмомъ во имя св. кн. Ольги. Храмъ этотъ въ Крымскую кампанію былъ разоренъ и жилище иноковъ разрушено. На мѣстѣ киновіи французы соорудили батареи съ траншеями; но по окончаніи войны, тамъ воздвигнутъ новый храмъ во имя семи херсонесскихъ мучениковъ, а киновія переименована въ первоклассный мужской монастырь. Въ 1858 г., по Высочайшему повелѣнію, въ память Севастопольской обороны и крещенія св. Владиміра 15-го іюля установленъ изъ города сюда крестный ходъ съ участіемъ священнослужителей изъ всѣхъ крымскихъ городовъ и селеній. Храмъ св. Владиміра основанъ Государемъ Императоромъ Александромъ II, положившимъ лично первый камень 23 августа 1861 года.

Осмотрѣвъ храмъ, мы отправились къ мѣсту раскопокъ древняго города. Главная улица его начинается съ площади, гдѣ теперь выстроенъ храмъ св. Владиміра. Въ древнія, языческія времена на этой площади происходили народныя собранія; здѣсь стоялъ священный жертвенникъ въ храмѣ Артемиды, покровительницы Херсонеса; здѣсь свободные граждане этого города присягали богинѣ-дѣвственницѣ, солнцу, Зевсу и своей республикѣ, подтверждая присягу эту страшными клятвами. Сюда стекалось все торгово-промышленное населеніе большого, богатаго города; на ряду съ чистокровными греками здѣсь можно было видѣть скиθовъ, индусовъ и африканцевъ. Какъ бушевали тутъ страсти, какіе горячіе споры и рѣчи велись тутъ въ

старину! Вѣдь правленіе въ то время было строго республиканское и всѣ важныя дѣла рѣшались народнымъ собраніемъ. И что осталось теперь отъ этой нѣкогда кипучей жизни?.. Идешь по главной улицѣ раскопокъ и все вокругъ тебя пустынно и мертво. Справа и слѣва полуразвалившіяся, голыя, однообразныя стѣны древнихъ домовъ и храмовъ. Растительности почти никакой. Мѣстами изъ-за груды мусора, черепковъ и камней торчитъ колючая, выжженная солнцемъ трава, да неуклюже лѣпится тощее деревцо.

Большинство раскопанныхъ построекъ принадлежитъ позднѣйшему, христіанскому періоду. Христіанскій Херсонесъ сильно уступалъ языческому въ блескѣ и богатствѣ; онъ утратилъ свое торговое и политическое значеніе и приходилъ въ состояніе полнаго упадка. Во времена князя Владиміра Херсонесъ представлялъ изъ себя нѣчто въ родѣ громадной лавры, такъ какъ храмовъ въ немъ было больше, нежели домовъ; оттого-то и найдено ихъ такое множество при раскопкахъ. Архитектура ихъ по большей части однообразна: большинство состоитъ изъ небольшого продолговатаго зданія съ округленною съ восточной стороны алтарною частью. При входѣ находятся обыкновенно усыпальницы, — родъ склеповъ, наполненныхъ костями. Подъ нѣкоторыми изъ храмовъ существуетъ особый родъ усыпальницъ - катакомбъ, которыя были также переполнены костями. Во многихъ изъ храмовъ замѣтны остатки росписной штукатурки, а также мозаичные полы.

Въ музеѣ раскопокъ много интереснѣйшихъ остатковъ древней жизни; такъ напримѣръ въ немъ находится замѣчательный историческій памятникъ—гражданская присяга древнихъ херсонитовъ, различныя надписи на мраморѣ, стеклѣ, мелкіе предметы, рыболовныя снасти, посуда, женскія украшенія, водопроводныя глиняныя трубы. Необыкновенно красивы и изящны нѣкоторые предметы, относящіеся къ древне-греческому періоду: статуэтки, камэ, пряжки и разныя другія мелкія вещи. Лучшія изъ нихъ увезены въ Императорскій эрмитажъ и другіе столичные музеи.

Больше всего цѣнныхъ и интересныхъ предмстовъ найдено было при раскопкахъ древняго херсонесскаго кладбища. Въ нѣкоторыхъ могилахъ и склепахъ, относящихся къ періоду языческому, найдены были цѣлые ряды фамильныхъ урнъ, наполненныхъ пережженными костями. На каждой урнѣ находится имя погребеннаго въ ней. Найдены также гробницы, сложенныя изъ плитъ и большихъ черепицъ, которыя шли также на кровли херсонесскихъ жилищъ. Въ головахъ гробницъ находятъ обыкновенно лампочки, кувшинчики, слезнички и часто монеты. Если покойный былъ портной, то въ головахъ его гробницы находятъ иглы; со скульпторомъ покоятся его стѣки; у художника найденъ кувшинъ съ хорошо сохранившеюся красною краскою. Въ женскихъ гробницахъ найдены золотые браслеты, пряжки, кольца и изящныя камэ. Во рту многихъ скелетовъ монета, — та самая, которая должна была сослужить имъ вѣрную службу въ царствѣ мрачнаго Плутона: это—плата за переправу черезъ Стиксъ.

Трудно выразить то глубокое и сильное впечатлѣніе, которое производятъ эти предметы, нѣмые свидѣтели горестей и радостей людей, жившихъ за много тысячъ лѣтъ до насъ. Какія горькія слезы проливались, быть можетъ, въ эти крохотные глиняные кувшинчики, называемые слезничками! Какому тщеславію служили эти блестящіе браслеты и ожерелья, такъ прекрасно сохранившіеся на изсохшихъ, пожелтѣвшихъ скелетахъ! Куда дѣвались тѣ неутѣшные родственники, которые опустили эти слезнички въ могилу близкаго и любимаго существа? Что сталось съ гордыми красавицами, внушавшими любовь и зависть въ этихъ дорогихъ уборахъ? Время, неумолимое время развѣяло ихъ прахъ, предало забвенію ихъ имена. Нигдѣ не сознаешь яснѣе все ничтожество, всю «суету суетъ» земной жизни, нигдѣ не чувствуешь живѣе необходимости иного, лучшаго существованія, какъ среди такихъ, случайно сохранившихся для потомства, обломковъ древняго міра.

Распростившись съ этою русскою Помпеею, мы направились обратно въ Севастополь и рѣшили заняться прежде всего осмотромъ

старину! Вѣдь правленіе въ то время было строго республиканское и всѣ важныя дѣла рѣшались народнымъ собраніемъ. И что осталось теперь отъ этой нѣкогда кипучей жизни?.. Идешь по главной улицѣ раскопокъ и все вокругъ тебя пустынно и мертво. Справа и слѣва полуразвалившіяся, голыя, однообразныя стѣны древнихъ домовъ и храмовъ. Растительности почти никакой. Мѣстами изъ-за груды мусора, черепковъ и камней торчитъ колючая, выжженная солнцемъ трава, да неуклюже лѣпится тощее деревцо.

Большинство раскопанныхъ построекъ принадлежитъ позднѣйшему, христіанскому періоду. Христіанскій Херсонесъ сильно уступалъ языческому въ блескѣ и богатствѣ; онъ утратилъ свое торговое и политическое значеніе и приходилъ въ состояніе полнаго упадка. Во времена князя Владиміра Херсонесъ представлялъ изъ себя нѣчто въ родѣ громадной лавры, такъ какъ храмовъ въ немъ было больше, нежели домовъ; оттого-то и найдено ихъ такое множество при раскопкахъ. Архитектура ихъ по большей части однообразна: большинство состоитъ изъ небольшого продолговатаго зданія съ округленною съ восточной стороны алтарною частью. При входѣ находятся обыкновенно усыпальницы, — родъ склеповъ, наполненныхъ костями. Подъ нѣкоторыми изъ храмовъ существуетъ особый родъ усыпальницъ - катакомбъ, которыя были также переполнены костями. Во многихъ изъ храмовъ замѣтны остатки росписной штукатурки, а также мозаичные полы.

Въ музеѣ раскопокъ много интереснѣйшихъ остатковъ древней жизни; такъ напримѣръ въ немъ находится замѣчательный историческій памятникъ—гражданская присяга древнихъ херсонитовъ, различныя надписи на мраморѣ, стеклѣ, мелкіе предметы, рыболовныя снасти, посуда, женскія украшенія, водопроводныя глиняныя трубы. Необыкновенно красивы и изящны нѣкоторые предметы, относящіеся къ древне-греческому періоду: статуэтки, камэ, пряжки и разныя другія мелкія вещи. Лучшія изъ нихъ увезены въ Императорскій эрмитажъ и другіе столичные музеи.

Больше всего цѣнныхъ и интересныхъ предметовъ найдено было при раскопкахъ древняго херсонесскаго кладбища. Въ нѣкоторыхъ могилахъ и склепахъ, относящихся къ періоду языческому, найдены были цѣлые ряды фамильныхъ урнъ, наполненныхъ пережженными костями. На каждой урнѣ находится имя погребеннаго въ ней. Найдены также гробницы, сложенныя изъ плитъ и большихъ черепицъ, которыя шли также на кровли херсонесскихъ жилищъ. Въ головахъ гробницъ находятъ обыкновенно лампочки, кувшинчики, слезнички и часто монеты. Если покойный былъ портной, то въ головахъ его гробницы находятъ иглы; со скульпторомъ покоятся его стѣки; у художника найденъ кувшинъ съ хорошо сохранившеюся красною краскою. Въ женскихъ гробницахъ найдены золотые браслеты, пряжки, кольца и изящныя камэ. Во рту многихъ скелетовъ монета, — та самая, которая должна была сослужить имъ вѣрную службу въ царствѣ мрачнаго Плутона: это—плата за переправу черезъ Стиксъ.

Трудно выразить то глубокое и сильное впечатлѣніе, которое производятъ эти предметы, нѣмые свидѣтели горестей и радостей людей, жившихъ за много тысячъ лѣтъ до насъ. Какія горькія слезы проливались, быть можетъ, въ эти крохотные глиняные кувшинчики, называемые слезничками! Какому тщеславію служили эти блестящіе браслеты и ожерелья, такъ прекрасно сохранившіеся на изсохшихъ, пожелтѣвшихъ скелетахъ! Куда дѣвались тѣ неутѣшные родственники, которые опустили эти слезнички въ могилу близкаго и любимаго существа? Что сталось съ гордыми красавицами, внушавшими любовь и зависть въ этихъ дорогихъ уборахъ? Время, неумолимое время развѣяло ихъ прахъ, предало забвенію ихъ имена. Нигдѣ не сознаешь яснѣе все ничтожество, всю «суету сутъ» земной жизни, нигдѣ не чувствуешь живѣе необходимости иного, лучшаго существованія, какъ среди такихъ, случайно сохранившихся для потомства, обломковъ древняго міра.

Распростившись съ этою русскою Помпеею, мы направились обратно въ Севастополь и рѣшили заняться прежде всего осмотромъ

знаменитаго «Музея обороны Севастополя». До 1894 года музей помѣщался въ домѣ графа Тотлебена. Къ этому времени для него было отстроено собственное прекрасное зданіе на Екатерининской улицѣ. На фронтонѣ, украшенномъ тонкою рѣзною работою, виднѣются знаменательныя цифры **349**,—число дней отъ начала осады до занятія союзниками Севастополя.

Зданіе музея каменное, 2-хъ этажное, облицованное Инкерманскимъ камнемъ. Передъ входомъ стоятъ два фонаря на чугунныхъ колоннахъ съ арматурами изъ ядеръ и цѣпей на гранитныхъ пьедесталахъ. Всѣ наружныя стѣны украшены подобными же арматурами, состоящими изъ пушекъ, якорей и бомбъ; арматуры боковыхъ стѣнъ изображаютъ носъ и корму корабля. По бокамъ вестибюля находятся площадки, на которыхъ стоятъ пушки, мортиры, якоря и ядра, сохранившіеся со времени осады. Вестибюль и площадки обнесены желѣзными рѣшетками; ограда боковыхъ и задняго фасада состоитъ изъ бомбъ, соединенныхъ желѣзными поручнями.

Въ вестибюлѣ, прямо передъ входомъ, находится мраморная лѣстница, ведущая въ верхній этажъ съ перилами изъ розоваго искусственнаго мрамора. По бокамъ ея двѣ лѣстницы спускаются въ нижній этажъ. Стѣны вестибюля украшены бюстами севастопольскихъ героевъ: Корнилова, Нахимова, Истомина, гр. Тотлебена, Хрулева, Хрущева, Васильчикова и Коцебу.

Въ нижнемъ этажѣ находится комната съ оружіемъ, употреблявшимся при оборонѣ Севастополя, какъ нашими, такъ и непріятельскими войсками. Тамъ возвышаются двѣ пирамиды, сложенныя изъ пикъ, тесаковъ, сабель и ружей, начиная съ кремневаго ружья, бьющаго на 300 шаговъ, какія встрѣчались въ вооруженіи нашей пѣхоты и ополченія, и кончая превосходными для того времени англійскими штуцерами, съ дальностью 1.500 шаговъ. Вдоль оконъ лежатъ картечи, бомбы, ядра, гранаты и ящики для храненія боевыхъ зарядовъ. На стѣнахъ развѣшены чертежи севастопольскихъ батарей, генеральный [illegible] съ окрестностями и укрѣп-

леніями въ томъ видѣ, какъ они были во время высадки союзныхъ войскъ въ сентябрѣ 1854 г., модели-барельефы разныхъ судовъ и два вѣнка, присланные въ 1891 и 1896 г.г. французами въ память павшихъ защитниковъ Севастополя.

Въ большомъ среднемъ залѣ верхняго этажа прежде всего привлекаютъ вниманіе художественно исполненные масляными красками портреты во весь ростъ Императоровъ: Николая Павловича, Александра Николаевича и Александра Александровича, Императрицы Маріи Ѳеодоровны и Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей, на которыхъ послѣдніе изображены юными севастопольскими героями, въ сѣрыхъ солдатскихъ шинеляхъ съ георгіевскими крестами на груди.

Тутъ же, на стѣнѣ, виднѣется мраморная доска съ надписью:

«Да сохранитъ васъ всѣхъ Господь. Молитвы Мои за васъ и Наше правое дѣло, а душа Моя и всѣ мысли съ вами».

«Николай».

Всѣ стѣны громадной залы увѣшаны портретами славныхъ защитниковъ Севастополя, начиная съ поясныхъ портретовъ масляными красками главныхъ героевъ и кончая фотографическими карточками менѣе извѣстныхъ участниковъ знаменитой осады. Тутъ же, въ правомъ углу залы, помѣщены и портреты сестеръ милосердія: Карцовой, Бакуниной и Тулузаковой, съ самаго начала военныхъ дѣйствій и до окончанія ихъ находившейся со своими сыновьями, помогавшими ей, на 3-мъ перевязочномъ пунктѣ, Нины Грабаричи, сестры Крестовоздвиженской Общины, контуженной въ грудь и плечо на перевязочномъ пунктѣ Малахова кургана, и многихъ другихъ скромныхъ героинь, которыя примѣнили на дѣлѣ заповѣдь Христову, положивъ душу свою за ближнихъ своихъ на перевязочныхъ пунктахъ и въ пропитанныхъ тифознымъ ядомъ госпиталяхъ.

Въ противоположномъ, лѣвомъ углу большого зала виднѣется икона Равноапостольнаго князя Константина съ засѣвшею въ ней картечною пулею, находившаяся въ кладбищенской церкви стараго

Севастополя, икона, бывшая на груди Корнилова въ моментъ смерти, икона св. Николая, изогнутая пулею, бывшая на груди ополченца, который остался невредимъ, крестъ матроса Кошки и свѣчи, съ которыми молились Императоръ Александръ II и Его Августѣйшіе братья на могилахъ адмираловъ во Владимірскомъ соборѣ.

Вправо и влѣво отъ средняго большого зала находятся 2 зала меньшаго размѣра, увѣшенные картинами лучшихъ художниковъ, гравюрами извѣстнаго «Художественнаго листка» Тимма и заграничныхъ изданій, воспроизводящими всѣ главные моменты знаменитой осады, заставленные бюстами, моделями и множествомъ другихъ предметовъ, съ которыми связаны тѣ или другія воспоминанія того незабвеннаго времени.

При входѣ въ правый залъ прежде всего бросается въ глаза пирамида-лампа изъ 5-ти артиллерійскихъ снарядовъ съ надписью «Севастополь», пожертвованная Е. И. В. Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ. На первомъ столѣ мы видимъ модель кормы корабля «Трехъ Святителей», того самаго, который былъ потопленъ 2-го сентября 1854 г. для преграждѣнія входа на рейдъ непріятельскихъ судовъ. Въ первой витринѣ мы видимъ модели госпитальной обстановки: шесть кроватей и четыре столика, лазаретную фуру, приспособленную изъ татарской маджары, модель баркаса, служившаго для перевозки больныхъ, раненыхъ и убитыхъ съ Южной стороны города на Сѣверную.

А вотъ витрина, передъ которой невольно хотѣлось бы преклонить колѣна: это—витрина Нахимова. Вотъ его густыя эполеты; его знаменитая бѣлая фуражка, насквозь прострѣленная роковымъ выстрѣломъ, его записная книжка, метрическое свидѣтельство и небольшой крестикъ формы георгіевскаго креста, сдѣланный изъ осколка черепной кости, которую извлекли изъ его раны. Видны въ витринѣ и два письма, написанныхъ энергичнымъ, четкимъ почеркомъ; въ одномъ изъ нихъ Нахимомъ увѣдомляетъ брата Истомина о гибели послѣдняго и пересылаетъ ему георгіевскую ленту,

снятую съ покойнаго; въ другомъ такую-же грустную вѣсть сообщаетъ онъ отцу одного убитаго молодого офицера,—и съ какимъ трогательнымъ чувствомъ, съ какою нѣжною заботливостью дѣлаетъ онъ это! Какъ умѣлъ онъ, окруженный тысячью смертей, готовый умереть самъ каждую минуту, сказать все, что могло пролить хоть каплю утѣшенія въ больную душу несчастнаго отца! Да, золотое сердце носилъ въ своей груди этотъ рыцарь безъ страха и упрека.

Въ лѣвомъ залѣ находится, между прочимъ, модель части моста, построеннаго генераломъ Бухмейеромъ черезъ бухту для переправы гарнизона съ Южной стороны на Сѣверную, панорама города, рейда, бухты, фортовъ, защиты Севастополя и осадныхъ работъ соединенной арміи отъ Севастополя до Балаклавы, виды съ птичьяго полета траншейныхъ работъ и подступовъ соединенной арміи Херсонесскаго полуострова и Севастополя съ фортами со стороны Инкермана, множество плановъ военныхъ дѣйствій, картъ и чертежей.

Трудно выразить ту массу чувствъ и впечатлѣній, которую выносишь изъ осмотра этого замѣчательнаго музея. Живыми, яркими образами проходятъ передъ нами незабвенные дни осады Севастополя; мы видимъ передъ собою всѣ ея главные моменты, всѣ мельчайшія детали, мы какъ бы сами переживаемъ знаменитые 349 дней, проникаемся духомъ славныхъ защитниковъ Севастополя, гордимся страною, ихъ произведшею, и тѣмъ, что страна эта—наша родина.

Изъ музея насъ потянуло на Историческій бульваръ, разбитый на мѣстѣ «страшнаго» 4-го бастіона, того самаго, о которомъ, когда кто говорилъ, что онъ былъ на 4-мъ бастіонѣ, онъ говорилъ это съ особеннымъ удовольствіемъ и гордостью; когда кто говорилъ: «я иду на 4-й бастіонъ,» въ немъ были непремѣнно замѣтны маленькое волненіе или слишкомъ большое равнодушіе; когда хотѣли подшутить надъ кѣмъ-нибудь, говорили: «тебя бы поставить на 4-й

бастіонъ:» когда встрѣчали носилки и спрашивали: откуда?—большею частью отвѣчали: съ 4-го бастіона [1]).

По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ этому памятному мѣсту, въ воспоминаніи нашемъ невольно воскресали полныя жизни и красокъ картины, принадлежащія перу одного изъ—увы! уже немногихъ очевидцевъ и участниковъ славной обороны Севастополя—гр. Льва Толстого:

«Пройдя еще одну баррикаду, вы выходите изъ дверей направо и поднимаетесь вверхъ по большой улицѣ. За этою баррикадою дома по обѣимъ сторонамъ улицы необитаемы, окна выбиты, гдѣ отбитъ уголъ стѣны, гдѣ пробита крыша. Строенія кажутся старыми, испытавшими всякое горе и нужду ветеранами и какъ будто гордо и нѣсколько презрительно смотрятъ на васъ. По дорогѣ спотыкаетесь вы на валяющіяся ядра и ямы съ водой, вырытыя въ каменномъ грунтѣ бомбами. По улицѣ встрѣчаете вы и обгоняете команды солдатъ, пластуновъ, офицеровъ; изрѣдка встрѣчаются женщина или ребенокъ, но женщина не въ шляпкѣ, а матроска въ старой шубейкѣ и въ солдатскихъ сапогахъ. Проходя дальше по улицѣ и спустясь подъ маленькій изволокъ, вы замѣчаете вокругъ себя уже не дома, а какія-то странныя груды развалинъ камней, досокъ, глины, бревенъ; впереди себя, на крутой горѣ видите какое-то черное грязное пространство, изрытое канавами, и это-то впереди и есть 4-й бастіонъ... Здѣсь народу встрѣчается еще меньше, женщинъ совсѣмъ не видно, солдаты идутъ скоро, по дорогѣ попадаются капли крови и непремѣнно встрѣтите тутъ четырехъ солдатъ съ носилками и на носилкахъ блѣдно-желтоватое лицо и окровавленную шинель. Ежели вы спросите: «куда раненъ?», носильщики сердито, не поворачиваясь къ вамъ, скажутъ: въ ногу или въ руку, ежели онъ раненъ легко; или сурово промолчатъ, ежели изъ-за носилокъ не видно головы, и онъ уже умеръ или тяжело раненъ»...

[1]) «Севастополь» гр. Л. Толстого. Полное собр. соч. 1886 г. т. III стр. 104.

«Пройдя шаговъ двѣсти, вы выходите въ изрытое, грязное пространство, окруженное со всѣхъ сторонъ турами, насыпями, погребами, платформами, землянками, на которыхъ стоятъ большія чугунныя орудія и правильными кучами лежатъ ядра. Все это кажется вамъ нагороженнымъ безъ всякой цѣли, связи и порядка. Гдѣ на баттареѣ сидитъ кучка матросовъ, гдѣ по срединѣ площади, до половины потонувъ въ грязи, лежитъ разбитая пушка, гдѣ пѣхотный солдатикъ, съ ружьемъ переходящій черезъ баттареи и съ трудомъ вытаскивающій ноги изъ липкой грязи. Но вездѣ, со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ мѣстахъ видите черепки, неразорванныя бомбы, ядра, со всѣхъ сторонъ, кажется, слышите различные звуки пуль—жужжащія, какъ пчела, свистящія, быстрыя или визжащія, какъ струна,—слышите ужасный гулъ выстрѣла, потрясающій всѣхъ васъ, и который вамъ кажется чѣмъ-то ужасно страшнымъ.

«Такъ вонъ онъ, 4-й бастіонъ, вотъ оно, это страшное, дѣйствительно ужасное мѣсто», думаете вы себѣ, испытывая маленькое чувство гордости и большое чувство подавленнаго страха. Но разочаруйтесь: это еще не 4-й бастіонъ. Это — Язоновскій редутъ, — мѣсто,—сравнительно, очень безопасное и вовсе не страшное. Чтобы идти на 4-й бастіонъ, возьмите направо, по этой узкой траншеѣ, по которой, нагнувшись, побрелъ пѣхотный солдатикъ. По траншеѣ этой встрѣтите вы, можетъ быть, опять носилки, матроса, солдатъ съ лопатами, увидите проводники минъ, землянки въ грязи, въ которыя, согнувшись, могутъ влѣзать только два человѣка, и тамъ увидите пластуновъ черноморскихъ баталіоновъ, которые тамъ переобуваются, ѣдятъ, курятъ трубки, живутъ, и увидите опять вездѣ ту-же вонючую грязь, слѣды лагеря и брошенный чугунъ во всевозможныхъ видахъ. Пройдя еще шаговъ триста, вы снова выходите на баттарею—на площадку, изрытую ямами и обставленную турами, насыпанными землей, орудіями, на платформахъ и земляными валами. Здѣсь увидите вы, можетъ быть, человѣкъ пять матросовъ, играющихъ въ карты подъ бруствером, и морского офи-

цера, который, замѣтивъ въ васъ новаго человѣка, любопытнаго, съ удовольствіемъ покажетъ вамъ свое хозяйство и все, что для васъ можетъ быть интереснаго. Офицеръ этотъ такъ спокойно свертываетъ папиросу изъ желтой бумаги, сидя на орудіи, такъ спокойно прохаживается отъ одной амбразуры къ другой, такъ спокойно, безъ малѣйшей афектаціи говоритъ съ вами, что, несмотря на пули, которыя чаще, чѣмъ прежде, жужжатъ надъ вами, вы сами становитесь хладнокровны и внимательно разспрашиваете и слушаете разсказы офицера. Офицеръ этотъ разскажетъ вамъ,— но только ежели вы его разспросите, про бомбардированье 5-го числа, разскажетъ, какъ на его баттареѣ только одно орудіе могло дѣйствовать и изъ всей прислуги осталось 8 человѣкъ и какъ все-таки на другое утро, 6-го, онъ палилъ изъ всѣхъ орудій; разскажетъ вамъ, какъ 5-го попала бомба въ матросскую землянку и положила одиннадцать человѣкъ; покажетъ вамъ изъ амбразуры баттареи и траншеи непріятельскія, которыя не дальше здѣсь, какъ въ 30—40 саженяхъ. Одного я боюсь, что, подъ вліяніемъ жужжанія пуль, высовываясь изъ амбразуры, чтобъ посмотрѣть непріятеля, вы ничего не увидите, а ежели увидите, то очень удивитесь, что этотъ бѣлый каменистый валъ, который такъ близко отъ васъ и на которомъ вспыхиваютъ бѣлые дымики, этотъ-то бѣлый валъ и есть непріятель—«онъ», какъ говорятъ солдаты и матросы»...

Такъ вотъ на какомъ мѣстѣ разбитъ севастопольскій Историческій бульваръ. Но гдѣ слѣды того времени, когда мѣсто это было «страшнымъ, дѣйствительно ужаснымъ»? Гдѣ орудія, траншеи, изрытая бомбами, закапанная кровью дорога? Гдѣ потрясающій гулъ выстрѣловъ, жужжащія надъ головою вашею, какъ пчелы, пули? Все тихо, все спокойно. Торжествующіе лучи южнаго солнца свѣтлыми нитями пронизываютъ листву деревьевъ, скользятъ по невысокимъ бѣлымъ каменнымъ столбами, обозначающимъ мѣста отдѣльныхъ баттарей; по нимъ человѣкъ, знакомый съ военнымъ дѣломъ, можетъ уяснить себѣ вполнѣ всю диспозицію знаменитаго бастіона.

Неимовѣрныхъ усилій стоило разведеніе бульвара на этомъ высокомъ, песчаномъ валу; особенно много заботились о немъ отъ 1883 до 89 года, въ періодъ возрожденія Севастополя. Въ настоящее время, съ упадкомъ въ городѣ торговой дѣятельности, къ глубокому сожалѣнію, бульваръ нѣсколько заброшенъ. Но надо надѣяться, что, помимо дорогихъ воспоминаній, тотъ замѣчательный видъ, который открывается отсюда на всю южную бухту,—особенно рано утромъ, — и чудный воздухъ надлежащимъ образомъ оцѣнятся съ дальнѣйшимъ развитіемъ Севастополя.

Съ знаменитаго 4-го бастіона насъ невольно потянуло къ мѣсту вѣчнаго успокоенія его славныхъ защитниковъ, нами овладѣло непреодолимое желаніе поклониться ихъ праху. Мы направились къ Графской пристани, чтобы переправиться оттуда на Братское кладбище. По пути мы свернули къ Владимірскому собору. Великолѣпный храмъ этотъ строго византійской архитектуры расположенъ на горѣ и какъ бы господствуетъ надъ городомъ. Нижній этажъ обращенъ въ усыпальницу севастопольскихъ героевъ: Нахимова, Корнилова, Истомина и Лазарева, могилы которыхъ расположены крестообразно на срединѣ. Любуясь чудною отдѣлкою и богатою живописью храма, его изяществомъ и величіемъ, невольно переносишься душою въ иныя времена, когда на мѣстѣ этихъ мраморныхъ стѣнъ, этого рѣдкой красоты мозаичнаго пола находились лишь груды щебня, какъ кольцомъ, охваченныя дымящимися развалинами раззореннаго города, съ четырьмя одинокими могилами посреди. Что должны были испытывать защитники Севастополя, относя сюда одного за другимъ своихъ любимыхъ начальниковъ, хороня вмѣстѣ съ ними надежду на лучшее будущее, задавая себѣ лишь одинъ вопросъ: когда же и нашъ чередъ? Какою безмѣрною скорбью наполнялись тутъ геройскія сердца, какія жгучія слезы лились изъ суровыхъ солдатскихъ глазъ!

Позади собора обращаетъ на себя вниманіе башенка съ аллегорическими фигурами по карнизу. Это — одинъ изъ немногихъ

уцѣлѣвшихъ обломковъ стараго Севастополя. Башенка эта, прозванная англичанами «храмомъ вѣтровъ» (The temple of the winds) составляла принадлежность знаменитаго Морского собранія и библіотеки; она служила для доставки воздуха этимъ зданіямъ.

Одинъ изъ многочисленныхъ яликовъ, поджидающихъ пассажировъ у Графской пристани, забралъ всю нашу компанію и перевезъ насъ на Сѣверную сторону въ такъ называемую Панаіотову бухту. Оттуда оставалось идти еще около версты пѣшкомъ до воротъ самого Братскаго кладбища. Названіе «Братскаго» дано кладбищу по предложенію гр. Тотлебена; оно какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ народному духу. Кладбище это называется также и «стотысячнымъ», такъ какъ на немъ покоится около 100.000 воиновъ.

Два громадныхъ каменныхъ креста на высокихъ пирамидальныхъ пьедесталахъ, съ пушками у подножія, возвышаются по обѣимъ сторонамъ этихъ воротъ. Вы входите въ нихъ и останавливаетесь, потрясенные до глубины души раскрывающимся передъ вами зрѣлищемъ: громадная, необозримая равнина сплошь усѣяна могилами; на могилахъ этихъ находятся памятники изъ инкерманскаго камня въ видѣ плитъ, крестовъ, пирамидъ и призмъ, и на каждомъ изъ нихъ виднѣется одна и та же краткая, но полная глубокаго, трогательнаго значенія надпись «Братская могила». Кое-гдѣ среди этого моря братскихъ могилъ выдѣляются, какъ островки, болѣе замысловатые памятники, поставленные отдѣльнымъ лицамъ и полкамъ, какъ напримѣръ памятникъ Волынскому пѣхотному полку, памятники гр. Тотлебена и кн. Горчакова, высокая колонна съ художественнымъ бюстомъ Хрулева.

Въ памятникѣ Хрулева замѣчательнѣе всего находящіяся на немъ надписи. На переднемъ фасѣ написано:

«Хрулеву—Россія».

На боковой грани надпись:

«Къ безсмертной славѣ за собой
«Онъ «благодѣтелей» водилъ,

«И, громкій славой боевой,
«Средь «благодѣтелей» почилъ».

На другой грани слова, сказанныя Евгеніемъ, архимандритомъ Херсонесскаго монастыря, при погребеніи Хрулева надъ его могилою: «Пораздайтесь холмы погребальные, потѣснитесь и вы, благодѣтели. Вотъ старатель вашъ пришелъ доказать вамъ любовь свою, дабы видѣли всѣ, что и въ славныхъ бояхъ, и въ могильныхъ рядахъ не отсталъ онъ отъ васъ. Сомкните же тѣсные ряды свои, храбрецы безпримѣрные, и героя Севастопольской битвы окружите дружнѣе въ вашей семейной могилѣ!»

Братское кладбище.

Выраженія «благодѣтели», «старатели» употреблялись, какъ извѣстно, Хрулевымъ, когда онъ обращался къ солдатамъ, и производили магическое дѣйствіе на войска.

А надъ всѣмъ этимъ городомъ мертвыхъ возвышается и господствуетъ самый величественный, самый грандіозный изъ всѣхъ памятниковъ,—пирамидальная церковь св. Николая.

Церковь эта выстроена изъ бѣлаго камня, добываемаго въ окрестностяхъ Севастополя, въ Инкерманѣ. Теперь камень потемнѣлъ отъ времени и принялъ цвѣтъ гранита. Гранитный крестъ на вершинѣ храма, надъ колокольнею, вѣситъ 1.000 пудовъ. По бокамъ выступовъ храма, на краяхъ пирамиды, вдѣланы широкія доски изъ чернаго гранита, а на нихъ начертаны имена полковъ и командъ, принимавшихъ участіе въ защитѣ Севастополя, съ цифрами почившихъ защитниковъ [1]). Внутри храма на 38-ми черныхъ мраморныхъ доскахъ, которыми выложенъ низъ стѣнъ, вырѣзаны имена убитыхъ генераловъ, штабъ и оберъ офицеровъ—числомъ 943 человѣка. Вся внутренность храма украшена чудной мозаикой, которою Императоръ Александръ III во время посѣщенія своего, въ 1886 г., повелѣлъ замѣнить попортившуюся отъ сырости живопись. Площадка вокругъ храма уставлена старыми орудіями, отобранными у непріятеля. Съ площадки этой чудный видъ на Севастополь.

На Братскомъ кладбищѣ хоронятъ только военныхъ, принимавшихъ участіе въ защитѣ Севастополя, да и то съ Высочайшаго разрѣшенія, а само оно съ его величественными могилами, съ его своеобразнымъ храмомъ-памятникомъ, съ его цвѣтами и деревьями, путемъ невѣроятныхъ усилій разведенными на безплодной, каменистой почвѣ, является достойнѣйшимъ памятникомъ павшимъ героямъ, съ любовью воздвигнутымъ имъ благодарнымъ потомствомъ.

Каждый изъ союзниковъ оставилъ послѣ войны въ окрестностяхъ Севастополя свое кладбище. Ближайшее—французское, въ 4-хъ верстахъ отъ города, у шоссе, содержится въ образцовомъ порядкѣ

[1])	Генераловъ.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.	Итого
Убитыми	5	31	298	16.681	17.015
Ранеными	11	113	905	57.153	58.272
Контужено.	3	67	454	14.651	15.174
Безъ вѣсти пропавшихъ. .	--	4	50	3.110	3.164
	19	215		91.595	93.625

и славится своими прекрасными цвѣтниками. Англійское и итальянское кладбища находятся дальше и не представляютъ особаго интереса.

Солнце склонялось къ западу. Жара начала замѣтно спадать; съ берега потянулъ прохладный вѣтерокъ, и мы поспѣшили обратно къ нашему ялику, чтобъ засвѣтло попасть въ городъ. Южный вечеръ наступилъ быстро, незамѣтно, почти безъ сумерокъ. Давно-ли, казалось, стояли мы среди могилъ Братскаго кладбища, залитыхъ яркими лучами догоравшаго дня, и вотъ насъ охватывалъ уже прозрачный сумракъ темной южной ночи, зажегшей миріады свѣтилъ въ глубокой синевѣ небосклона. Мы сидѣли на скамьѣ Приморскаго бульвара, одного изъ лучшихъ украшеній современнаго Севастополя, расположеннаго на мѣстѣ Николаевской батареи, взорванной англичанами по отступленіи ими изъ Севастополя. Остатки батареи замѣтны и теперь у самаго берега въ видѣ громадныхъ, правильно отесанныхъ камней. Огромныхъ усилій стоило разведеніе этого бульвара: приходилось во многихъ мѣстахъ взрывать известковую скалу и въ ней выбивать ямы для деревьевъ и другихъ посадокъ. Теперь здѣсь чудная растительность, среди которой особое вниманіе обращаютъ на себя величественныя туи и группы кипарисовъ. Съ площадки бульвара нѣсколько лѣстницъ и ходовъ ведутъ на такъ называемый «мысокъ», который имѣетъ болѣе пустынный видъ, такъ какъ на немъ не прививается никакая зелень. Съ мыска мы спустились по лѣстницѣ и пробрались по камнямъ къ скамейкѣ, которая стоитъ, можно сказать, въ самомъ морѣ. Волны ложились у нашихъ ногъ, обдавая насъ повременамъ легкими брызгами. Вдали гремѣлъ превосходный военный оркестръ.

Но что это? Набѣжавшій откуда-то вѣтерокъ зарябилъ воду, и вся Южная Бухта покрылась милліонами свѣтлыхъ, серебристыхъ барашковъ, ярко выдѣлявшихся своимъ фосфорическимъ блескомъ на фонѣ темной ночи. Вотъ отчалилъ отъ берега яликъ и, разрѣзая воду, оставилъ за собою широкую свѣтящуюся полосу, какъ-будто

темная поверхность спящей воды была лишь тонкой оболочкой, скрывавшей бездонную пучину расплавленнаго серебра. Съ веселъ гребца вода стекала серебрянымъ дождемъ. Это — море свѣтилось [1]) — явленіе, свойственное южнымъ морямъ и которому, по счастливой случайности, намъ удалось быть свидѣтелями въ темный августовскій вечеръ, проведенный нами въ Севастополѣ, на берегу Южной Бухты. Долго не могли мы оторвать глазъ отъ чуднаго зрѣлища, а между тѣмъ пора было и на покой, такъ какъ на другой день намъ предстояло встать, чѣмъ свѣтъ, чтобъ успѣть объѣхать остальныя замѣчательныя окрестности Севастополя: Георгіевскій монастырь, Балаклаву и Инкерманъ.

[1]) Явленіе это, какъ извѣстно изъ курса физической географіи, происходитъ отъ множества инфузорій, находящихся въ морской водѣ, покровы которыхъ въ составѣ своемъ содержатъ фосфоръ. Ударяясь о какой-нибудь предметъ или приходя въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, онѣ блестятъ особымъ, фосфорическимъ свѣтомъ.

XXII.

Окрестности Севастополя.

Георгіевскій монастырь.—Балаклава.—Инкерманъ.—Малаховъ курганъ.

Дорога въ Георгіевскій монастырь не особенно интересна; она скорѣе даже однообразна и скучна: обыкновенная крымская степь, выжженная за лѣто солнцемъ; кое-гдѣ виднѣются бакчи и 3—4 хутора; вдали, на горизонтѣ, синѣетъ полосою море. Верстъ за пять до мѣста показался остроконечный шпицъ монастырской колокольни, но потомъ снова скрылся и сталъ виденъ уже съ послѣдней версты. Вотъ и монастырь. Со стороны почтовой дороги онъ тоже не представляетъ ничего особеннаго: длинная ограда, чаща зелени, колокольня и обыкновенныя бѣлыя строенія для жилья и службъ.

Мы вошли въ небольшой садикъ; передъ нами оказалась лужайка, столы, устроенные для чаепитія, кресты и могилы кладбища, окружающаго небольшую бѣлую церковку. Пріятно было отдохнуть

въ зелени и тѣни, но выдающагося мы передъ собою ничего не видѣли. Но что это за арка передъ нами? Это—входъ въ небольшой тоннель; надъ нимъ образъ св. Георгія, поражающаго змѣя. Мы прошли черезъ этотъ тоннель, спустились еще нѣсколько ступеней и остановились у рѣшетки въ глубокомъ, нѣмомъ изумленіи. Передъ нами сразу, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, развернулась грандіозная, чудная панорама. Намъ и не снилось, что мы стоимъ на такой кручѣ, обрывающейся къ самому морю. Мы спустились на площадку, къ фонтану св. Георгія; тутъ насъ остановила другая рѣшетка. Съ этого самаго мѣста, противъ журчащаго мраморнаго фонтана, и начинается спускъ къ морю. Здѣсь устроенъ небольшой балконъ. Отсюда можно охватить почти весь видъ разомъ. У ногъ нашихъ начинался обрывъ, крутой, каменистый, заросшій разнородными деревьями, а далеко внизу шумѣло и тихо ласкалось неугомонное море. Справа нагромождены причудливыя скалы и вдается въ море крутой мысъ,—Фіолентъ, гдѣ, по преданію, находился храмъ богини-дѣвственницы, въ которомъ Ифигенія приносила человѣческія жертвы. Невольно останавливаетъ глаза громадная коническая базальтовая скала: она стоитъ на берегу особнякомъ и только однимъ бокомъ припаяна къ сушѣ; другая такая же темная базальтовая скала, выгнутой формы, возвышается изъ воды на нѣкоторомъ разстояніи отъ мыса Фіолента. Особенно сильное впечатлѣніе производятъ эти скалы, когда спустишься внизъ, на усѣянный милліардами разноцвѣтныхъ камней морской берегъ. Видъ отсюда на монастырскія постройки, на зелень, на монастырскіе сады, которые кажутся какимъ-то оазисомъ, какъ бы висящимъ на воздухѣ, надъ пропастью, посреди темныхъ базальтовыхъ скалъ, — это видъ рѣдкій и единственный, какой едва-ли можно встрѣтить гдѣ-либо.

Самъ по себѣ Георгіевскій монастырь интересенъ какъ памятникъ глубокой древности и какъ одинъ изъ первыхъ православныхъ монастырей въ Россіи. Вблизи нынѣшняго Георгіевскаго монастыря, въ горѣ съ незапамятныхъ временъ имѣлся храмъ, устроенный въ пещерѣ, вы-

рытой руками тавровъ, скиѳовъ, а быть можетъ и ихъ дальнихъ предковъ. Остатки его существуютъ и понынѣ. Когда въ Тавридѣ появилось христіанство, этотъ храмъ служилъ убѣжищемъ первымъ христіанамъ. По преданію, въ 891 году нѣсколько грековъ-христіанъ во время плаванія по Черному морю были застигнуты страшною бурею. Тогда они обратились съ молитвою къ св. Георгію Побѣдоносцу; онъ явился имъ на камнѣ, отстоящемъ саженей на 70 отъ берега, и буря тотчасъ стихла. Спасенные взошли на камень и нашли тамъ образъ Священномученика. Выйдя на берегъ, они, въ знакъ благодарности, основали въ ближайшемъ пещерномъ храмѣ общежитіе, въ которомъ наиболѣе набожные изъ нихъ остались навсегда. Въ 1891 году монастырь праздновалъ тысячелѣтіе своего существованія [1]).

Въ Крымскую кампанію въ Георгіевскомъ монастырѣ жилъ французскій главнокомандующій; и теперь еще на стѣнахъ монастырскихъ зданій можно замѣтить много надписей, оставленныхъ здѣсь французами.

Распростившись съ Георгіевскимъ монастыремъ и его чудными видами, мы продолжали нашъ путь по направленію къ Балаклавѣ. Дорога продолжала быть мало интересной, но вотъ передъ нами показались вдали красноватые мраморные утесы, возвышающіеся надъ городомъ и стоящіе на этихъ утесахъ древнія башни старинной генуэзской крѣпости. Самого города не видно было почти до тѣхъ поръ, пока мы въ него въѣхали, и остановились, пораженные своеобразною картиною, которую представляетъ Балаклава и ея бухта.

Двѣ высокія, крутыя и обнаженныя скалы нависли здѣсь надъ морскимъ рукавомъ, глубоко врѣзавшимся въ землю. Рукавъ этотъ, образующій три изгиба, соединяется съ моремъ узкимъ едва замѣтнымъ издали проливомъ и похожъ скорѣе на глубокое озеро, чѣмъ на морскую бухту. Но именно эти-то особенности Балаклавской

---

[1]) Е. Э. Ивановъ. Севастополь и его окрестности. Стр. 28.

бухты и составляютъ ея неоцѣнимое достоинство: окруженная и закрытая со всѣхъ сторонъ нависшими надъ ней горами, небольшая бухта эта представляетъ самый удобный и безопасный портъ. Во время осады Севастополя въ немъ спокойно помѣщался весь англійскій флотъ. О Балаклавѣ и ея портѣ «съ весьма узкимъ входомъ» очень точно и вѣрно упоминаетъ и знаменитый греческій географъ Страбонъ. Онъ называетъ ее «Портомъ Символовъ». По его словамъ, въ этомъ портѣ тавры устраивали свои разбойничьи притоны и занимались отсюда пиратствомъ, нападая на путниковъ, появлявшихся у крымскихъ береговъ. Полагаютъ, что и разбойничій портъ Лестригоновъ, подробно описываемый Гомеромъ въ Одиссеѣ [1],—та же самая Балаклава. Да и дѣйствительно лучшаго разбойничьяго гнѣзда, чѣмъ Балаклава съ ея, по выраженію Страбона, «узкоротою» гаванью нельзя и придумать.

Въ настоящее время Балаклава—городокъ съ 1500 душъ населенія, расположенный на правой сторонѣ залива, подъ навѣсомъ скалы, съ одною главною, неширокою улицею, идущею вдоль набережной. Нѣкоторые дома раскинуты по скату горы амфитеатромъ, довольно неправильно, образуя нѣсколько кривыхъ и короткихъ переулковъ. Осматривать въ Балаклавѣ теперь нечего, кромѣ остатковъ древней генуэзской крѣпости, стоявшей когда-то на ея утесахъ.

Подъемъ на скалу, гдѣ стояла крѣпость, очень крутъ. Очевидно, генуэзцы придавали большое значеніе Балаклавѣ, оградивъ ее тремя крѣпостными стѣнами съ башнями, остатки которыхъ мы и видимъ здѣсь теперь. Сильная, грозная крѣпость одною стороною была обращена къ заливу, а другою смотрѣла въ открытое море. Страшная крутизна горы дѣлала ее почти неприступною со стороны суши. Изъ восьми башенъ, возвышавшихся на главной стѣнѣ, уцѣлѣли, да и то не вполнѣ, только двѣ, которы[illegible] и до сихъ поръ какъ бы господствуютъ надъ раскинувшим[illegible]хъ подножія городкомъ.

[1] Пѣснь X, стихъ 87—1[illegible]

Генуэзсцы учредили въ Балаклавѣ, какъ и въ другихъ важнѣйшихъ своихъ колоніяхъ, цѣлое отдѣльное управленіе, состоявшее изъ консула, кастелана и капитана порта. Крѣпость была занята гарнизономъ. Вскорѣ здѣсь учреждена была и отдѣльная католическая епископія.

Въ 1475 г. Балаклава подверглась участи всѣхъ генуэзскихъ владѣній въ Крыму: она перешла во власть турокъ, занявшихъ ея крѣпость своимъ гарнизономъ.

Послѣ турокъ и татаръ, когда Крымъ былъ взятъ нами, Балаклава была заселена потомками архипелажскихъ грековъ, водворенныхъ въ Крыму въ царствованіе Екатерины II. Изъ нихъ-то и былъ образованъ балаклавскій «греческій баталіонъ», считавшій своимъ священнымъ долгомъ отстаивать родной городъ до послѣдней крайности во времена Крымской кампаніи.

Занявъ Балаклаву, англичане успѣли превратить ее въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ севастопольской осады въ чисто англійскій городъ, съ фабриками, мастерскими, желѣзною дорогою, телеграфомъ, съ десятками пароходовъ въ бухтѣ и проч. Теперь это—жалкій городокъ, перебивающійся главнымъ образомъ ловлей рыбы, преимущественно крымской хамсы, изъ которой два завода, лежащіе на противоположномъ берегу бухты, приготовляютъ «русскія сардинки». Другая доходная отрасль—виноградъ и винодѣліе, то и другое въ скромныхъ размѣрахъ. Надо надѣяться, что современемъ многочисленные пріѣзжіе, стекающіеся въ Крымъ со всѣмъ концовъ Россіи, оцѣнятъ надлежащимъ образомъ мягкій и ровный климатъ Балаклавы, ея прекрасное купанье и что этотъ симпатичный уголокъ разовьется въ одинъ изъ извѣстныхъ русскихъ морскихъ курортовъ.

Вторая половина нашего дня была посвящена поѣздкѣ въ Инкерманъ. Инкерманскія высоты, древнія развалины, называемыя Инкерманомъ, и монастырь, при нихъ находящійся, расположены въ самой глубинѣ большой Севастопольской бухты, недалеко отъ а, гдѣ въ нее впадаетъ Черная рѣчка.

Хребетъ горъ, на правой сторонѣ Черной рѣчки, оканчивается здѣсь отвѣсными скалами, высунувшимися высокимъ мысомъ; сближаясь съ обрывистою горою, находящеюся на противоположномъ берегу, хребетъ этотъ образуетъ здѣсь ущелье, на днѣ котораго и протекаетъ Черная рѣчка. Въ этой-то гористой мѣстности съ ея ущельями, обрывами и возвышенностями и происходила ужасная, кровопролитная битва 24-го октября 1854 г.

Подобно Балаклавѣ, Инкерманъ былъ въ свое время величественною крѣпостью. Посланникъ польскаго короля Стефана Баторія—Броневскій, лично посѣтившій Инкерманъ въ 1578 г., пишетъ: «Въ Инкерманѣ каменная крѣпость, мечеть и пещеры, съ удивительнымъ искусствомъ высѣченныя подъ крѣпостью и противъ нея. Отъ этихъ пещеръ городъ и получилъ турецкое названіе[1]). Видно, что инкерманская великолѣпная крѣпость построена греками, ибо и до сихъ поръ еще ворота и нѣкоторыя уцѣлѣвшія зданія украшены греческими надписями и гербами».

Отъ этой нѣкогда великолѣпной крѣпости остались развалины двухъ-трехъ башенъ, возвышающіяся надъ крутымъ обрывомъ, у подножія котораго расположился Инкерманскій монастырь и остатки древняго пещернаго города.

Посѣщеніе этого монастыря, въ особенности же его пещерной части, необыкновенно интересно. Первоначальнымъ основателемъ инкерманскаго общежитія считается папа римскій Климентъ I, жившій въ I вѣкѣ по Р. Х. По преданію, онъ былъ сосланъ императоромъ Траяномъ въ Крымъ на каторжныя работы въ инкерманскія каменоломни. Тутъ онъ нашелъ другихъ христіанъ, укрывавшихся отъ преслѣдованія язычниковъ въ пещерахъ или, какъ ихъ иначе называютъ, криптахъ, вырытыхъ въ инкерманскихъ известковыхъ скалахъ первобытными народами, населявшими Крымъ, и основалъ христіанскую общину. За распространеніе христіанства онъ принялъ

---

[1]) Инъ—пещера; керменъ—крѣпость.

мученическую смерть: по приказанію императора его утопили въ морѣ вблизи Херсонеса.—По преданію, около 861 года Инкерманъ посѣтили славянскіе первоучители, свв. Кириллъ и Меѳодій. Здѣсь они собрали свѣдѣнія о св. Климентѣ, розыскали его мощи и увезли ихъ въ Римъ.

Намъ указали церковь, высѣченную въ скалѣ самимъ св. Климентомъ. На стѣнѣ алтарной части имъ же начертанъ крестъ, который оберегается, какъ святыня; рядомъ съ церковью находится небольшая трапезная, также высѣченная въ скалѣ; тутъ же указали намъ и небольшой склепъ, наполненный черепами, принадлежавшими, какъ говорятъ, укрывавшимся здѣсь древнимъ христіанамъ.

Инкерманскій монастырь въ современномъ видѣ.

Съ балкона пещерной церкви, какъ бы висящаго на воздухѣ, открывается замѣчательный видъ на всѣ окрестности, полныя столькихъ воспоминаній. У ногъ своихъ вы видите долину Черной рѣчки и полотно желѣзной дороги, проходящей около самаго монастыря. На противоположномъ берегу виднѣются каменоломни, въ которыхъ добывается прекрасный бѣлый известнякъ, называемый инкерманскимъ камнемъ. Камень этотъ слу-

житъ для облицовки и украшеній лучшихъ севастопольскихъ зданій. Вотъ и часовня у подножія Ѳедюхиныхъ высотъ, воздвигнутая на мѣстѣ гибели нашей кавалеріи, сорвавшейся сюда съ отвѣсной стѣны въ роковой день 4-го августа 1855 года. Слѣды происходившихъ тутъ сраженій передъ вами на лицо: дверь и иконостасъ пещерной церкви пробиты пулями, а въ одной стѣнѣ засѣло ядро.

Вся монастырская гора покрыта множествомъ пещеръ. Издали онѣ, точно гнѣзда стрижей, усѣяли ея крутые обрывы. Множество криптъ обрушилось и уничтожено временемъ, а главнымъ образомъ каменоломнями. Теперь уже не существуетъ и половины самыхъ замѣчательныхъ пещеръ, лѣстницъ, галлерей, съ такимъ удивительнымъ искусствомъ и терпѣніемъ высѣченныхъ въ скалѣ первобытными обитателями Крыма. Кто жилъ въ нихъ: тавръ, скиѳъ или еще болѣе далекій ихъ предокъ? Какія пламенныя молитвы произносились въ глубокой мглѣ этихъ пещеръ, какая вѣра теплилась въ сердцахъ тѣхъ древнихъ христіанъ, которые искали въ нѣдрахъ неприступной скалы помощь и защиту небесной силы отъ своихъ гонителей?

Отдохнувъ и напившись чаю въ небольшомъ, тѣнистомъ монастырскомъ садикѣ, среди котораго протекаетъ источникъ чистой, какъ кристаллъ, горной воды, мы направились обратно въ Севастополь и окончили день нашего тамъ пребыванія на Малаховомъ курганѣ, этой русской святынѣ, гдѣ сложили голову старшіе и лучшіе защитники Севастополя: Корниловъ, Истоминъ и Нахимовъ.

Прекрасная, вымощенная гранитными кубиками дорога ведетъ по Корабельной слободкѣ до самаго Малахова кургана. Съ лѣвой стороны видны возобновленныя казармы Черноморскаго флота. Передъ казармами этими, на площадкѣ, обращенной къ морю, находится памятникъ адмиралу Лазареву. Колоссальная фигура знаменитаго адмирала какъ бы обозрѣваетъ Южную бухту и родимое свое дѣтище—Черноморскій флотъ. Вправо отъ памятника у подножія возвышенной площади, на которой стоятъ казармы, находятся новые доки.

Какъ только мы остановились, добравшись до вершины кургана, къ намъ подошелъ старый морякъ съ Георгіемъ на груди. Это—сторожъ Малахова кургана, одинъ изъ очевидцевъ и участниковъ севастопольской обороны. Всѣ одиннадцать мѣсяцевъ провелъ онъ подъ непріятельскимъ огнемъ, уцѣлѣлъ какимъ-то чудомъ, отдѣлавшись легкою контузіею, и теперь доживаетъ свой вѣкъ въ сторожкѣ, на родномъ курганѣ, охраняя находящіеся тамъ, драгоцѣнные сердцу каждаго русскаго памятники. Событія славнаго времени еще свѣжи въ воспоминаніи этого необыкновенно бодраго душою и тѣломъ старика. Указалъ онъ намъ остатки траншей, мѣста бывшихъ «отроковъ въ пещи огненной»—Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ и Камчатскаго люнета, линію непріятельскихъ укрѣпленій. Трудно себѣ представить, чтобъ на этой полянѣ, до которой, какъ рукой подать, вмѣсто мирно пасущагося тамъ стада, возвышались когда-то непріятельскія укрѣпленія, осыпавшія градомъ ядеръ и пуль защитниковъ Малахова кургана. Если и приходится чему удивляться, то не тому, что на этомъ мѣстѣ полегли десятки тысячъ, а тому, что изъ такого адскаго огня вышелъ хоть кто-нибудь живымъ. И до сихъ поръ курганъ какъ бы пронизанъ снарядами. Внучата старика-сторожа то и дѣло выкапываютъ изъ земли пули и осколки ядеръ и гранатъ, которые и предлагаются ими на память о курганѣ.

Вотъ и развалины сторожевой башни, той самой, гдѣ во время штурма 27-го августа 1885 г. три офицера и 50 человѣкъ солдатъ Модлинскаго полка отбивались отъ всей французской арміи и сдались лишь тогда, когда увидѣли, что имъ приходится стрѣлять по своимъ[1]). Старикъ повелъ насъ въ подземныя галлереи, нѣмыя свидѣтельницы подземной, минной войны, которая велась тутъ зимою 1854—55 года. Онъ указалъ и мѣсто, гдѣ лежалъ принесенный съ Камчатскаго люнета обезглавленный трупъ Истомина.

---

[1]) См. гл. XIX. Стран. 137.

Мѣста, гдѣ пали Истоминъ и Нахимовъ, обозначены мраморными плитами съ соотвѣтственными надписями.

Недалеко отъ сторожки, въ небольшомъ садикѣ изъ туи, миндаля и ясеня, обнесенномъ каменною оградою съ желѣзною калиткою, находится такъ называемая франко-русская могила.

Извѣстно, что во время осады приходилось часто назначать перемирія для уборки тѣлъ. Въ такихъ случаяхъ назначались демаркаціонныя линіи и выставлялись цѣпи съ обѣихъ сторонъ. Во время такихъ перемирій наши и французскіе солдаты дружески встрѣчались и сообща убирали тѣла дорогихъ покойниковъ. Подобныя отношенія доказывали то взаимное уваженіе, которое питали другъ къ другу непріятельскія войска, а также и ту симпатію, которая искони существовала между обѣими великими націями.

Послѣ занятія Малахова кургана французскими войсками 27-го августа 1885 г. необходимо было произвести уборку тѣлъ, громадное количество которыхъ оставалось на курганѣ, какъ главномъ центрѣ всего боя. Лишь на третій день послѣ штурма тѣла всѣхъ русскихъ и французовъ были похоронены въ одной общей могилѣ. Надъ могилою этою французы поставили крестъ и сдѣлали на немъ надпись. Отъ времени этотъ крестъ пришелъ въ ветхость, а потому въ 1872 г., вмѣсто него поставленъ памятникъ изъ бѣлаго мрамора.

Онъ состоитъ изъ четырехъугольной пирамиды, на которой находится колонна, а на верху ея крестъ. На западной грани пирамиды сдѣлана слѣдующая надпись:

«Памяти воиновъ
русскихъ
и французскихъ,
павшихъ
на Малаховомъ курганѣ
при [illegible] іи

На восточной грани пирамиды слѣдующая надпись:

«Воздвигнутъ на мѣстѣ деревяннаго креста, поставленнаго французами.

8 septembre
1855.
«Unis pour la victoire,
«Réunis par la mort,
«Du soldat c'est la gloire
«Des braves c'est le sort [1]).

Но лучшимъ украшеніемъ Малахова кургана является великолѣпный по мысли и выполненію памятникъ Корнилову, воздвигнутый на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ 5-го октября 1854 г. онъ упалъ, сраженный ядромъ, гдѣ находился прежде крестъ, съ любовью и горькими слезами выложенный изъ ядеръ матросами.

Узнавъ о геройской смерти Корнилова, Императоръ Николай I повелѣлъ, какъ мы уже говорили, назвать Корниловскимъ бастіонъ, гдѣ онъ погибъ, и воздвигнуть ему тамъ памятникъ. Воля Императора теперь исполнена; памятникъ Корнилову созданъ. На саженномъ цоколѣ изъ крымскаго гранита возвышается бронзовый пьедесталъ, воплощающій идею обороны Севастополя, когда изъ земли выростали укрѣпленія и пушки старыхъ кораблей были разставлены на гордыхъ твердыняхъ. На пьедесталѣ этомъ лежитъ Корниловъ, сраженный ядромъ, съ рукою, простертою по направленію къ Севастополю, какъ бы произнося свой завѣтъ: «Отстаивайте—Севастополь».

Исполняя его волю, черноморскій матросъ, подъ градомъ ядеръ, молодецки подхватываетъ снарядъ и спѣшитъ послать его въ дуло орудія [2]). На лицевой сторонѣ памятника, пробитой ядрами, надпись:

[1]) Ихъ вдохновляла побѣда и соединила смерть. Такова слава солдата, такова судьба храбреца.

[2]) Проектъ памятника принадлежитъ генералъ-лейтенанту А. А. Бильдерлингу; выполненіе проекта—академику Шредеру. Памятникъ отлитъ изъ бронзы на петербургскомъ заводѣ Берта (бывшій Шопена).

«Генералъ-адъютантъ, вице-адмиралъ Корниловъ, смертельно раненый на семъ мѣстѣ 5-го октября 1854 года». На лѣвой сторонѣ, какъ уже было сказано, фигура матроса, заряжающаго орудіе. На правой—контръ адмиральскій и вице-адмиральскій флаги и надпись: «Наваринъ. 1827 г.» «Синопъ. 1853 г». Названія судовъ, которыми командовалъ Корниловъ: 1831 г. тендеръ «Лебедь», 1833 г. бригъ «Фемистоклъ», 1837 г. корветъ «Орестъ», 1842 г. корабль «Двѣнадцать Апостоловъ», съ 1849 г. начальникъ штаба Черноморскаго флота. На задней сторонѣ, на откосѣ скалы, послѣдняя предсмертная молитва адмирала:

«Благослови, Господи, Россію, Царя, спаси Севастополь и флотъ»!

Общая высота памятника—пять саженъ. Помѣщенный на вершинѣ Малахова кургана, онъ виденъ отовсюду—изъ города и съ моря.

Вечерѣло. Огненный дискъ заходящаго солнца медленно погружался въ безбрежную даль Чернаго моря. Багряные лучи его догорали и тухли на бѣлыхъ стѣнахъ Севастополя, на золотыхъ крестахъ его церквей. Этотъ южный вечеръ, этотъ раскинувшійся у нашихъ ногъ красавецъ-городъ, зеленовато-лазурное море, покрытое, какъ и въ былыя времена судами родного флота, — все это, вмѣстѣ взятое, сливалось въ дивную картину, отъ которой не хотѣлось и глазъ оторвать... А гигантская фигура умирающаго Корнилова съ рукою, простертою къ Севастополю, какъ бы царила надъ всею мѣстностью, какъ бы указывала на городъ, одно названіе котораго заставляетъ биться сильнѣе каждое истинно русское сердце.

У подножія памятника стояли мои дѣти. И казалось мнѣ, что къ нимъ, а въ лицѣ ихъ и [illegible] всей юной Россіи обращается родной герой, что къ н[illegible] предсмертныя слова:

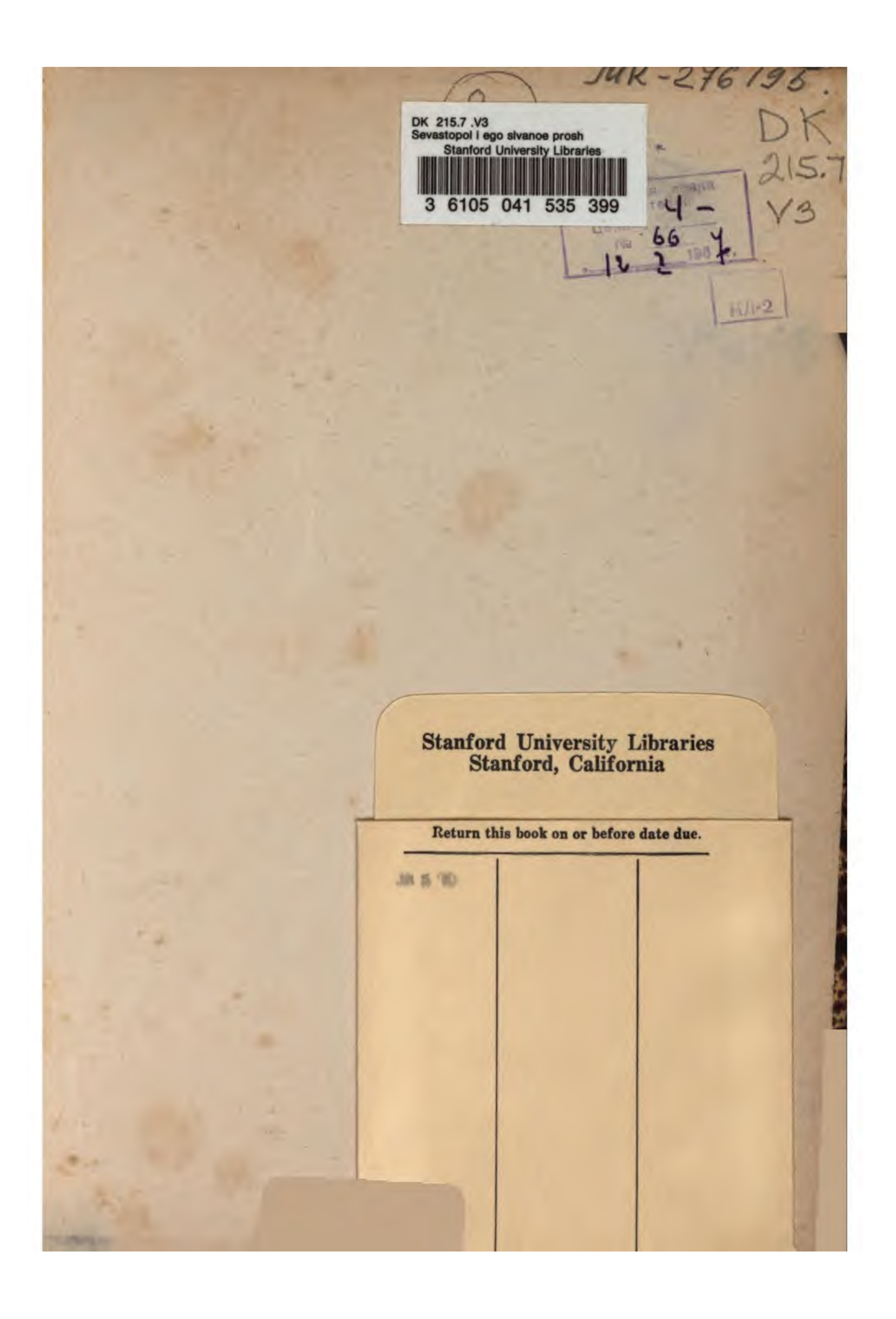
«Хорошо уми[illegible]о умирать, когда совѣсть спокойна!»

СОДЕРЖАНІЕ.

ИСТОЧНИКИ.

1. Гр. Тотлебенъ. Описаніе обороны г. Севастополя. 2 части. 3 книги. СПБ. 1863—1874 гг.
2. Н. Дубровинъ. Трехсотъ-сорока-девяти дневная защита Севастополя. СПБ. 1872 г.
3. Аничковъ. Военно-историческіе очерки Крымской экспедиціи. СПБ. 1856 г.
4. Kinglake A. W. The invasion of the Crimea: its origin and an account of its progress down to the death of lord Raglan. Vol I—VI. Cabinet edition, 6 edition. Vol VII—VIII. Edinburgh and London. 1877—1885.
5. Baron Bazancourt. L'expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sebastopol. Chronique de la guerre d'Orient. 2-me édition. Paris 1856 г.
6. Гр. Л. Толстой. Севастополь въ декабрѣ 1854, въ маѣ и августѣ 1855 гг. Полное собр. сочин. Москва 1886.
7. Е. М. Бакунина. Записки сестры милосердія. Вѣстн. Европы. 1898 г. III, IV.
8. Соколовъ. Славная оборона Севастополя. СПБ. 1887 г.
9. Соловьевъ. С. М. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. СПБ. Изд. «Обществен. Пользы» т. I, гл. 7.
10. Иловайскій. Исторія Россіи. Кіевскій періодъ.
11. Гр. Толстой и Н. Кондаковъ. Русскія древности въ памятникахъ искусства. СПБ. 1889—90 гг.
12. Goethe. Iphigenie auf Tauris. Mit Anmerkungen v. Professor Denzel. Stuttgart 1884.
13. Чуйко. Двѣ Ифигеніи. Опытъ литературной параллели. Сборн. «Привѣтъ». СПБ. 1898 г.
14. Е. Э. Ивановъ. Севастополь и его окрестности. Сев. 1894 г.

DK 215.7 .V3
Sevastopol i ego slvanoe prosh
Stanford University Libraries
3 6105 041 535 399
DK
215.7
V3
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.

